
СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

Периодическое научное издание
Основано в 2009 г.
№ 2-1(26)
2016

Главный редактор – канд. пед. наук **В.Н. Абросимов**
Зав. редакцией – **Т.А. Магсумов**
Ответственный секретарь редакции – **Я.А. Максимов**
Технический редактор, администратор сайта – **Ю.В. Бяков**
Компьютерная верстка – **Р.В. Орлов**

MODERN RESEARCH OF SOCIAL PROBLEMS

Printed Scientific Periodical Edition
Founded in 2009
№ 2-1(26)
2016

Editor-in-Chief – **V.N. Abrosimov**, PhD
Deputy Editor-in-Chief – **T.A. Magsumov**
Executive Secretary – **Ya.A. Maksimov**
Support Contact – **Yu.V. Vyakov**
Imposer – **R.V. Orlov**

Красноярск, 2016
Научно-Инновационный Центр

Krasnoyarsk, 2016
Science and Innovation Center Publishing House

Современные исследования социальных проблем, № 2-1(26), 2016, 316 с.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) (свидетельство ПИ № ФС 77-39176 от 17.03.2010) и Международным центром ISSN (ISSN 2077-1770).

Журнал выходит четыре раза в год

На основании заключения Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России журнал включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы публикаций. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Журнал представлен в полнотекстовом формате в НАУЧНОЙ ЭЛЕКТРОННОЙ БИБЛИОТЕКЕ в целях создания Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Адрес редакции, издателя и для корреспонденции:

660127, г. Красноярск, ул. 9 Мая, 5 к. 192

E-mail: sisp@nkras.ru

www.soc-journal.ru

Подписной индекс в каталогах «Пресса России» – 94088, «СИБ-Пресса» – 94088

Учредитель и издатель:

Издательство ООО «Научно-инновационный центр»

Science and Innovation Center Publishing House

Modern Research of Social Problems, № 2-1(26), 2016, 316 p.

The edition is registered (certificate of registry PE № FS 77-39176) by the Federal Service of Intercommunication and Mass Media Control and by the International center ISSN (ISSN 2077-1770).

Modern Research of Social Problems is published 4 times per year

All manuscripts submitted are subject to double-blind review.

The journal is included in the Reviewing journal and Data base of the RISATI RAS. Information about the journal issues is presented in the RISATI RAS catalogue and accessible online on the Electronic Scientific Library site in full format, in order to create Russian Science Citation Index (RSCI). The journal has got a RSCI impact-factor (IF RSCI).

Address for correspondence:

9 Maya St., 5/192, Krasnoyarsk, 660127, Russian Federation

E-mail: sisp@nkras.ru

www.soc-journal.ru

Subscription index in the General catalog «The Russian Press» – 94088, «SIB-Press» – 94088

Published by Science and Innovation Center Publishing House

Свободная цена

© Научно-инновационный центр, 2016

Члены редакционной коллегии

Валеев Наиль Мансурович – доктор филологических наук, профессор, академик Академии наук Республики Татарстан (АН РТ), Академик-секретарь Отделения гуманитарных наук ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан», член Президиума АН РТ

Галиева Фарида Габдулхаевна – доктор филологических наук, кандидат исторических наук, заведующий отделом этнографии ФГБУН «Институт этнологических исследований им. Р.Г.Кузеева» Уфимского научного центра РАН, доцент Филиала МГПУ им. М.А. Шолохова в г. Уфе, Россия

Гасанов Магомед Магомедович – доктор исторических наук, профессор, проректор по учебной работе, заведующий кафедрой истории России с древнейших времен до конца XIX в. ФГБОУ ВПО «Дагестанский государственный университет»

Готовцева Анастасия Геннадьевна – доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры литературной критики факультета журналистики Института массмедиа ФГБОУ ВПО «Российский государственный гуманитарный университет», г. Москва, Россия

Доценко Дмитрий Васильевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры педагогики детства, иностранных языков, информатики и частных методик Филиала Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева в г. Железногорске

Зубова Яна Валерьевна – доктор социологических наук, профессор кафедры менеджмента Филиала ФГБОУ ВПО «Ухтинский государственный технический университет» в г. Усинске

Зуляяр Юрий Анатольевич – доктор исторических наук, доцент, декан исторического факультета, заведующий кафедрой политологии и истории ФГБОУ ВПО «Иркутский государственный университет»

Копцева Наталья Петровна – доктор философских наук, профессор, декан факультета Гуманитарного института ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет»

Корнилова Ирина Валерьевна – доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории и методики ее преподавания ФГБОУ ВПО «Набережночелнинский институт социально-педагогических технологий и ресурсов»

Литвин Александр Алтерович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой музеологии, культурологии и туризма Института международных отношений, истории и востоковедения ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

Мацневский Герман Олегович – доктор исторических наук, доцент, начальник научного отдела ФГБОУ ВО «Краснодарский государственный институт культуры»

Мостицкая Наталья Дмитриевна – кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры культурологии и антропологии ФГБОУ ВО «Московский государственный институт культуры»

Покришук Дмитрий Владимирович – кандидат политических наук, преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва, Россия

Поповкин Андрей Владимирович – кандидат философских наук, заведующий кафедрой философии ДВО РАН ФГБУН Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук

Поповкина Галина Сергеевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнографии, этнологии и антропологии ФГБУН Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук

Пулькин Максим Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора истории ФГБУН Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук

Саенко Наталья Ряфиковна – доктор философских наук, кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры философии и социально-гуманитарного знания ФГБОУ ВПО «Российский государственный университет туризма и сервиса»

Серов Николай Викторович – доктор культурологии, профессор, профессор кафедры философии и культурологии Санкт-Петербургское ГАОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы»

Судовиков Михаил Сергеевич – доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой отечественной истории ФГБОУ ВПО «Вятский государственный гуманитарный университет», директор Кировского областного государственного бюджетного учреждения культуры «Кировский областной краеведческий музей», руководитель научно-исследовательского Центра регионоведения Кировского областного государственного бюджетного учреждения культуры «Кировская ордена Почета государственная универсальная областная научная библиотека имени А.И. Герцена»

Широкалова Галина Сергеевна – доктор социологических наук, кандидат философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии, социологии и политологии ФГБОУ ВО «Нижегородская государственная сельскохозяйственная академия»

Editorial Board Members

Valeev Nail Mansurovich – Academician of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Doctor of Philology, professor; Honored Scientist of the Russian Federation and the Republic of Tatarstan; member of the Writers' Union of Russia and the presidium of the Union of Russian ethnographers; Vice-President of the Republic of Tatarstan; Academician-secretary of the Department of Humanities of the Republic of Tatarstan

Galieva Farida Gabdul Khaevna – Senior Researcher, Institute of Ethnological Studies Ufa Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Doctor of Philology, Candidate of History, Associate Professor of Moscow State Pedagogical University, Branch in Ufa

Gasanov Magomed Magomedovich – Vice-Rector for Academic Affairs (Dagestan State University), Doctor of History, Professor

Gotovtseva Anastasiya Gennadevna – Doctor of Philology, Associate Professor, assistant professor of literary criticism of the Faculty of Journalism of the Institute of the media «Russian State University for the Humanities»

Dotsenko Dmitry Vasilevich – Candidate of Philology, Associate Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafieva, Zheleznogorsk Branch

Zubova Yana Valerevna – Doctor of Social Sciences, Department of Management, Ukhta State Technical University, Branch in the city of Usinsk

Zulyar Yuriy Anatolevich – Head of the Department of Political Science and the Faculty of History of Russian history, Irkutsk State University, Doctor of History

Koptseva Natalia Petrovna – Doctor of Philosophy, Professor, Dean of the Faculty of Humanities Institute, Siberian Federal University

Kornilova Irina Valerevna – Doctor of History, Assistant Professor, Naberezhnye Chelny Institute of Socio-Educational Technologies and Resources

Litvin Aleksandr Alterovich – Doctor of History, Professor, Head of the Department of Museology, culture and tourism, Kazan (Volga) Federal University

Matsievskiy German Olegovich – Head of the Scientific Department of the Krasnodar State University of Culture and Arts, Doctor of History, Associate Professor

Mostitskaya Natalya Dmitrievna – Candidate of Cultural Studies, Associate Professor, Moscow State University of Culture and Arts

Pokrishchuk Dmitriy Vladimirovich – Candidate of Political Sciences, Lecturer, Department of humanitarian and socio-economic disciplines Russian State Humanitarian University

Popovkin Andrey Vladimirovich – researcher in the Department of Ethnography, ethnology and anthropology Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East (IIAE FEB RAS), associate professor of the philosophy of the Far Eastern State Technical University, Candidate of Philosophy

Popovkina Galina Sergeevna – Senior Fellow of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of RAS (Vladivostok), Candidate of History

Pulkin Maksim Viktorovich – Candidate of History, Senior Researcher, Institute of Language, Literature and History of Karelian Research Centre of Russian Academy of Sciences, Associate Professor of the Department of Cultural, Petrozavodsk State University

Saenko Natalya Ryafikovna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy, Volgograd State Pedagogical University

Serov Nikolay Viktorovich – Doctor of Cultural Studies, Professor of Philosophy and Cultural Studies St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work

Sudovikov Mikhail Sergeevich – Doctor of History, Assistant Professor, Head of the department of national history, Federal State Educational Institution of Higher Professional Education «Vyatka State University of Humanities»

Shirokalova Galina Sergeevna – Doctor of Social Sciences, Professor, Head of the Department of Philosophy, Sociology and Political Science, Nizhny Novgorod State Agricultural Academy

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

HISTORY AND ARCHAEOLOGICAL STUDIES

DOI: 10.12731/2077-1770-2016-2-7-21

УДК 39

«ПСИХОЛОГИЯ НАРОДОВ» В ИССЛЕДОВАНИЯХ ГЕРМАНСКИХ И ФРАНЦУЗСКИХ АВТОРОВ КОНЦА XIX НАЧАЛА XX ВЕКОВ (НА ПРИМЕРАХ М. ЛАЦАРУСА, Х. ШТЕЙНТАЛЯ, В. ВУНДТА И Г. ЛЕБОНА)

Аджинджал К.А.

В статье представлен анализ взглядов двух направлений в «психологии народов» конца XIX начала XX веков, связанных с именами М. Лацаруса, Х. Штейнталя, В. Вундта и Г. Лебона, противоположность методов Вундта с одной стороны и Лебона с другой. Если первое направление можно условно назвать германским, то второе французским. Представители первого подхода делают упор на исследовании особенностей языка, мифов, нравов, обычаев, а второго акцентируют внимание на расовом вопросе, говоря о детерминированности национальной культуры от принадлежности того или иного народа к той или иной расе. Цель статьи рассмотреть особенности развития «психологии народов» в Германии и Франции, выявить генезис основных концепций, общность,

различия, а также внутреннее своеобразие обоих подходов. В качестве методологической основы лежит сравнительный анализ. При написании использовались как работы самих рассматриваемых авторов, так и теоретические работы В. Дильтея и Г. Шпета, в которых обобщается опыт этнопсихологии в XIX веке. В статье делается акцент на корнях представлений Лебона об этнической и расовой психологии. В первую очередь, это идеи основателя расизма Ж. Гобино. Показывается, что не только Гобино был источником идей для Лебона, но и некоторые положения учения Ипполита Тэна. Речь идет о специфически понятом Лебоном учении Тэна.

Ключевые слова: *изучение национальных проблем; психология народов; этническое самосознание; психология; этнология.*

**«THE PSYCHOLOGY OF PEOPLES» IN THE STUDY
OF GERMAN AND FRENCH AUTHORS OF THE LATE
NINETEENTH AND EARLY TWENTIETH CENTURIES
(WITH EXAMPLES M.LATSARUSA, H.SHTEYNTALYA,
W. WUNDT AND G.LEBONA)**

Ajinjal K.A.

The article presents an analysis of the views of the two directions in the “psychology of peoples” of the late nineteenth and early twentieth centuries, associated with the names M. Latsarusa, H. Shteyntalya, W. Wundt and G. Lebona. Are considered anti-bases of these oppositely methods Wundt one side and Lebon – other.

If the first approach can be described as very German, the other French. Moreover, representatives of the first approach places special emphasis on the study of language features, myths, morals, customs, then the second approach emphasized the racial issue. In fact, adher-

ents of the second approach, talking about determinism national culture of membership of a particular people in a particular race.

The article also lays particular emphasis on the roots of the ideas of Le Bon on the ethnic and racial psychology. First of all , it is the ideas of the founder of racism J. Gobineau. However, we show that not only Gobineau was a source of ideas for Lebon, but also some doctrinal Hippolyte Taine. This shows that we are talking about specific concepts Tan Le Bon teachings.

Keywords: *study of national problems; psychology of peoples; ethnic identity; psychology; ethnology.*

Проблема этнической психологии, изучения психологии отдельных народов стала особенно актуальной в XIX веке. Исторические процессы того времени привели к резкому усилению этнического самосознания народов. Фактически наложились друг на друга несколько исторических процессов. Во-первых, Великая Французская революция окончательно уничтожила систему подданства и ввела гражданство. Во-вторых, она поставила вопрос о формировании нации как политической общности граждан. В-третьих, она же породила начало процессов объединения различных немецких и итальянских государственных образований в Германию и Италию соответственно, а значит, и всплеск национального самосознания у немцев и итальянцев. В-четвертых, наличие такого фактора, как колониальные владения у ряда европейских стран, требовало специфического опыта управления. Ведь эти колонии не были безлюдными территориями, а представляли собой ареалы с очень пестрым этническим и расовым населением. Соответственно, нужно было изучить их особенности, понять основные законы их существования, и уже на основе этого найти правильные способы управления ими.

Вспомним хотя бы, что герой знаменитого романа Редьяра Киплинга «Ким» называет свое занятие «этнологической разведкой», намекая на то, что его деятельность, как в колониях, так и по противодействию Российской Империи связана в первую очередь с изучением особенностей проживающих в Индии, Центральной Азии и других регионах этнических групп и народов. Естественно, что это вызвало всплеск развития научных дисциплин, которые изучали вопросы, связанные с этногенезом и особенностями различных этнических групп. Тут и фольклористика, и этнология, и история.

Безусловно, изучение национальных проблем не могло не обойти и вопросы психологии. Фактически в начале XIX века возникает новое направление в науке – этническая психология. Изучение всего процесса формирования этнической психологии – предмет отдельного исследования. Мы же сосредоточимся здесь на двух направлениях этнической психологии.

В конце XIX – начале XX веков в Германии и Франции сформировалось два подхода к этнической психологии, которые получили одно название «психология народов». Первый был связан с М. Лацарусом (1824–1903), Х. Штейнталем (1823–1899) и В. Вундтом (1832–1920), второй – Г. Лебоном (1841–1931). Если первый подход можно условно назвать германским, то второй французским. Представители первого подхода делают упор на исследовании особенностей языка, мифов, нравов, обычаев, а второго акцентируют внимание на расовом вопросе, говорят о детерминированности национальной культуры от принадлежности того или иного народа к той или иной расе. В данной работе поставлена цель рассмотреть особенности развития «психологии народов» в Германии и Франции, выявить генезис двух названных нами основных концепций, а также выявлений в них общности, различия, а также внутреннее своеобразие обоих подходов. В качестве методологической основы лежит сравнительный анализ

концепций. При написании использовались как работы самих рассматриваемых авторов, так и теоретические работы В. Дильтея и Г. Шпета, в которых обобщается опыт этнопсихологии в XIX веке.

Основатели французской школы «психологии народов» Лацарус и Штейнталь называли две составные части этой науки. Первая – это общетеоретический дискурс, который должен позволить установить некие общие закономерности этнокультурного развития народа, концентрированное выражение которого они называли «духом народа». При этом исторический контекст, история конкретных этносов и особенности их национальной психологии выносятся за скобки. Вторая – это конкретная психологическая этнология, то есть история конкретных народов и их национального характера. Однако обе эти составные части имели общие задачи. Во-первых, познание сущности психологии народа. Во-вторых, исследование законов психологии народов во всех сферах. В-третьих, анализ законов и причин генезиса, существования и гибели тех или иных народов [5, с. 484–485]. При этом Лацарус и Штейнталь отказывались считать «дух народа» явлением статическим, а полагали, что он изменяется с течением времени и исторического процесса. Однако сам этот трансформирующийся «дух народа» имеет некое субстанциональное ядро, которое как раз и определяет все изменения национальной психологии [5, с. 491]. Лацарус и Штейнталь фактически ставили перед собой задачу построения своего рода междисциплинарного учения о «психологии народов» и связи с идеальной стороной жизни человечества в целом.

Одним из последователей «психологии народов» был германский ученый Вильгельм Вундт, который создал первую психологическую лабораторию по изучению именно этнической психологии. Он же реализовывал проект по изучению «психологии народов» в различных регионах мира. Вундт оставил обширное научное и

публицистическое наследие. Это и многочисленные статьи, и десять томов фундаментального труда «Психология народов» [14]. В этой работе собран огромный фактологический этнографический материал о различных архаичных культурах и психологических процессах внутри них. Своего рода программную статью «О целях и путях развития этнической психологии» он опубликовал в 1868 году. Сам себя Вундт определял как гегельянца и последователя идей Гумбольдта [См.: 1, с. 250–251].

В центре его исследований – язык, мифы, нравы, обычаи различных культур, а также их роль в формировании и функционировании «народного духа» (вундтовский термин). В основе учения Вундта два положения. Во-первых, идея о том, что высшие психические процессы (мышление и не только) есть продукт историко-культурного развития этносов, они не детерминированы расовыми или антропологическими особенностями отдельных этнических групп. Во-вторых, индивидуальное сознание и «сознание народа» он понимал как синтез (интеграцию) отдельных индивидуальных сознаний, создающих новую реальность, продуктами которой являются мифы, язык, мораль и культура. При этом Вундт подверг критике положения Лацаруса и Штейнталя, которые пытались представить психологию народов суммой атомарных сознаний. По мнению Вундта, не сумма индивидуальных сознаний порождает психологию народа, а именно из первобытной племенной массы постепенно выделяется индивидуальная личность [1, с. 254].

Вундт разделяет предложенную его предшественниками классификацию новой научной дисциплины на историческую психологию и психологическую этнологию. Важнейшим вопросам он считал изучение взаимоотношений истории и психологии. По мнению Вундта, «психологическое исследование возможно лишь на основе фактов, доставляемых исторической наукой... Но и история, в

свою очередь, может прийти к окончательному суждению о связи изучаемых процессов, лишь апеллируя каким-нибудь образом к их психологическим мотивам» [1, с. 214]. Более того, Вундт считал вполне приемлемым то, что «душа народа» («совокупное содержание душевных переживаний» представителей одного этноса) подобна индивидуальной человеческой душе. А значит, она также может и должна быть объектом психологического исследования, как и обычная человеческая душа [1, с. 217].

Вундт считал этнологию вспомогательной дисциплиной для обычной психологии, так как исследование этнической психологии может стать основой для добывания фактических данных и о психологии отдельного человека. [1, с. 218]. По Вундту, у этнопсихологии есть три объекта исследования: язык, который «содержит в себе общую форму живущих в духе народа представлений»; мифы, которые «таят в себе первоначальное содержание этих представлений»; обычаи, которые «представляют возникшие из этих представлений и влечений общие направления воли» [1, с. 225].

Фактически для Вундта «дух народа» – это своего рода комплекс представлений, который фиксируется в языке, одновременно эмоционально окрашенный чувствами и влечениями, зафиксированными в обычаях. Обычаи же воздействуют на деятельностную сферу человека той или иной культуры. Особую роль Вундт придавал исследованию религии, делая при этом упор на проблеме выделения религии из мифологии « [1, с. 220]. При этом «дух народа» – это результат взаимодействия членов этнической группы с идеальными сущностями (религиозными представлениями, идеями и т.д.), не сводимый к органическим изменениям конкретного индивида.

Вообще проблема духа для Вундта не сводится чисто к психологическим проблемам, хотя, по признаниям его самого, он прошел через некое увлечение чистым физиологизмом. Как писал Вундт,

«когда я впервые подошел к психологическим проблемам, я разделял общий, естественный для физиолога, предрассудок, будто образование чувственных восприятий является исключительным делом физиологических свойств наших органов чувств. На деятельности зрительного чувства я прежде всего научился постигать акт творческого синтеза, ставший постепенно для меня проводником, с помощью которого я из развития высших функций фантазии и ума стал извлекать психологическое понимание, для которого прежняя психология не давала мне никакой помощи» [Цит. по: 5, с. 50–51].

Что имел в виду Вундт под прежней психологией? Он подразумевал популярный в то время в научной среде принцип психофизиологического параллелизма – признания за психическими явлениями лишь производные от биологических процессов и особенностей. Вундт же признавал, что «психофизический параллелизм может быть применим только к тем элементарным психическим процессам, с которыми именно единственно и идут параллельно определенно ограниченные двигательные процессы, но не к каким угодно сложным продуктам духовной жизни, получившихся в результате духовного формирования чувственного материала, и уже никак не к общим интеллектуальным силам, из которых выводятся эти продукты» [Цит. по: 5, с. 51].

Вундт раскрывал и понятие «творческий синтез», заявляя, что «под этим понятием я понимаю тот факт, что благодаря своим причинным взаимодействиям и вызываемым ими последствиями психические элементы порождают соединения, которые хотя и могут быть психологически объяснены из их компонентов, но тем не менее обладают новыми качественными свойствами, не содержащимися ранее в составных элементах, причем необходимо отметить, что с этими новыми свойствами связаны специфические, не встречавшиеся в элементах определения соединений со стороны их ценности.

Поскольку психический синтез во всех этих случаях порождает нечто новое, я называю его творческим» [Цит. по: 5, с. 51].

Именно тот факт, что психологическая реальность была выделена в отдельный, не сводимый исключительно к биологическим и органическим феноменам, разряд в индивидуальной психологии, дал толчок и для развития «психологии народов». Ведь наличие отдельной от биологической природы психологической реальности дает основание для исследования коллективной психологии народов. Альтернатива этому – поиск некоего биологического или около-биологического принципа типа расовой души, проявления коллективных рефлексов и инстинктов.

Более того, в значительной степени именно выделение психологии и ее различных ответвлений в отдельную категорию наук сыграло важнейшую роль в формировании культурологических дисциплин. Что же касается роли Вундта, то его «Психология народов» повлияла и на историческую психологию, и на этнопсихологию, и на культурную антропологию, и на социопсихологию, и на психолингвистику.

Иной взгляд на этнопсихологию дал в своих работах современник Вундта французский исследователь Густав Лебон. Он известен, прежде всего, как автор трудов по массовой психологии, самый главный из которых – «Психология толпы». Данную работу в советской историографии принято было считать крайне реакционной [9]. Если отойти от таких оценочных определений, то следует сказать, что главной темой творчества Лебона была как раз тема соотношения элиты и толпы, а также методы, которыми элита может этой толпой управлять.

Свою схему внутри человеческой иерархии он переносит на этнические вопросы. Более того, первая часть его главного труда «Психология толпы» называется «Психология рас». Фактически

в основу своих теоретических построений Лебон положил тезисы известного теоретика расизма Ж.Гобино. Но не только Гобино был источником вдохновения для Лебона. Еще одним своего рода учителем для него был историк и культуролог Ипполит Тэн (1828–1893), основной предмет научного интереса для которого была Великая Французская революция и постреволюционная эпоха первой четверти XIX века. По мнению Тэна, именно характер французов детерминировал особенности политического, социального и экономического развития государства на различных этапах существования.

В ряде своих работ («Старый режим», «Анархия», «Якобинское нашествие» и т.д.) Тэн выводит тезис о том, что именно национальный характер французов являлся первоисточником дальнейших социальных катаклизмов.

Интересно, что свое исследование национальных характеров Тэн начинает с изучения национальных литератур. Его ноу-хау – это выделение определенного рода «вечных типов» в литературе, которые являются носителями национальных и религиозных черт. В частности, для английской культуры он выделяет образ Робинзона Крузо, а для испанской – Дон-Кихота. Для Тэна литература – это первый и наиглавнейший источник для реконструкции национальной и этнической психологии. На основе литературоведческих штудий он указывает на несколько уровней рассмотрения проблемы характера. Получается своего рода иерархия. Есть некий общечеловеческий уровень рассмотрения («вечные типы»). Есть собственно национальный характер. Есть рациональный уровень – особенности мышления различных эпох и народов. И есть чувственный уровень – доминирования того или иного чувственного настроения. И, наконец, Тэн рассматривает религию как своего рода метакультурную ориентацию.

По Тэну, общечеловеческие типы не существуют отдельно от тех этнокультурных форм, которыми они порождены. И это характерно и для литературы, и для реальной жизни. Он дает определение идеальных типов, которые, по его мнению, «... перечни, представляющие уму в состязательной форме то главнейшие черты какого-нибудь периода истории, то основные инстинкты и способности какого-нибудь племени, то известные обрывки человека вообще и те первичные психические силы, которые являются последними крайними причинами людских событий». Они «с необыкновенной точностью и ясностью показывают... нам чувства различных эпох, инстинкты и склонности различных племен и народов, все потаенные великие пружины, равновесием которых держатся общества, и разлад которых влечет за собой перевороты» [7, с. 194]. При этом среди «превосходных произведений, обличающих существенный характер известной эпохи или известного племени, встречаются такие, которые по редкому стечению обстоятельств, выражают сверх того еще какое-нибудь чувство, какой-нибудь тип, общие почти всему человеческому роду... они переступают грани времени и пространства, их поймут везде, где есть мыслящий ум...» Они «переживут и века, и народы, создавшие их» [7, с. 195–196].

Такова довольно сложная теория Тэна. Из нее Лебон выводит тезис о существовании неких национальных, этнических и расовых характеров, которые детерминируют поведение целых народов. Однако к этому довольно сложному тэновскому учению Лебон отнесся очень утилитарно. Для Лебона не существует сложной «психологии народов» или «психология культур», которые он заменяет на весьма простое понятие «душа рас». При этом характер народа расой индивидов, которые его составляют, а также особенностями внутри органического строения людей, которые входят в ту или иную этнокультурную общность. Таким образом, психология народа – это следствие его

биологических особенностей. А значит, те или иные исторические коллизии объясняются биологическими особенностями.

Совершенно очевидно, что Лебон выдвигает положение о иерархии рас. По его мнению, «каждая раса обладает столь же устойчивой психической организацией, как ее анатомическая организация. Что первая находится, в зависимости от устройства мозга, в этом трудно сомневаться» [6, с. 21]. «Душа народа» «представляет собой синтез всего его прошлого, наследство всех его предков и побудительные причины поведения» [6, с. 22]. Общие психологические особенности в своей устойчивой совокупности «составляют то, что называют национальным характером. Их совокупность образует средний тип, дающий возможность определить народ» [6, с. 22].

Лебон выделяет три типа влияний на формирование психологических особенностей личности: влияние предков; влияние родителей; влияние среды. При этом влияние среды определяются им как самое слабое [6, с. 23]. Соответственно Лебон выстраивал и иерархию рас. На самом нижнем этаже этой иерархии первобытные расы (австралийские аборигены), чуть повыше – расы низшие (негры), далее идут средние расы (китайцы, японцы). А высшие расы – это индоевропейские народы. Важно отметить, что Лебон делает интересный вывод, что низшие расы – это явление не только этническое, но и социальное. Для Лебона представители низших слоев современного ему европейского общества – это и есть представители низших рас [6, с. 33].

Источником психологических особенностей являются ум и характер. При этом умственные качества и возможности могут быть подвергнуты изменениям (например, в процессе воспитания), а вот характер изменению не подлежит [6, с. 34]. Более волевые народы и расы могут держать под контролем и весьма высокоразвитые в умственном отношении народы. В качестве примера он приводил кон-

троль Великобритании над Индией. Отметим, что Лебон относил индийцев как индоевропейцев к высшим расам. То есть англичане, которые более волевые, чем индийцы, но равные с ними в интеллектуальном отношении могут господствовать над ними [6, с. 35]. Таким образом, концепция Лебона направлена на то, чтобы доказать превосходство именно европейцев. Более того, он говорит о такой доминантной черте европейцев, как стремление господствовать.

Важно отметить, что Лебон является противником скрещивания рас. Причина – появление значительного числа метисов ведет к анархии в такой стране, которую можно побороть только с помощью диктатуры. Пример – страны Латинской Америки [6, с. 44]. Оценивая характер учения Лебона, следует не согласиться с теми учеными и экспертами, которые считают расизм явлением глубоко антимодернистским, контрпрогрессистским и реакционным. Анализ учения Лебона показывает как раз, что генезис его расизма имеет именно прогрессистские корни. Европейские народы – это именно носители идеи развития, понимаемого как технологическое превосходство, которые имеют право диктовать волю другим. Другое дело, что в отличие от таких сторонников прогресса, как философы французского Просвещения, основатели марксизма и т.д., Лебон детерминировал вопросы прогресса вопросами расовой принадлежности тех или иных народов.

По мнению автора статьи, германский подход к психологии народов более перспективен в качестве инструментария исследования. Во-первых, он исключает детерминизм как единственно научный метод. Во-вторых, германский подход исключает примитивные расистские и якобы прогрессивные трактовки, которые явно выходят за рамки научности, а являют собой образцы политизации и идеологизации науки. В-третьих, германский подход отрицает статику в психологии, а рассматривает процесс в динамике. Од-

нако следует признать, что и некоторые идеи французской школы также обладают оригинальностью. В частности, тезис Тэна о «вечных типах» в литературе, которые отражали бы национальные характеры, мог бы стать предметом междисциплинарного исследования культурологов и этно-психологов.

Список литературы

1. Вундт В. Проблемы психологии народов // Преступная толпа. М.: Институт психологии РАН, 1998. С. 197–308.
2. Вундт В. Проблемы психологии народов. М.: Академический проект, 2010. 136 с.
3. Вундт В. Введение в психологию. М.: КомКнига, 2007. 168 с.
4. Вундт В. Этика: Принципы нравственности. Области нравственной жизни. Изд. 2. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. 264 с.
5. Дильтей В. Описательная психология. СПб., 1996. 170 с.
6. Лебон Г., Тард Г. Психология толп. Мнение и толпа. М.: Институт психологии РАН, КСП+, 1998. 416 с.
7. Тэн И. Чтения об искусстве. Пять курсов лекций, читанных в школе изящных искусств в Париже / Пер. А.Н. Чудинова. 6-е испр. изд. СПб.: Изд-во В.И. Губинского, 1912. 454 с.
8. Шпет Г.Г. Сочинения. М.: Правда, 1989. 608 с.
9. Роцин С. К. Психологическая наука и расизм // Наука и общество. М., 1982. С. 147–391.

References

1. Vundt V. Problemy psihologii narodov [Problems of psychology of peoples]. *Prestupnaja tolpa* [Prestupnaja the crowd]. Moscow, 1998, pp. 197–308.
2. Vundt V. *Problemy psihologii narodov* [Problems of psychology of peoples]. Moscow, 2010. 136 p.

3. Vundt V. *Vvedenie v psihologiju* [Introduction to psychology]. Moscow: Kom-Kniga Publ., 2007. 168 p.
4. Vundt V. *Jetika: Principy npravstvennosti. Oblasti npravstvennoj zhizni* [Ethics: Principles of morality. The field of moral life]. Moscow: «LIBROKOM» Bookshop, 2011. 264 p.
5. Dil'tej V. *Opisatel'naja psihologija* [Descriptive psychology]. Saint-Petersburg, 1996. 170 p.
6. Lebon G. *Psihologija tolpy. Mnenie i tolpa*. [Psychology of crowd. Opinion and the crowd]. Moscow, 1998. 416 p.
7. Tjen I. *Chtenija ob iskusstve* [Read about art]. Saint-Petersburg, 1912. 454 p.
8. Shpet G.G. *Sochinenija* [Works]. Moscow, 1989. 608 p.
9. Roshhin S. K. *Psihologicheskaja nauka i rasizm* [Psychological science and racism]. *Nauka i obshhestvo* [Science and society]. Moscow, 1982, pp. 147–391.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Аджинджал Кама Алексеевна, соискатель

Европейский Университет в Санкт-Петербурге

ул. Гагаринская, 3а, г. Санкт-Петербург, 191187, Российская Федерация

asocenka@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Ajnjnal Kama Alecsandrovna, applicant

European University at St. Petersburg

3A, Gagarinskaia Str., St. Petersburg, 191187, Russian Federation

asocenka@mail.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2016-2-22-39

УДК 94(470.6)»1920»:342.542.5

СЕКСУАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1920-х гг. НА ЮГЕ РОССИИ

Багдасарян С.Д.

Цель исследования – проследить на материалах юга России результаты сексуальной революции, пропагандируемой в первые годы советской пропагандой в рамках построения нового социалистического общества. Предметом исследования выступают венерические заболевания, которые стали следствием объявляемой реформы семейно-брачных отношений и половой свободы в 1920-е гг.

Метод или методология проведения работы. В основе исследования сравнительно-исторический метод, позволивший рассмотреть повседневную культуру крестьянства в период трансформации 1920-х годов традиционного патриархального мира аграриев.

Результаты. Результатом работы становится признание факта сохранения патриархальных семейно-брачных и сексуальных отношений в сельском социуме в доколхозный период.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть применены для изучения феномена повседневной культуры утраченного крестьянского мира в период советской модернизации 1920–1930-х годов.

Ключевые слова: *крестьянский мир юга России; семейно-брачные отношения; сексуальные отношения; половая свобода.*

THE SEXUAL REVOLUTION OF THE 1920s IN THE SOUTH OF RUSSIA

Baghdasaryan S.D.

Purpose. Traced on materials of the South of Russia the results of the sexual revolution, as promoted in the first years of Soviet propaganda in building the new socialist society. The subject of the research are venereal diseases, which were the result of the announce reforms of the family relations and sexual freedom in the 1920s.

Methodology. The study is based on the comparative-historical method, which allowed to consider the everyday culture of the peasantry in the period of transformation of the 1920's, the traditional Patriarchal world of farmers.

Results. The result of the work becomes the recognition of the preservation of the Patriarchal family-marriage and sexual relations in the rural society in prior to collective farms.

Practical implications. The results of the study can be applied to issue the phenomenon of everyday culture of the lost peasant world in the period of the Soviet modernization of the 1920–1930-ies.

Keywords: *peasantry of the South of Russia; family and marital relationships; sexual relationships; sexual freedom.*

Социальная революция первых лет советской модернизации проявилась в чрезмерной свободе отношений в сексуальной сфере и неупорядоченных половых связях. Следствием таких нововведений стало широкое распространение венерических заболеваний, как среди горожан, так и сельского населения. Безусловным лидером среди таких заболеваний в советской деревне 1920-х гг. выступал сифилис, – «французская скорбь» [9, с. 24], поскольку

он, как известно, способен распространяться не только половым, но и неполовым, бытовым путём. Так, по имеющимся данным, в начале 1920-х гг. в Тамбовской, Владимирской, Воронежской и других губерниях РСФСР из 100 больных сифилисом 92 человека заражались этим недугом неполовым путём, – через поцелуи, при еде из общей посуды и т.д. [20, с. 35–36]. Специалисты в 1920-х гг. чётко зафиксировали тенденцию: «деревня страдает от сифилиса, благодаря незнанию и своим деревенским привычкам и обычаям» [2, с. 35].

Ситуацию в начале 1920-х гг. усугубили возвращавшиеся в деревню демобилизованные красноармейцы, многие из которых заразились венерическими болезнями на службе, в условиях Гражданской или ещё Первой мировой войн [23]. Военное руководство и медики предпринимали необходимые меры противодействия венерическим заболеваниям в армейской среде, но не особенно в этом преуспели [4]. В итоге, «после войны очень многие вернулись с фронта, больные сифилисом, и, вернувшись в деревню, они разнесли сифилис по всей стране» [3, с. 36].

Современники констатировали: «у нас в России есть целые деревни, волости, даже уезды, сплошь поражённые сифилисом» [2, с. 35]. На Дону, Кубани, Ставрополье и в национальных регионах Северного Кавказа также сложилась тяжёлая ситуация. В частности, в сентябре 1921 г. члены Донецкого окружкома РКП(б) указывали на эпидемиологический характер проблемы, поскольку распространение венерических заболеваний в округе приняло «угрожающие размеры» [25]. По рассказу крестьянина Кириченко, одного из участников проходившей 5–8 мая 1924 г. второй Юго-Восточной краевой партийной конференции, «в настоящее время в деревнях развилось очень много всевозможных болезней, как венерических, так [и] туберкулёза, трахомы» [21]. На февраль 1924 г.

по статистическим данным, озвученным на совместном заседании Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б) и Чеченского ревкома, в Чечне 75–80% жителей оказались больны сифилисом [22].

В 1925 г. сотрудники комиссий, обследовавших ряд населённых пунктов Багаевского района как одного из типичных в Донском округе Северо-Кавказского края, констатировали тяжёлую ситуацию, поскольку венерические болезни здесь «сильно распространены» и «процент заболеваемости всё увеличивается, что стоит в связи с малокультурностью населения». В ряде селений района (станция Манычская, хутор Арпачин) «половина из населения молодёжи больны венерическими болезнями» [13]. Не менее печальная ситуация сложилась в Семикаракорском районе Донского округа. Так, в сёлах Сусатском и Крымском, по словам участкового врача, от 80% до 100% населения были поражены сифилисом. Активной борьбы и, особенно, профилактики заболеваний здесь не велось. Врач, принимая больных сифилисом, ставил им безобидные диагнозы (детям говорил о заболевании золотухой, взрослым – о простуде), «мотивируя это тем, что больных не нужно пугать, так как они сифилиса очень боятся». Правда, лекарства он выписывал всё-таки против сифилиса [12], но подобная политика умолчаний способствовала распространению болезни бытовым путём.

Эпидемия венерических заболеваний в РСФСР и СССР (в частности, в городах и сельской местности Юга России) заставила представителей власти озаботиться мерами борьбы с ней. Лечение уже заразившихся сельских жителей осуществлялось силами не только местных медиков, но и их городских коллег, командированных в деревню [24]. Важная роль отводилась профилактике венерических заболеваний [19]. В целях профилактики медики занимались просветительной деятельностью на селе, выступали с лекциями, публиковали статьи о симптомах, последствиях и ме-

рах предупреждения «болезней Венеры» [1]. Принятые меры позволили заметно уменьшить разгул венерических заболеваний, но полностью устранить эту проблему они не помогли.

Как видим, радикализм большевистских теорий и планов по переустройству семейно-брачных и сексуальных отношений стимулировал агрессивные попытки представителей правящей партии и комсомола эти отношения разрушить. Радикализм этот в сильной степени способствовал распространению в раннем советском социалистическом обществе циничного восприятия вопросов пола и, значит, – неупорядоченных сексуальных связей, изнасилований, аборт и прочих негативных явлений.

Впрочем, наиболее разумные и, к счастью, авторитетные лидеры большевиков, поддерживавшие планы коренного переустройства либо полной ликвидации традиционной семьи путём передачи её функций общественным организациям и учреждениям, с большим неодобрением относились к теориям «свободной любви» и другим радикальным идеям. В качестве яркого примера можно привести позицию В.И. Ленина в данном вопросе. В начале 1915 г. Инесса Арманд написала Ленину (который тогда находился в Берне) письмо с изложением своих планов по написанию брошюры на тему семейно-брачных отношений и подчеркнула своё намерение обосновать право женщин на «свободную любовь». В ответном послании Ленин критически расценил намерения Арманд и предложил ей «требование (женской) свободы любви» лучше «вовсе выкинуть», ибо «в современном обществе классы, наиболее говорливые, шумливые и «вверхувидные»», понимают под «свободой любви» свободу «от серьёзного в любви», «от деторождения», «свободу адюльтера». Поэтому, указывал Ленин, свобода любви «есть не пролетарское, а буржуазное требование» [10, с. 51, 52] и оно не может быть отстаиваемо представителями компартии. Поскольку Арманд попыталась спорить

с вождем мирового пролетариата, он направил ей ещё одно письмо, в котором более детально разъяснял свою позицию и советовал говорить не о «свободной любви», а противопоставить «мещански-интеллигентски-крестьянский брак... пошлый и грязный брак без любви – пролетарскому гражданскому браку с любовью» [11, с. 556].

Неодобрительное отношение признанных лидеров компартии, определявших её внутривластительский курс и имевших право решающего слова во всех партийных дискуссиях, к теории «свободной любви» и всем скороспелым идеям ликвидировать семью как таковую, не позволило такого рода идеям получить шансы на сколь-нибудь долгое существование и, тем более, реализацию. Постепенно радикальные варианты реформирования семейно-брачных и сексуальных отношений в Советской России оказались отброшены. Как ёмко и точно заметил А.Г. Вишневецкий, большевистское «антисемейное идеологическое поветрие было весьма далеко от реальных требований времени и в своём крайнем виде продержалось недолго» [5, с. 134].

В свете недовольства лидеров компартии радикализацией теоретических разработок семейных и сексуальных отношений очень показательна судьба ранее упомянутого общества «Долой стыд!», которое подверглось резкому осуждению и последовательным гонениям со стороны партийно-советских органов и, в конечном счёте, прекратило своё существование. Члены этого общества заслуженно обвинялись в нарушении норм санитарии и гигиены, ведь климатические условия России, как подчёркивал нарком здравоохранения Н.А. Семашко, отнюдь не благоприятствуют хождению нагишом. Общество «Долой стыд!» активно осуждали за хулиганство и аморальное поведение. В частности, вышеупомянутая выходка активистов «Долой стыд!» в Ростове-на-Дону получила резко негативные оценки общественности.

На следующий день после «голового марша» в Ростове-на-Дону местная газета «Молот», имевшая статус краевого издания, поместила статью Д. Гессена с весьма жёсткими заявлениями в адрес «бесстыдников». Гессен писал: «Как скверная отрыжка столицы, и до нас докатилось гораздо быстрее, чем доходит положительный почин, пресловутое появление на улицах голых мужчин и женщин, какого-то, не то реального, не то полумифического, общества «Долой стыд!». Подобные выходки совершенно нетерпимы, писал Гессен, поскольку «в тот момент, в который мы живём, когда ещё не изжиты капиталистические уродства, как проституция, хулиганство, обнажение содействует не нравственности, а безнравственности... Общество «Долой стыд», это – ставка на хулиганство, на «да здравствует бесстыдство», и в нашем пролетарском городе подобным начинаниям надо дать немедленный отпор». Автор решительно заявлял: «Мы должны с этим безобразием покончить немедленно же, уже хотя бы в силу того, что это общество «Долой стыд» не имеет здорового начала, не оправдывает своего названия, является результатом хулиганства и стремления к эцентричности, очевидно вербуя своих последователей из буржуазной молодёжи и тех, кто обслуживал раньше в качестве натуры порнографические фотографии» [6].

Жёсткие выводы в отношении общества «Долой стыд!» были ожидаемы и понятны. Демонстративное презрение членов общества к общепринятым нормам морали, ценимым даже в поражённом аномией социуме, не могло не вызвать справедливого гнева со стороны партийно-советского руководства и привести к пресечению полового «голового» акционизма «бесстыдников».

Однако, если с эпатажными объединениями вроде общества «Долой стыд!» получилось справиться в относительно короткий срок, то массовое падение морали и нравственности в обществе,

обусловленное революционными и военными потрясениями и активными действиями большевиков по слову традиционных семейно-брачных отношений, не могло быть преодолено в короткий срок. Даже «Всероссийский староста» М.И. Калинин в 1928 г. печалился о недостаточно высоком уровне нравственности молодого поколения. По его словам, «у нас очень многие, в особенности среди молодёжи, любят говорить о новом быте, рисуя его в совершенно извращённом виде. В особенности этот новый быт извращённым проявляется в отношении к девушке: «новый быт», «свобода», «долой все условности» и т.д. и т.п.» [8, с. 88]. Дальнейшее, – гораздо более масштабное и последовательное, – наступление государственной машины и здоровых сил советского общества на «перегибы» в вопросах пола, в защиту традиционных семейно-брачных отношений и семьи как базовой ячейки социума, началось в 1930-х гг. Это наступление в силу своей целенаправленности оказалось несравненно успешнее хаотичных попыток большевистских лидеров эпохи нэпа одёрнуть, образумить массу коммунистов и комсомольцев, зарвавшуюся в своём наплевательском отношении к семье и нормам морали.

Как мы полагаем, в определённой степени успеху борьбы за традиционные семейные ценности в Советском Союзе 1930-х гг. способствовало сохранение прежних культурных семейных архетипов в предшествующем десятилетии, несмотря на весь радикализм большевистского реформаторства. В наибольшей мере это утверждение применимо к российской деревне как изначально более консервативной, чем город. Собственно, иное сложно представить, поскольку никакое большевистское неистовство в отрицании старого мира не могло за какие-то десять лет полностью разрушить и перестроить формировавшийся столетиями и потому чрезвычайно устойчивый семейно-бытовой уклад рос-

сийского крестьянства. Да и социально-экономические условия на селе в 1920-х гг. не претерпели радикальных изменений, а это также способствовало сохранению, в основном, прежних семейно-брачных и гендерных отношений. Поскольку в эпоху нэпа ведущей производственной единицей в деревне оставалось индивидуальное крестьянское хозяйство, то особо не трансформировались и сопряжённые с ним семейные отношения. Другими словами, традиционный стиль хозяйствования не мыслим без устойчивой крестьянской семьи и, потому, в 1920-х гг., – при всей свободе межполовых отношений, – крестьянский брак по-прежнему представлял собой своеобразную хозяйственную сделку, в основе которой лежала не столько привязанность, сколько рациональный экономический расчёт [18, с. 100].

В итоге, в эпоху нэпа на селе сохранялись и, как правило, доминировали патриархальные принципы и нормы в семейно-брачных и сексуальных отношениях. Причём, живучими оказались не только положительные, но и отрицательные традиции. В источниках 1920-х гг. содержится немало свидетельств о негативных, заслуживающих всяческого осуждения пережитках патриархальных семейно-брачных отношений. Более того, вопреки уверениям большевистских агитаторов, речь шла не столько о пережитках, сколько о сохранявшихся едва ли не в полной мере традиционных правилах внутрисемейного и гендерного устройства. Кстати, о сохранении позитивных традиционных норм в области взаимоотношений полов, брака и семьи, партийцы в 1920-е гг. говорят не столь часто. Это и понятно: с точки зрения большевиков, досоветская эпоха выступала исключительно «царством мрака», «проклятым прошлым», и говорить о каких-либо присущих ей положительных моментах означало нарушать целостность пропагандистских построений и, соответственно, ослаблять эффект деятельности агитпропа.

Тем не менее, заслуживающие уважения и сохранения крестьянские традиции в сфере гендерных отношений в 1920-х гг. сохранялись и играли важную регулирующую роль в деревне, в том числе в сёлах и станицах Дона, Кубани и Ставрополья. Так, существовало, пусть и в сильно ослабленном виде, табу на добрачную половую жизнь. Сельские жители, конечно, не являлись пуританами, поскольку, как и ранее, парням и девушкам дозволялись сравнительно невинные чувственные игры, – поцелуи, объятия, – во время традиционных молодёжных гуляний, которые в 1920-х гг. ничуть не утратили популярности среди сельской молодёжи. В частности, как отмечали в 1925 г. современники, в Донском округе Северо-Кавказского края «вечеринки в казачьих поселениях, до светки в крестьянских – существуют в довольно широких размерах и являются обычным явлением» [12]. Гулянья и в эпоху нэпа «были важной областью личной жизни девушек», той областью, «в которой в общепринятых и строго установленных социумом границах вырабатывались навыки общения с противоположным полом, важным было то, что приобретался опыт тактильной совместимости» [17, с. 357, 359]. Во время гуляний молодёжь давала волю своему темпераменту, нередко позволяя себе слишком многое и не умея иногда вовремя остановиться. Поскольку же поветрие «свободной любви» кружило головы молодым жителям деревни, случаи добрачных интимных отношений в 1920-х гг. участились и уже (как и рождение детей вне брака) столь сильно не осуждались. Тем не менее, подобные явления по-прежнему не считались нормой в крестьянско-казачьей среде.

Свидетельством сохранения высоких требований к нравственности «слабой половины» населения доколхозной деревни являлось крайне отрицательное отношение сельских жителей к курящим или демонстрирующим развязное поведение женщинам. В

частности, по утверждению первого секретаря Ейского райкома РКП(б) Северо-Кавказского края П.М. Горюнова, относящемуся к 1925 г., местные казаки и крестьяне часто недовольны женщинами-делегатками, поскольку «делегатские составы подбираются в станицах не всегда удовлетворительно и туда попадают элементы, в глазах населения не выдерживающие критики: делегатки в большинстве не связаны с сельским хозяйством, курят, что для женщины в станице равносильно потере всякого авторитета, вместо дела иной раз занимаются сплетнями; есть такие, которые не строго себя держат с молодёжью» [7, с. 12]. Впрочем, столь же высокие требования к морально-нравственным качествам и поведению мужской части населения доколхозной деревни обычно не предъявлялись, и это характерно для патриархального общества, каковым всё ещё по-прежнему оставался сельский социум 1920-х гг.

Заметно более длинным получился список традиций в области семейно-брачных и гендерных взаимоотношений, которые сохранялись на селе в эпоху нэпа и в свете советского семейного законодательства выступали уже анахронизмом, причём анахронизмом негативным. К числу таких традиционных устоев относились: иерархизм и неравенство членов семьи, когда «все принижены перед главой семьи, женщины – перед мужчинами, младшие – перед старшими, дети – перед взрослыми»; «принудительный коллективизм и централизм», когда во главу угла ставились общесемейные интересы (как их понимал отец-патриарх, «большак»), а индивидуальные интересы членов семьи в расчёт не принимались; крайне слабая ответственность родителей перед детьми; семейное насилие, признававшееся «совершенно нормальной и главной формой воздействия» [16, с. 229]. Тем самым, в российской деревне наличествовал и господствовал изначально

присущий человеческому сообществу фаллический культ, характерный, прежде всего, для патриархальных отношений [15, с. 80–88], анализ которого в нэповской деревне может стать предметом самостоятельного исследования, хотя для казачьих обществ он являлся неотъемлемой частью их социального позиционирования [15, с. 82].

Список литературы

1. А.Г. Триппер // Крестьянка. 1924. № 6. С. 28.
2. Бараш М. Сифилис в русской деревне // Крестьянка. 1923. № 14. С. 35.
3. Бараш М. Сифилис в русской деревне // Крестьянка. 1923. № 14. С. 36. 2 (35)
4. В конце августа 1921 г. санчастью СКВО предполагалось провести с 1 сентября «неделю борьбы с венерическими болезнями» (ЦДНИ РО, ф. 4, оп. 1, д. 99, л. 74). Политуправление СКВО с 12 сентября до 1 октября того же года намечало проведение ещё одной такой же недели во всех частях округа (Там же, л. 103). Тем не менее, даже в 1923 г. в прессе констатировалось, что, хотя «теперь в Красной армии дело обстоит лучше, но печальные случаи заражения сифилисом красноармейцев бывают» (Бараш М. Сифилис в русской деревне // Крестьянка. 1923. № 14. С. 36).
5. Вишневский А.Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. С. 134.
6. Гессен Д. Это безобразие надо прекратить // Молот. 1924. 21 сентября.
7. Горюнов П.М. О казачьем вопросе. С. 17.
8. Калинин М.И. Борьба за нового человека. Речь на торжественном заседании, посвящённом десятилетнему юбилею комсомола. 28 октября 1928 г. // Калинин М.И. О молодёжи. С. 88.

9. Лаврентьева П. Из Нового быта в деревне // Крестьянка. 1924. № 7. С. 24.
10. Ленин В.И. [Письмо] И.Ф. Арманд. 17 января 1915 г. // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 49. Письма. Август 1914–октябрь 1917. М., 1975. С. 51–52.
11. Ленин В.И. [Письмо] И.Ф. Арманд. 24 января 1915 г. // Там же. С. 556.
12. Лицо донской деревни. С. 116.
13. Лицо донской деревни. С. 61.
14. Лицо донской деревни. С. 62.
15. Лукичѳв П.Н., Скорик А.П. Фаллический культ: социоисторический анализ // Социологические исследования. 1994. № 12. С. 80–88. 2(82)
16. Миронов Б.Н. Семья: нужно ли оглядываться в прошлое? // В человеческом измерении. С. 229.
17. Мирошниченко М.И. Личное и частное в жизни девиц-казачек на Урале в середине 1920-х гг. // Частное и общественное: гендерный аспект. Материалы Четвѳртой междунар. науч. конф. РАИЖИ и ИЭА РАН, 20–22 октября 2010 года, г. Ярославль. Т. 1. М., 2011. С. 357–359.
18. Морозов С.Д. Брачность и рождаемость крестьян Европейской России (конец XIX в. – 1917 г.) // Крестьяноведение. 1999. Вып. 3. М., 1999. С. 100.
19. Например, участники состоявшегося 12 ноября 1925 г. первого заседания Первого Северо-Кавказского профилактического съезда правомерно резюмировали: «Сама жизнь выдвинула профилактический (предупредительный) уклон в деятельности врача. Крестьянское население вполне осознало роль профилактики. Однако, во всей этой важной работе не должно быть никакой механизации, трафарета. Врачу необходимо уделять главное

- своё внимание, сообразно местным условиям и особенностям. Так, например, в районах, где имеется много венериков, следует усилить профилактическую работу в этом направлении, т.е. по борьбе с венерическим заболеванием» (1-й профилактический съезд // Молот. 1925. 15 ноября).
20. О.Р. Деревенские няньки (Бабья беседа) // Крестьянка. 1923. № 14. С. 35–36.
21. РГАСПИ, ф. 65, оп. 1, д. 2, л. 8.
22. РГАСПИ, ф. 65, оп. 1, д. 4, л. 4об.
23. Так, 7 сентября 1921 г. начальник политуправления Северо-Кавказского военного округа (СКВО) констатировал, что «среди широких слоёв красноармейской массы наблюдается большой процент заболеваемости разными венерическими болезнями» (ЦДНИ РО, ф. 4, оп. 1, д. 99, л. 103).
24. Так, в конце 1925 – начале 1926 гг. по сообщениям прессы, в целом ряде районов Северо-Кавказского края действовали выехавшие из городов медицинские «венерические отряды». В ноябре 1925 г. один из таких отрядов выехал в Новочеркасский район, в марте 1926 г. другой отряд занимался обследованием и лечением сельского населения в районах Таганрогского округа Северо-Кавказского края (По телефону // Молот. 1925. 21 ноября; На борьбу с венерическими заболеваниями // Молот. 1926. 3 марта; Борьба с венерическими болезнями // Молот. 1926. 20 марта).
25. ЦДНИ РО, ф. 75, оп. 1, д. 20, л. 4г.

References

1. Tripper A.G. *Krestyanka* [Peasant], no 6 (1924): 28.
2. Barash M. *Sifilis i russkaya derevnya* [Syphilis in the Russian village], no 14 (1923): 35.

3. Barash M. *Sifilis v russkoy derevne* [Syphilis in the Russian village], no 14 (1923): 36.
4. *V konce avgusta 1921 goda canchastyu SKVO predpolagalos provesti s 1 sentyabrya "nedelyu borby s venericheskimi boleznyami"* (CENTER for RO, f. 4, op. 1, d. 99, l. 74). *Politupravlenie SKVO s 12 sentyabrya do 1 oktyabrya togo zhe goda namechalo provedenie eszhe odnoy takoy zhe nedeli vo vseh chastyah okruga (tam zhe s. 103). Tem ne menee, dazhe v 1923 godu v presse konstantirovalos, chto, hotya "teper v Krasnoy armii delo obstoit luchshe, no pechalnye sluchai zarazheniya sifilosom krasnoarmeycev byvayut"* [In late August 1921 the infirmary SKVO was supposed to be held on September 1, "week of fight against sexually transmitted diseases" (CENTER for RO, f. 4, op. 1, d. 99, l. 74). The political Directorate of the North Caucasus military district from September 12 to October 1 of the same year, was scheduled to hold another the same week in all parts of the County (ibid, p. 103). However, even in 1923, in the press stated that, although "now in the red army, the situation is better, but the sad cases of syphilis are red"]. (Barash M. *Sifilis v russkoy derevne* [Syphilis in the Russian village]. *Krestyanka* [Peasant]. 1923, no 14, p. 36).
5. Vishnevsky A.G. *Cerp i rubl: Konservativnaya modernizaciya v SSSR* [Sickle and trouble: Conservative modernization in the USSR], p. 134.
6. Hessen D. *Eto bezobrazie nado prekratyt* [This outrage has got to stop]. *Molot* [Hammer]. 1924. 21 Sep.
7. Goryunov P.M. *Po kazackomy voprosu* [On the Cossack question], p. 17.
8. Kalinin M.I. *Borba za novogo cheloveka. Rech na zceremonii otkrytiya posvyaszennogo desyatoy godovszcine Komsomola* [The Struggle for the new man. Speech at the ceremonial meeting devoted to the tenth anniversary of the Komsomol]. 28 Oct 1928, p. 88.

9. Lavrentyev P. Iz novoy zhizni v derevne [Of New life in the village]. *Krestyanka* [Peasant], no 7 (1924): p. 24.
10. Lenin V. I. *Pismo* [Letter] I. F. Armand. 17 Jan 1915 / Lenin V. I. Poln. Coll. Op. 49, Etc. Letters. August 1914–October 1917. M., 1975, p. 51–52.
11. Lenin V. I. *Pismo* [Letter] I. F. Armand. 24 Jan 1915. *ibid*, p. 556.
12. *Lico donskoy derevni* [The face of the don villages], p. 116.
13. *Lico donskoy derevni* [The face of the don villages], p. 61.
14. *Lico donskoy derevni* [The face of the don villages], p. 62.
15. Lukichev P.N., Skorik A.P. Fallicheskiy kuli: socio-istoricheskiy analiz [Phallic cult: socio-historical analysis]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological researches]. 1994, no 12, pp. 80–88. 2(82).
16. Mironov B.N. Dolzhen liz ya oglyadyvatsya? [Family: do I need to look in the past?] *V chelovecheskom izmerenii* [In the human dimension], p. 229.
17. Miroshnichenko M.I. Lichnoe i chastnoe v zhizni devic-kazachek na Urale v seredine 1920-h godov [Personal and private in the lives of girls-Cossacks in the Urals in the middle of the 1920s]. *Chastnoe i obschestvennoe: tendernyi aspect. Materialy Chetvertoi mezhdunarodnoi nauchnoi konferencii RAIZHI i IEA RAN, 20–22 okt. 2010, gorod Yaroslavl, Moscow 2011* [Private and public: gender aspect. Proceedings of the Fourth Intern. scientific. Conf. RAI, and IEA ran, 20–22 October 2010, the city of Yaroslavl]. Vol.1. Moscow, 2011, pp. 357–359.
18. Morozov D.S. Brachnost i rozhdalmost krestyan v Evropeiskoi Rossii (konec XIX veka – 1917 god) [Marriage rate and the birth rate of the peasants of European Russia (end of XIX century – 1917)]. *Krestyano-vedenie* [Christianaudigier]. 1999. Vol. 3. Moscow, 1999, p. 100.
19. *Naprimen, uchastniki sostoyavshegosya 12 noyabrya 1925 goda pervogo zasedaniya Pervogo Sever-Kavkazskogo profilakticheskogo syezda pravomerno rezyumirivali: "Sama zhizn vydvynula profilakticheskiy*

- (predupreditelnyi) ukлон v deyatelnosti vracha. Krestyanskoe naselenie vpolne osoznalo rol profilaktiki. Odnako, vo vsey etoy vazhnoy rabote ne dolzhno byt nikakoy mehanizacii, trafareta. Vrachu neobhodimo udelyat glavnoe svoye vnimanie, soobrazno mestnym usloviyam i osobennostyam. Tak, naprimer, v rayonah, gde imeetsya mnogo venericov, sleduet usilit borbu v etom napravlenii, t.e. po borbe s venericheskim zabolevaniem*” [For example, participants on November 12, 1925 the first meeting of the First North Caucasian Congress of preventive legitimate summed up: “life itself has put forward routine (preventive) bias in the activities of a doctor. The peasant population were quite aware of the role of prevention. However, in all this important work should be no mechanization, stencil. The doctor must be given all our attention, consistent with local conditions and peculiarities. For example, in areas where there is a lot of venedikov, should strengthen preventive work in this direction, so to combat venereal disease” (1 Profilakticheskiy syezd [1st Congress of prevention]. *Molot* [Hammer]], 1925, 15 Nov).
20. O.R. Derevenskie nyanki (Babya beseda) [Village nurse (woman’s conversation)]. *Krestyanka* [Peasant], no 14 (1923): 35–36.
21. RGASPI, f. 65, op. 1, d. 2, L. 8.
22. RGASPI, f. 65, op. 1, D. 4, L. 4ob.
23. *Tak, 7 sentyabrya 1921 goda nachalnik politupravleniya Severo-Kavkazskogo voennogo okruga (SKVO) konstantiroval, chto “sredi schirokikh sloev krasnoarmeiskoi massy nablyudaetsya bolschoy procent zabolevaemosti raznymi venericheskimi zabolevaniami*” [So, 7 Sep 1921 the head of the political Department the North Caucasus military district (SKVO) stated that “among wide layers of red army mass a large percentage of incidence of various sexually transmitted diseases”]. (CENTER for RO, f. 4, op. 1, d. 99, l. 103).
24. *Tak, v konce 1925 – nachale 1926 godov po soobszheniyam pressy, v celom ryade rayonov Severo-Kavkazskogo kraja deystvovali vyehtschie*

iz gorodov medicinskie “venericheskie otryady”. V noyabre 1925 goda odin iz takih otryadov vyehal v Novocherkasskiy rayon, v marte 1926 goda drugoy otryad zanimalysya obsledovaniem i lecheniem selskogo naseleniya v rayonah Taganrogskogo okruga Severo-Kavkazskogo kraya (Po telefonu. Molot [Hammer]) [So, in late 1925 – early 1926. according to press reports, in a number of regions of the North Caucasus region acted emigrants from cities medical “social groups”. In November 1925, one of these units left in the Novocherkassk area, in March 1926, and another detachment was engaged in the examination and treatment of the rural population in the districts of Taganrog district of the North Caucasus region (On the phone]. Molot [Hammer]. 1925. 21 Nov; the fight against venereal diseases. Molot [Hammer]. 1926. 3 March; the Fight against venereal diseases. Molot [Hammer]. 1926. March 20).

25. The CENTER of RO, f. 75, op. 1, d. 20, l. 4G.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Багдасарян Сусанна Джамилловна, доцент кафедры теории и истории государства и права, кандидат исторических наук
Сочинский государственный университет
ул. Советская, 26а, г. Сочи, Краснодарский край, 354000,
Российская Федерация
bsd73@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Bagdasaryan Susanna Dzhamilovna, Associate professor of the Department of History, Ph.D. in History
Sochi State University
26a, Sovetskaya Str., Sochi, Krasnodar region, 354000, Russian Federation
bsd73@mail.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2016-2-40-59

УДК 94

**К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ
РАЗВИТИИ ГОРОДА-КУРОРТА СОЧИ В ПЕРИОД
ПЕРЕСТРОЙКИ (1985–1991 гг.)**

Ермачков И.А.

Цель – проанализировать в статье экономическое и социальное развитие города-курорта Сочи в период 1985–1991 гг., как всесоюзной здравницы. Предметом исследования выступает региональное состояние экономической и социальной инфраструктур города-курорта в период 1985–1991 гг.

Метод или методология проведения работы. Методами исследования являются принципы историзма и объективности, которые позволяют изучить социально-экономическую динамику города Большой Сочи в период 1985–1991 гг. и выявить преемственность развития курортного региона.

Результаты. Автор рассматривает роль советского государства в развитии экономической и социальной базы города. При этом изучен опыт патерналистской политики советского государства в трансформации инфраструктуры города-курорта в период политики перестройки. Результаты работы заключаются в возможности использования ее материалов в краеведческой, научной и преподавательской работе, на курсах и факультативах по истории города-курорта Сочи и, особенно в экскурсоводческой деятельности.

Область применения результатов. Результаты могут быть применены для изучения компонентов регионального характера

в комплексе социально-экономической истории региона Большой Сочи; для повышения квалификации краеведов, регионоведов, экскурсоводов, преподавателей.

Ключевые слова: Большой Сочи; экономическое и социальное развитие региона; период «перестройки»; 1985–1991 гг.

TO THE ISSUE ON SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT OF SOCHI CITY DURING PERESTROIKA (1985–1991 YEARS)

Ermachkov I.A.

Purpose. To analyze the economic and social development of Sochi city as a federal resort in the period of 1985–1991 years. The subject of the study is the regional economic and social infrastructures of the city-resort in the period of 1985–1991.

Methodology. The methods of research are the principles of historicism and objectivity, which allow to study the socio-economic dynamics of Big Sochi in the period of 1985–1991 and to identify the continuity of development in the resort region.

Results. The author examines the role of the soviet state in the development of the economic and social base of the city. It is studied the experience of the paternalistic policy of the soviet state in the transformation of the infrastructure of the resort in the period of adjustment policies. The results of the work are the possibility of using its materials in the local history, scientific and teaching work, training courses and the electives in the history of Sochi resort and especially in guide activities.

Practical implications. The results can be applied to study the components of the regional character in the complex of socio-economic

history of Big Sochi region; to improve the skills of local historians, regional experts, guides, teachers.

Keywords: *Big Sochi; economic and social development of the region; the period of adjustment policies; 1985–1991 years.*

Региональная модель социально-экономического развития города-курорта Большой Сочи в годы политики «перестройки» 1985–1991 гг. в научной исторической дискуссии позволяет проанализировать позитивные и негативные явления, накопленные к периоду кризиса политической советской системы конца 1980-х гг., которые впоследствии проявились в распаде СССР, как государственного образования. В отечественной историографии изучение социально-экономической политики СССР в данный исторический период переоценки материальных и духовных ценностей актуализируется изучением регионального исторического пространства.

Следовательно, такая постановка проблемы предопределяет необходимость проведения всестороннего изучения государственной социальной и экономической политики СССР в 1985–1991 гг. Анализ региональных отраслей социально-экономического хозяйства и обеспечения статуса «всесоюзная здравница» городом-курортом Большой Сочи в историческом плане обуславливается рядом исторических факторов.

Правительство СССР на основании государственной политики рационального использования курортных земель установило новую классификацию курортов и определило статус город-курорт Сочи как общесоюзную здравницу (Постановление Совета Министров СССР от 28.08.1970, № 723 «О мерах по упорядочению застройки территорий курортов и зон отдыха и строительства санаторно-курортных учреждений и учреждений отдыха») [1].

Социально-экономические изменения, сопутствовавшие российским многосистемным преобразованиям 1990–2010 гг., кардинальным образом повлияли на роль государства в хозяйственной сфере города-курорта. Политико-экономический кризис 1990-х гг., характеризующийся социально-экономической культурной деградацией отразился на развитии курортного региона Большого Сочи, который в предшествующий исторический период был «обласкан» патерналистской политикой советского государства на протяжении всей его современной истории.

Социально-экономическая история города-курорта Сочи в период 1985–1991-х гг. интересна для отечественной истории новейшего времени в ряде аспектов.

Во-первых, это курорт федерального уровня, входящий в административно-территориальный район Краснодарского края, с исключительными природно-климатическими, географическими условиями и лечебно-минеральными водами, снискавшими г. Сочи славу курорта общероссийского и мирового.

Во-вторых, Сочи как курортный район на протяжении истории СССР являлся экспериментальной площадкой по апробации прогрессивных идей в организации всесоюзной здравницы для поликультурного многонационального советского общества.

В третьих, город-курорт стал особым объектом в государственной политике СССР в отношении вопроса придания Сочинскому району статуса «всесоюзной здравницы» и летней столицы страны, сохранения, развития и поддержания санаторно-курортной и спортивно-оздоровительной баз в регионе [2].

Актуальность исследования обусловлена и тем, что проблема опыта государственного строительства курортных центров в регионах в период отечественной истории новейшего времени остается недостаточно изученной. Социально-экономическая трансформа-

ция России в 1990–2010-х гг. показала острую конкурентную борьбу на рынке курортных и оздоровительных услуг, следовательно, назрела необходимость анализа советской социально-экономической модели, не только с критических позиций, но и исторических предпосылок.

В данный период времени отчетливо наблюдались различные подходы к разрешению проблем социальной сферы: в условиях господства государственной собственности и плановой экономики; в эпоху «ускорения социально-экономического развития», введения в экономику элементов рыночного регулирования (1986–1991 гг.).

В последние годы внимание исследователей привлечено к изучению процессов развития и организации государственной социально-экономической политики в СССР, происходит переоценка взглядов на советский период в истории России. В них государственно-правовые основы существующей ныне социальной политики рассматриваются во взаимосвязи с социально-экономическим опытом России, полученным в период советского строительства. Ценность таких монографических работ в их комплексном характере исследований [21–23].

Социальная политика современного государства является неотъемлемой частью экономического развития и состояния инфраструктур. Это обязывало автора обращаться к обширному кругу исторических источников, работам ученых-исследователей [7], в определенной степени исследующих данную тему в самом обширном научном спектре.

Серьезную роль в историографии по вопросам развития социально-экономической системы периода перестройки занимают работы современных российских ученых [24–27]. Отечественная наука рассматривает совокупность социальной политики и ее результатов, дает детальную характеристику кризисного состояния

социума и его социального самочувствия. Российские ученые стремятся раскрыть социальную цену проводившихся экономических изменений, отследить эволюцию социальной сферы [4], а зарубежные исследования, прежде всего, направлены на анализ политического эффекта реформ [3].

Историография истории социального и экономического развития региона города-курорта Сочи в перестроечный период немногочисленна. Хотя заметим, что некоторые отдельные проблемы изучены более подробно, но все же комплексной работы освещающей развитие города в период перестройки, на данный момент не опубликовано. Особого внимания заслуживает работа Б.А. Ермакова, В.А. Леонова «Сочи-курорт» [9], которая написана в первые годы перестройки. В этой работе авторы освещают в целом историю становления курорта, жизнь курорта, работу санаторно-курортной базы, заканчивая описание серединой 1980-х гг. Работу Б.А. Ермакова и В.А. Леонова можно охарактеризовать как подробный справочник для гостей курорта. В ней даются сведения о количестве санаториев, пансионатов, развитии транспортной системы города. По сути, эту работу можно считать своеобразным историческим источником. Заметна также работа С.А. Артюхова «История Большого Сочи 1917–1990 гг.» [5], в одной из глав которой автор рассматривает послевоенное развитие Сочи и лишь частично затрагивает развитие Сочи в период перестройки. Научный дискурс заложила статья исследователя С.Д. Багдасарян «Тенденции социально-экономического развития Большого Сочи в 1980–1990-е гг. XX в.», опубликованная в сборнике материалов 1-й межвузовской научно-практической конференции «Большой Сочи в прошлом и настоящем» [6]. В указанной статье, автор охарактеризовал основные тенденции в развитии г. Сочи в 1980–1990-е гг., поставив исследовательскую задачу на продолже-

ние изучения социальной и экономических сфер региона в период политики перестройки. Выделим также статью И.А. Тверитинова «Административно-территориальное деление и население Сочи в советский период (1920–1989 гг.)» [28]. В своей статье автор рассматривает изменение административно-территориального деления, а также изменение численности населения г. Сочи в советский период времени, включая период перестройки. Интересна также статья Л.З. Князевой «Курорт Сочи: 1946–2000 гг.» [10], в которой автор тезисно излагает основные вехи экономического развития г. Сочи в первые послевоенные годы и второй половине XX в. Необходимо отметить, что в упомянутой работе автор делает упор на развитие города в 1950–1970-е гг., лишь акцентируя внимание на развитие г. Сочи в период перестройки.

Научные исследования, раскрывающие проблематику социально-экономической истории Большого Сочи в 1980-х – начале 1990-х гг., отсутствуют, но при этом история города стала предметом многоаспектного изучения в 2000-е гг. Результатом такой активности явились защиты диссертационных исследований Т.А. Самсоненко, И.А. Тверитиновым, А.А. Черкасовым, О.В. Натолочной, О.В. Бершадской, К.В. Тараном, по различным историческим этапам становления курорта [15–20]. Научно-исследовательские изыскания сочинских историков позволяют сформировать историческую картину региона.

И.А. Тверитинов, историк-архивист, в своем исследовании выявил ряд особенностей социально-экономических этапов развития Сочинского округа в период со второй половины XIX и начала XX вв. и рассмотрел процесс формирования региона после периода войн Российской империи на Кавказе. Исследователь В.В. Соловьева изучила процессы переселенческой политики в Черноморской губернии (округа) в конце XIX – первой четверти XX вв.

Данная работа определила рассмотрение региона как многонационального и поликультурного района. Историк А.А. Черкасов изучил развитие крестьянского движения в период революции и гражданской войны в Черноморье. Заложившую научную базу продолжил расширять К.В. Таран, в своем диссертационном исследовании, посвященном общественно-политическому движению в Черноморской губернии во время Первой российской революции 1905–1907 гг., рассмотрел социально-экономические и политические реалии изучаемого периода.

Практика исследования аграрного сектора Черноморской деревни в условиях НЭПа в социально-экономическом аспекте продолжена О.В. Бершадской, что определялось приоритетным направлением занятия местного населения сельским хозяйством в регионе до проведения советским государством политики индустриализации. Очередной вклад в формирование региональной истории города-курорта внесла исследователь Т.А. Самсоненко работой о становлении Сочинского курорта в ходе первых пятилеток индустриального рывка. В диссертационном исследовании были рассмотрены социально-демографические явления и процессы, проходящие в экономике курортного района в 1930-е гг., определена роль не только государства, но и вклад Первого Уполномоченного А.Д. Метелева в реализации государственной политики по становлению всесоюзной здравницы.

О.В. Натолочная в научной работе о городе Сочи и сочинцах после Великой Отечественной войны в период 1945–1953 гг. рассмотрела дальнейшее социально-экономическое и культурное развитие курорта. Было изучено выполнение плана строительства всесоюзной здравницы и трудности обстоятельств реализации государственной политики в послевоенный период. Выявлен комплекс недостатков в выполнении Генерального плана всесоюзного строительства здравницы.

С.Д. Багдасарян в диссертационном исследовании об историческом опыте государственной социально-экономической политики в 1980-е – начале 90-х гг. XX в. на материалах района Большой Сочи Краснодарского края изучила хозяйство курорта уже в период политики перестройки. Данная работа стала первым научным опытом в выявлении реализации второго Генерального плана развития всесоюзной здравницы. Были констатированы проблемы социальной и санаторно-курортной сферы, экономического кризиса конца политики перестройки в курортном регионе, что делает возможным проведение нового исследования периода 1985–1991 гг. для расширения научного исторического дискурса социальных и экономических преобразований города-курорта Сочи в период политики перестройки.

Как мы видим, исследователей привлекали события гражданской войны, революционного прошлого, история заселения и административно-территориальных видоизменений района, возникновение Сочи-Мацестинского всесоюзного курорта [11–14]. Социально-экономическая история развития курорта времени 1980-х – начала 1990-х гг. осталась, однако, вне фокуса глубокого внимания исследователей. Некоторые исторические этапы обзорно запечатлены в различных газетных публикациях и трудах краеведов, отобразивших динамику развития города-курорта [8].

Период 1985–1991 гг., вошедший в историю города-курорта как знаковая эпоха, положил начало новому этапу в развитии Сочи как самого крупного и значимого курорта Российской Федерации. Всего за 6 лет город-курорт пережил бурный динамичный подъем (1985–1987 гг.), пиковый наплыв отдыхающих (1987–1989 гг.) и начался этап кризисных проявлений во всех сферах жизнедеятельности региона (1990–1991 гг.).

Рассмотрение социального и экономического состояния города-курорта Большой Сочи в период 1985–1991 гг. показало, что роль

государства в социально-экономическом регулировании оставалась лидирующей, что позволяет выделить следующие итоги исследования:

Историческая эволюция современного города-курорта Сочи – это результат роста геополитических интересов Российской империи на Северном Причерноморье. Современная история региона Большой Сочи начинается с проведения политики заселения территории и первого курортного строительства, в котором участвовало активно и государство, проводя раздачу земель, даруя их под дачи государственным чиновникам, знати, привлекая и простых подданных к освоению территории. Рождение курорта приходится, следовательно, на период начала XX в., затем в годы Великой войны, революций 1917 г. и гражданской войны курортный район Сочи-Мацеста пережил неоднократный переход от одной власти к другой, разорение и запустение.

Новейшее историческое развитие Сочи-Мацестинского района приходится на этап индустриальной модернизации, что привело к реализации советской политики первых пятилеток от небольшого приморского городка до всесоюзной здравницы с планомерно развивающимся санаторно-курортным комплексом. Становление курорта было прервано Великой отечественной войной. Город был переведен на положение госпитальной базы всей страны и внес заслуженную лепту в лечение и оздоровление раненых. Послевоенное восстановление и продолжение реализации государственного плана по созданию всесоюзной здравницы привели к окончательному оформлению объектов санаторно-курортной и туристской отрасли, городской инфраструктуры в рамках Генерального планирования и облика города.

Экономические институты региона курорт Большой Сочи в период политики перестройки 1985–1991 гг. продолжали разви-

ваться в рамках плановых мероприятий, принятых еще Генеральным планом в 1960-е гг., в связи с этим начинается планирование и строительство канатной дороги в поселке Красная Поляна, что впоследствии сыграет значительную роль на развитии всего региона и предопределит выбор в становлении зимнего курорта и Олимпийского строительства 2004–2010-х гг.

Транспорт и промышленность курортного района, как части экономической инфраструктуры региона, проявляли негативные тенденции в реализации государственных программ по переходу к рыночным элементам в советской плановой экономике, не справляясь с ростом потребностей населения в товарах и услугах.

В исследуемый период экономическая политика претерпела существенные изменения в условиях проведения рыночных преобразований, развития индивидуальной трудовой деятельности и кооперативного движения, перевода государственных предприятий на хозяйственный расчет и самофинансирование.

Сочинская система предоставления услуг не являлась конкурентной, не справлялась с нагрузкой, давала сбои, что отмечали и советские и иностранные туристы; наиболее ярко эти сбои проявлялись в обеспечении населения продуктами питания и товарами первой необходимости. От этих проблем страдали не только сочинцы, но и, что немаловажно, гости курорта, а это в свою очередь создавало негативный облик курорта. Период перестройки ярко продемонстрировал сочинцам, городским властям и правительству страны те острые проблемы, которые необходимо срочно решать, для того чтобы миллионы граждан страны могли отдыхать в комфортных условиях, особо не утруждая себя первоначально поисками жилья, а затем продуктов питания. Продовольственное обеспечение города-курорта Сочи стало отражением процессов в экономике СССР в период 1985–1991 гг., что проявилось в нехват-

ке продуктов питания в период летней сезонной загруженности, когда предприятия санаторно-курортного и туристского комплекса обслуживали миллионы отдыхающих советских граждан. Продовольственная база города нуждалась в дотационном обеспечении от государства.

В период 1985–1991 гг. советское государство продолжило курс на сохранение уникальных рекреационных, лечебных и природно-климатических ресурсов региона Большой Сочи. Основной целью всех властных решений было развитие санаторно-курортного комплекса всесоюзной здравницы. Исследование показало, что перечисленные географические и природно-климатические условия стали основанием для славы курорта Большой Сочи, но в период 1985–1991 гг. проявились проблемы в экологической ситуации из-за технического устаревания коммунальных сетей. Следствием этого стала изношенность материально-технической базы городской инфраструктуры Всесоюзной здравницы, что усложнялось ростом населения города-курорта.

Социальные программы и медицинское обслуживание – это отрасли, социально развивавшие город-курорт Сочи, являвшиеся частью городской санаторно-курортной и туристской инфраструктуры. Социальное развитие курорта стало отражением отеческой политики советского государства, включая предоставление различных медицинских и оздоровительных услуг, но в период 1985–1991 гг. накопились проблемы недостаточного финансирования медицинских учреждений и не была реализована идея единой путевки.

Санаторно-курортный и туристский комплекс города-курорта расширялся за счет прироста гостиничного сектора, кемпингов и участия сочинских граждан в предоставлении жилья неорганизованному советскому отдыхающему. Курортный район находился

вне конкурентной среды, что приводило к миллионным показателям посещаемости пансионатов, домов отдыха, санаториев, турбаз и различных курортно-оздоровительных учреждений. На успех санаторно-курортной отрасли влияла советская система социального обеспечения и распределения путевок, курсовок, предоставления мест в организациях отрасли круглогодично, и конечно пионерских лагерях. Городское хозяйство развивало новое направление – туристические экскурсионные маршруты, что также приносило дополнительный доход в городской бюджет.

В организации мероприятий для иностранцев акцент делался на популяризацию социалистического образа жизни, что приобретало негативные формы для иностранного туриста, это при том, что в гостиничных комплексах предлагались услуги теневые, спекулятивные. Городское управление отмечало недостаточный уровень кадровой подготовки курортного и гостиничного сектора в сфере обслуживания, поэтому и было принято решение о подготовке специалистов высшего звена в современном городе-курорте Сочи.

В период достижения стабильности и относительного благополучия 1970–1980-х гг. максимального использования всего оздоровительного фактора города-курорта не только в целях уже санаторного курортного лечения, но и отдыха советских граждан, привлечения советского и иностранного туристического сектора социалистических и капиталистических стран.

В тоже время в исследуемый период произошло изнашивание и устаревание материально-технического комплекса санаторно-курортной и туристской сферы, она требовала дополнительных капиталовложений, чтобы соответствовать потребностям Краснодарского края, РСФСР, СССР и международным требованиям предоставления услуг в области туризма.

Культурно-просветительская работа в районе Большой Сочи в период перестройки была нацелена на организацию мероприятий, прежде всего по реализации государственной политики борьбы с пьянством и алкоголизмом. Проявляется в 1985–1991 гг. остро и проблема совершения несовершеннолетними правонарушений, что приводит к актуализации профилактической работы с несовершеннолетними. Поликультурная и многоэтническая среда, пребывание иностранных граждан способствовало успешному культурному обмену разных народов, толерантности во взаимоотношениях между представителями различных культур и формирование феномена открытого города-курорта в системе социалистического общежития.

Подводя итоги исследования по анализу социальных и экономических институтов курортного региона Большой Сочи необходимо подчеркнуть его уникальность курортно-рекреационного и природного комплексов.

Список литературы

1. Постановление СМ СССР от 28.08.1970 г. N 723 «О мерах по упорядочению застройки территорий курортов и зон отдыха и строительства санаторно-курортных учреждений и учреждений отдыха (с изм. и доп., внесенными постановлением Совмина СССР от 05.09.1973 n 654 – СП СССР, 1973, n 20, ст. 112). [электронный ресурс] URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_7380.htm. (дата обращения: 18.02.2016.)
2. Указ Президиума Верховного Совета РСФСР 10 февраля 1961. «О расширении территории города Сочи и упразднении Адлерского и Лазаревского сельских районов Краснодарского края» // Черноморская здравница. Сочи, 1961. 15 февраля.
3. Padma Desai. *Perestroika in Perspective: The Design and Dilemmas of Soviet Reform*. Princeton University Press, 1990.

4. Егоров Г.В. Социальная политика в СССР в период 1980–1991 гг. // Новое слово в науке и практике: гипотезы и апробация результатов исследований. Новосибирск. 2015. №17. С. 55–60.
5. Артюхов С.А. История Большого Сочи 1917–1990. Сочи, 2000.
6. Багдасарян С.Д. Тенденции социально–экономического развития Большого Сочи в 80–90 гг. XX в. // Большой Сочи в прошлом и настоящем: Материалы 1-й межвузовской научно-практической конф., 22–23 апреля 2005. Сочи, 2005. С. 109–114.
7. Быкова О.Н. Формирование стратегии инновационного развития санаторно-курортного и туристического комплекса (на примере г. Сочи): дисс. ... д-ра экон. наук. М., 2009.
8. Гордон К.А. Старая-старая Мацеста // Черноморская здравница. 1987. 12 февраля.
9. Ермаков Б.А., Леонов В.А. Сочи-курорт. Краснодар, 1987.
10. Князева Л.З. Курорт Сочи: 1946–2000 / Сочи: страницы прошлого и настоящего. Сочи, 2003. С. 189–191.
11. Красильникова К. Партизанское движение на Кубани и Черноморье. Краснодар. 1957.
12. Улько Г.Е. Октябрь на Черноморье. Краснодар. 1957.
13. Козлов А.И. Борьба трудящихся Черноморья за власть Советов (1917–1920). Ростов н/Д., 1972.
14. Трехбратов Б.А. Крестьянское движение на Северном Кавказе в первой русской революции 1905–1907. Краснодар. 1984;
15. Самсоненко Т.А. История создания Сочи-Мацестинского всесоюзного курорта: дисс. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2000.
16. Тверетинин И.А. Особенности социально-экономического развития Сочинского округа во второй половине XIX – XX вв.: дисс. ... канд. ист. наук. Сочи, 2002.
17. Черкасов А.А. Крестьянское движение на Черноморье в период революции и гражданской войны.: дисс. ... канд. ист. наук. Сочи, 2002.

18. Натолочная О.В. Сочи и сочинцы после Великой Отечественной войны: проблемы социально-экономического и культурного развития курорта: 1945–1953 гг.: дисс. ... канд. ист. наук: Краснодар, 2005.
19. Бершадская О.В. Черноморская деревня в условиях НЭПа (Социально-экономический аспект): дисс. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2007.
20. Таран К.В. Общественно-политическое движение в Черноморской губернии в период Первой российской революции: 1905–1907 гг.: дисс. ... канд. ист. наук: Ставрополь, 2011.
21. Сенявский А.С. Социальная основа СССР. М.: Мысль, 1987.
22. Сенявский А.С. Российский город в 1960-е – 1980-е гг. М.: Изд. ИРИ РАН, 1995.
23. Ханин Г.И. Экономика СССР и РСФСР в 1988–1991 годах. Т. 2. Экономическая история России в новейшее время. Серия «Монографии НГТУ». Новосибирск. 2010.
24. Согрин В.В. 1985–2005 гг.: перипетии историографического плюрализма // *Общественные науки и современность*. 2005. №1. С. 20–34.
25. Величко С.А. Перестройка в СССР (1985–1991 гг.) в отечественной и зарубежной историографии // *Известия Томского политехнического университета*. 2005. Т. 308. №1. С. 199–205.
26. Горшков М., Бызов Л., Пахомова Е., Петухов В., Шереги Ф. Перестройка: 20 лет спустя // *Власть*. 2005. №5. С. 25–46.
27. Казьмин В.Н., Казьмина М.В. Концепция перестройки и новые подходы в осмыслении отечественной истории // *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2015. №1–3 (61). С. 166–170.
28. Тверитинов И.А. Административно-территориальное деление и население Сочи в советский период (1920–1989) // *Краевед Черноморья*, 2001. С. 29–30.

References

1. *Postanovlenie SM SSSR ot 28.08.1970 g. N 723 «O merakh po uporyadocheniyu zastroiki territorii kurortov i zon otdykha i stroitel'stva sanatorno-kurortnykh uchrezhdenii i uchrezhdenii otdykha (s izm. i dop., vnesennymi postanovleniem Sovmina SSSR ot 05.09.1973 n 654 – SP SSSR, 1973, n 20, st. 112)* [The decree of the USSR dated 28.08.1970 N 723 “On measures to streamline the building of territories of resorts and recreational areas and the construction of sanatoriums and recreation institutions (Rev. and EXT., as amended by the decree of the Council of Ministers of the USSR from 05.09.1973 n 654 – SP USSR, 1973, n 20, Art. 112).]. http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_7380.htm. (accessed: 18.02.2016)
2. Ukaz Prezidiuma Verkhovnogo Soveta RSFSR 10 fevralya 1961. «O rasshirenii territorii goroda Sochi i uprazhnenii Adlerskogo i Lazarevskogo sel'skikh raionov Krasnodarskogo kraya» [The decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the RSFSR on 10 February 1961. “On extending the territory of the city of Sochi and the abolition of Adler and Lazarevskoye in rural areas of Krasnodar region”]. *Chernomorskaya zdravnitsa. Cochi, 1961. 15 fevralya* [Black Sea health resort. Sochi, 15 February, 1961].
3. Padma Desai. *Perestroika in Perspective: The Design and Dilemmas of Soviet Reform*. Princeton University Press, 1990.
4. Egorov G.V. *Novoe slovo v nauke i praktike: gipotezy i aprobatsiya rezul'tatov issledovaniy* [The social policy in the USSR in the period of 1980-1991]. Novosibirsk. 2015. №17, pp. 55–60.
5. Artyukhov S.A. *Istoriya Bol'shogo Sochi 1917–1990* [The history of Big Sochi in 1917–1990]. Sochi, 2000.
6. Bagdasaryan S.D. *Tendentsii sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Bol'shogo Sochi v 80–90 gg. XX v.* [The trends in socio-economic development of Big Sochi in the 80–90s of XX century]. *Bol'shoi So-*

- chi v proshlom i nastoyashchem: Materialy 1-i mezhvuzovskoi nauchno-prakticheskoi konf., 22–23 aprelya 2005* [Greater Sochi in the past and the present: Materials of the 1st Inter-University Scientific and Practical Conference, April 22–23, 2005]. Sochi, 2005, pp. 109–114.
7. Bykova O.N. *Formirovanie strategii innovatsionnogo razvitiya sanatorno-kurortnogo i turisticheskogo kompleksa (na primere g. Sochi)* [The formation of strategy of innovative development of sanatorium and tourist complex (on the example of Sochi city)]. M., 2009.
  8. Gordon K.A. *Staraya-staraya Matsesta* [Old-old Matsesta]. *Chernomorskaya zdravnitsa. 1987. 12 fevralya* [Black Sea health resort. 12 February, 1987].
  9. Ermakov B.A., Leonov V.A. *Sochi-kurort* [Sochi resort]. Krasnodar, 1987.
  10. Knyazeva L.Z. *Kurort Sochi: 1946–2000* [Sochi resort: 1946–2000] / Sochi: stranitsy proshlogo i nastoyashchego. Sochi, 2003. S. 189–191.
  11. Krasil'nikova K. *Partizanskoe dvizhenie na Kubani i Chernomor'e* [The partisan movement in the Kuban and the Black Sea]. Krasnodar, 1957.
  12. Ul'ko G.E. *Oktyabr' na Chernomor'e* [October on the Black Sea coast]. Krasnodar, 1957.
  13. Kozlov A.I. *Bor'ba trudyashchikhsya Chernomor'ya za vlast' Sovetov (1917–1920)* [The struggle of the working people of the Black Sea for Soviet power (1917-1920)]. Rostov n/D., 1972.
  14. Trekhbratov B.A. *Krest'yanskoe dvizhenie na Severnom Kavkaze v pervoi russkoi revolyutsii 1905–1907* [The peasant movement in the North Caucasus during the first Russian revolution of 1905-1907]. Krasnodar, 1984.
  15. Samsonenko T.A. *Istoriya sozdaniya Sochi-Matsestinskogo vsesoyuznogo kurorta* [The history of development of Sochi-Matsesta resort-union]. Krasnodar, 2000.

16. Tveretinov I.A. *Osobennosti sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Sochinskogo okruga vo vtoroi polovine XIX–XX vv.* [The features of the socio-economic development of the Sochi district in the second half of the XIX–XX centuries]. Sochi, 2002.
17. Cherkasov A.A. *Krest'yanskoe dvizhenie na Chernomor'e v period revolyutsii i grazhdanskoi voiny* [The peasant movement in the Black Sea during the revolution and civil war]. Sochi, 2002.
18. Natolochnaya O.V. *Sochi i sochintsy posle Velikoi Otechestvennoi voiny: problemy sotsial'no-ekonomicheskogo i kul'turnogo razvitiya kurorta: 1945–1953 gg.* [Sochi and Sochi residents after World War II: the problem of socio-economic and cultural development of the resort: 1945–1953 years.], Krasnodar, 2005.
19. Bershadskaya O.V. *Chernomorskaya derevnya v usloviyakh NEPa (Sotsial'no-ekonomicheskii aspekt)* [The Black sea village in terms of the NEP (socio-economic aspect)]. Krasnodar, 2007.
20. Taran K.V. *Obshchestvenno-politicheskoe dvizhenie v Chernomorskoj gubernii v period Pervoi rossiiskoi revolyutsii: 1905–1907 gg.* [The socio-political movement in the Black sea province during the First Russian revolution of 1905–1907]. Stavropol', 2011.
21. Senyavskii A.S. *Sotsial'naya osnova SSSR* [The social basis of the USSR]. M.: Mysl', 1987.
22. Senyavskii A.S. *Rossiiskii gorod v 1960-e – 1980-e gg.* [Russian city in the 1960s – 1980s.]. M.: Izd. IRI RAN, 1995.
23. Khanin G.I. *Ekonomika SSSR i RSFSR v 1988–1991 godakh* [The economy of the USSR and the RSFSR in 1988–1991 years]. T.2. *Ekonomicheskaya istoriya Rossii v noveishee vremya.* Seriya «Monografii NGTU» [V.2. The economic history of Russia in recent times. 'NGTU Monographs' series.]. Novosibirsk, 2010.
24. Sogrin V.V. 1985–2005 gg.: peripetii istoriograficheskogo plyuralizma [1985–2005: vicissitudes of the historiographical pluralism]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 2005. №1, pp. 20–34.

25. Velichko S.A. Perestroika v SSSR (1985–1991 gg.) v otechestvennoi i zarubezhnoi istoriografii [Perestroika in the Soviet Union (1985–1991) in national and foreign historiography]. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta*. 2005. V. 308. №1, pp. 199–205.
26. Gorshkov M., Byzov L., Pakhomova E., Petukhov V., Sheregi F. Perestroika: 20 let spustya [Perestroika: 20 years later]. *Vlast'*. 2005. №5, pp. 25–46.
27. Kaz'min V.N., Kaz'mina M.V. Kontseptsiya perestroiki i novye podkhody v osmyslenii otechestvennoi istorii [The concept of restructuring and new approaches in the interpretation of national history]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2015. №1–3 (61), pp. 166–170.
28. Tveritinov I.A. Administrativno-territorial'noe delenie i naselenie Sochi v sovetskii period (1920–1989) [The administrative-territorial division and population of Sochi during the Soviet period (1920–1989)]. *Kraeved Chernomor'ya*, 2001, pp. 29–30.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Ермачков Иван Анатольевич, соискатель

Сочинский государственный университет

ул. Советская, 26а, г. Сочи, Краснодарский край, 354000,

Российская Федерация

eia07sochi@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Ermachkov Ivan Anatolevich, PhD student

Sochi State University

26a, Sovetskaya Str., Sochi, Krasnodarskii krai, 354000, Russian

Federation

eia07sochi@yandex.ru

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ STUDIES IN PHILOLOGY

DOI: 10.12731/2077-1770-2016-2-60-69

УДК 811(470.67)

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА РОДИНЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А. АБУ-БАКАРА

Алиомарова Г.И., Семиляк В.И.

Статья посвящена анализу языковых единиц-репрезентаторов образа родины в произведениях известного дагестанского писателя А. Абу-Бакара. Проанализированы топонимы-имена собственные, экспрессивная лексика, семантические поля «река», «дорога», являющиеся ключевыми в языковой репрезентации образа родины.

На основе проведенного исследования авторами выявлено, что в семантическое поле «отчий дом» входят описательная и экспрессивная лексика, отражающая отношение писателя к малой родине.

А. Абу-Бакар использует трехчленную парадигму создания образа родины «Россия – Кавказ – Дагестан».

Ключевые слова: *семантическое поле; топонимы; метафора; экспрессивная лексика; антропонимы; языковая картина мира; ключевое слово.*

LANGUAGE REPRESENTATION OF THE MOTHERLAND IMAGE THE WORKS BY ABUBAKAR

Aliomarova G.I., Semilyak V.I.

The article is devoted to the analysis of language units that represent the image of motherland in the works by a well-known Dagestani

writer A. Abu-Bakar. The following key elements to represents the image of the motherland were analyzed: proper names as place names, expressive vocabulary, “river”, “road” semantic fields.

On the basis of the study, the authors have found that the “father’s house” semantic field consists of both the descriptive and expressive vocabulary that reflect the writer’s attitude to his homeland.

A. Abu-Bakar uses a tripartite paradigm of creating the image of the Motherland, i. e. Russia – Caucasus – Dagestan.

Keywords: semantic field; place names; metaphor; expressive vocabulary; anthroponomy; linguistic picture of the world; keyword.

Образ Родины является главным образом в творчестве известного дагестанского русскоязычного писателя А. Абу-Бакара. Языковые особенности создания образа Родины обусловлены особенностями понятия, лежащего в основе лексического значения слова Родина. Это очень сложное многогранное понятие, которое объединяет в себе элементы конкретного и обобщенно-отвлеченного. Слово **родина** называет место, где человек родился (в широком смысле – родную страну, государство). Но одновременно это слово обозначает в речи – и, прежде всего, в художественной и публицистической – абстрактное понятие, имеющее общественно-политический, нравственный характер и в то же время, связанное с миром самых личных человеческих чувств. Художественные произведения, в которых большое место занимает тема Родины, обычно характеризуются соединением абстрактного и конкретного значений слова. Соотношение конкретного и абстрактного может быть различным, различны и способы перехода от конкретного к обобщенному, от обобщенного к конкретному. Чаще всего образная конкретизация осуществляется с помощью привлечения определенной конкретной лексики, причем лингвистическая основа такой конкретизации близка к так называемой синекдохе, когда «целое»

характеризуется через «часть» и «часть» несет в себе типичные признаки всего целого. Частью большой Родины является Родина малая.

Родина, край, где родился писатель, по наблюдениям исследователей [4, 9, 10], в значительной мере определяет творческие интересы писателей и поэтов, оказывает заметное воздействие на их художественную манеру. Это наблюдение справедливо и по отношению к Ахмедхану Абу-Бакару, родившемуся в знаменитом ауле Кубачи. Русский советский поэт Василий Федоров писал: «Мне довелось побывать в Дагестане, в его высокогорном ауле Кубачи, где испокон веков живут и работают знаменитые на весь мир чеканщики. Об этом ауле я знал давно понаслышке, а несколько лет назад познакомился с выходцем из него, талантливым рассказчиком Ахмедханом Абу-Бакаром. Только побывав в Кубачах, я понял, что стиль его коротких рассказов целиком вышел из лаконичного стиля кубачинской чеканки, где каждый завиток сопряжён с другими завитками причудливой арабески» [13, с. 448].

У А. Абу-Бакара две малых родины – Дагестан и аул Кубачи. Обе эти родины одинаково любимы и дороги писателю, что нашло своё отражение в его творчестве. В повести «Пламя родного очага» А. Абу-Бакар так пишет о своем родном ауле:

«Родился я в суровых Сирагинских горах, в ауле Кубачи, прославленном искусством златокузнецов <...> Мой аул каменными террасами возвышается на скалистом склоне...<...> В детстве родиной своей я считал этот маленький аул <...> с картофельными полями-лоскутками <...>» [1, с. 228].

Ключевыми словами при создании образа *родного аула* писателя являются топонимы-имена собственные – *Сирагинские горы, Кубачи*, которые «обрастают» целым рядом имен нарицательных, отражающих отношение автора к своей родине. Семантическое поле «*отчий дом*» содержит описательную лексику, реально по-

казывающую неброскую природу родного края: «суровых Сирагинских горах», «на скалистом склоне», «полями-лоскутками», «каменными террасами», «маленький аул».

Образ *Дагестана* трансформируется в образы пространства, края, села, связанные с именами собственными-топонимами – *Губден*, *Аксай*, *Меге*, *Микрах*, *Кумух* и др.: «... родина моя – это *Дагестан*, край тысячи ущелий и тысячи вершин, песчаных берегов и полынных степей, обновляющихся городов и аулов...» [1, с. 228], далее «*Губден* – аул красавиц, *Аксай* – аул поэтов, *Меге* – аул героев войны и труда, *Микрах* – аул ковровщиц, *Кумух* – аул учёных, аул шоферов, аул каменщиков, аул весельчаков, а к аулу златокузнецов – моему аулу *Кубачи* прибавилось еще одно название – химиков» [1, с. 193].

Приложения: «*край тысячи ущелий и тысячи вершин, песчаных берегов и полынных степей*»; «*аул красавиц*»; «*аул героев войны и труда*», «*аул ковровщиц*», «*аул учёных, аул шоферов, аул каменщиков, аул весельчаков*», «*аул златокузнецов*» являются концептуально важными характеристиками для восприятия читателем целостного образа Дагестана.

От образа малой родины автор всегда переходит к образу России, неотъемлемой частью которой является Дагестан: «За окном Россия – великая страна. <...> Какие *беспредельные* дали, какая необъятная глубина, сколько щедрости и доброты, сколько во всем человеческой любви и труда».

В семантическое поле «*Родина-Россия*» входят прилагательные *беспредельный* (БЕСПРЕДЕЛЬНЫЙ, у чего нет пределов; нескончаемый, бесконечный, безмерный, неизмеримый, неограниченный, необъятный, безграничный [5, с. 1364]); *необъятный* (НЕОБЪЯТНЫЙ, очень большой, необозримый. Необъятное пространство. Необъятные знания. [8, с. 408], являющиеся членами одного синонимического ряда. Данные прилагательные-эпитеты характеризуют величие России.

В следующем примере Родина представлена в трехчленном парадигме «Россия – Кавказ – Дагестан»:

«За окном Россия – великая страна. <...> Впереди Кавказ. <...> Дагестан – часть могучего Кавказа. Дагестан, если хотите, суровое сердце Кавказа» [1, с. 9]; «<...> мой Дагестан – суровый и живописный, легендарный край» [1, с. 192].

Эпитеты *великий, могучий, суровый*, характеризующие компоненты данной трехчленной парадигмы, формируют субъективную авторскую модальность.

Безграничная любовь к Родине выражается через поэтический образ России – Матери, России – награды: «За окном вагона широкие поля, обрамлённые в квадраты лесных полос. <...> Поля сменяются дубравами разнотравья, речная гладь – сочными лугами, и смешанные леса порой подбегают к дороге, желая заглянуть в окна вагонов. Вот призадумалась в коралловых серёжках-подвесках рябинушка с сорокой на ветке, вот клён застенчиво протягивает золотистые ладошки, а *стройные ели и берёзы напоминают джигитов, закружившихся в плавном медленном танце с молодыми статными девушками*. За окном города и деревни <...> За окном Россия – великая страна» [1, с. 9].

Наряду с типичными тропами «*широкими полями*», «*сочными лугами*», «*коралловыми серёжками-подвесками рябинушкой*» автор использует оригинальное индивидуально-авторское сравнение «*ели и берёзы напоминают джигитов, закружившихся в плавном медленном танце с молодыми статными девушками*».

Заметим, что в русской языковой картине мира БЕРЁЗА ассоциируется с образом девушки [7,11], а Ахмедхан Абу-Бакар разрушает привычные ассоциативные связи, сформированные у читателя в результате его жизненного опыта. БЕРЁЗА у писателя ассоциируется с образом джигита в танце, что обусловлено специфическим национальным менталитетом.

Ключевым словам-образам сопутствуют устойчивые повторяющиеся во всех произведениях образы, конкретизирующие их значение: поля, речка, травы, родники, берёзы и т.д. Например: «Бежит ребёнок-ручеек все дальше от матери-ледника, бежит, черпая у него животворную влагу, без которой не смог бы он продолжить путь. Чем дальше, тем смелее становится ручеек, он крепнет, растёт и взрослеет, постепенно меняется его голос – не узнать! Постепенно ручеек становится потоком. <...> Словно юноша на свиданье к любимой, пробирается он по крутой тропинке, заросшей папоротником и колючими кустами шиповника.

Поток ширится, зреет и падает в ущелье возмужавшей рекой: и шум его больше походит теперь на стремительную бешеную пляску горцев, чем на говор застенчивого паренька. И приходят к нему всегда неразлучные смелость и дерзание» [2, с. 3].

Метафорический образ реки писатель создаёт с помощью ассоциативного ряда, компонентами которого являются антропонимы: *мать-ледник* – *ручеек-ребёнок* – *поток-юноша* – *река-возмужавший горец (джигит)*. В создании метафорического образа важную роль играют глаголы *«крепнет»*, *«растет»* и *«взрослеет»*, имеющие общую сему *«здоровеет»*.

В произведениях писателя отражено еще одно ключевое семантическое поле – *«дорога»*, употребляемое автором как в прямом, так и в переносном значении. Образ дороги в разных вариациях проходит через все творчество А. Абу-Бакара: «...Только дороги на склонах гор все ещё оставались светлыми полосками. Праздничными лентами опоясывали они горы, тянулись вдоль реки, терялись в лесах.

Дороги, дороги... Сколько их здесь? И сколько тропинок, узких, сбегających невесть откуда и сливающихся с каждой из них, словно мелкие речки с большой рекой» [2, с. 24].

Наряду со словом дорога А. Абу-Бакар использует лексемы-синонимы «*тропинка*», «*полоска*», «*лента*», которые указывают на характерный ландшафт Дагестана: в горном Дагестане больше тропинок, чем дорог.

В данной статье была предпринята попытка описания языковых средств, репрезентирующих образ родины, в произведениях самобытного дагестанского писателя А. Абу-Бакара с позиций антропоцентрического подхода к изучению особенностей языковой организации художественного текста. В представлении образа Родины ключевыми являются, лексемы – топонимы, антропонимы, экспрессивная лексика, семантические поля «отчий дом», «Родина-Россия», «дорога», создающие целостный образ Родины, представленный автором трехчленной парадигмой «Россия – Кавказ – Дагестан».

Взаимодействуя, эти семантические поля формируют главные мотивы всего творчества А. Абу-Бакара – мотив единения людей, мотив гордости за свою Родину и любви к ней.

Список литературы

1. А. Абу-Бакар. Пламя родного очага. М: Изд-во Советская Россия, 1976. 256 с.
2. Абу-Бакар А. Медовые скалы // Собрание сочинений, т.4. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 2006. 472 с.
3. Воркачев С.Г. Слово «Родина»: значимостная составляющая лингвоконцепта // Язык, коммуникация и социальная среда. Воронеж: ВГУ, 2006. С. 26–36.
4. Гачев Г. Образ в русской художественной культуре. М., 1981. 248 с.
5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т2: И-О / Под ред. Проф. И.А. Бодуэна де Куртенэ. М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 1998. 1024 с.
6. Зализняк А.А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М., 2005. 554 с.

7. Мартинович Г.А., Милюгина Е.Г. Опыт системного анализа лексики поэтических произведений: Коммуникативно-тематическое поле «Береза» в поэзии С. Есенина // Мир романтизма: Сб. науч. тр.: К 95-летию со дня рождения профессора Н.А. Гуляева и 50-летию созданной им «романтической школы». Тверь: ТвГУ, 2009. Т. 14 (38). С. 71–82.
8. Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений/ Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. М.: ООО «ИТИ Технологии», 2006. 944 с.
9. Паршина И.Г. Языковая личность поэта в региональном пространстве словесно-художественной картины мира // Известия волгоградского государственного педагогического университета. Выпуск № 5, том 59, 2011. С. 78–81.
10. Прокофьева А.Г. Краеведение в школьном литературном образовании // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал), №5(13), 2012. <http://ej.soc-journal.ru/archive/2012/5/prokofjeva.pdf>
11. Сергеева О.В. Концепт «Береза» в русской языковой картине мира // Вестник Омского университета, 2012. №2(64). С. 442–450.
12. Телия В.Н. Концептообразующая флуктуация константы «родная земля» в наименовании родина // Язык и культуры: Факты и ценности: К 70-летию Юрия Сергеевича Степанова. М., 2001. С. 409–418.
13. Федоров В.Д. Собрание сочинений: В 5 т. / Василий Федоров [Под общ. ред. Ю.Л. Прокушева]. М.: Современник, 1987. Т. 4: Наше время такое...: О поэзии и поэтах, 1988. 478 [1] с.

References

1. A. Abu-Bakar. *Plamya rodnogo ochaga* [Flame native hearth]. М: Izdvo Sovetskaya Rossiya, 1976. 256 p.

2. Abu-Bakar A. *Sobranie sochineniy* [Collected Works], V.4. Makhachkala: Dagestanskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2006. 472 p.
3. Vorkachev S.G. *Yazyk, kommunikatsiya i sotsial'naya sreda* [Language, communication and social environment]. Voronezh: VGU, 2006, pp. 26–36.
4. Gachev G. *Obraz v russkoy khudozhestvennoy kul'ture* [Image in the Russian artistic culture]. M., 1981. 248 p.
5. Dal' V.I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of Russian language]: In 4 v. V. 2. M.: TERRA – Knizhnyy klub, 1998. 1024 p.
6. Zaliznyak A.A., Levontina I. B., Shmelev A. D. *Klyuchevye idei russkoy yazykovoy kartiny mira* [Key Ideas Russian language picture of the world]. M., 2005. 554 p.
7. Martinovich G.A., Milyugina E.G. *Mir romantizma: Sb. nauch. tr.: K 95-letiyu so dnya rozhdeniya professora N.A. Gulyaeva i 50-letiyu sozdannoy im "romanticheskoy shkoly"* [World romanticism: Coll. scientific works: the 95th anniversary of birthday of Professor N.A. Gulyaev and 50 years he created "romantic school"]. Tver': TvGU, 2009. V. 14 (38), pp. 71–82.
8. Ozhegov S.I. i Shvedova N.Yu. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: 80000 slov i frazeologicheskikh vyrazheniy* [Explanatory Dictionary of the Russian language: 80000 words and idiomatic expressions]. M., 2006. 944 p.
9. Parshina I.G. *Izvestiya volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* 59, no. 5 (2011): 78–81.
10. Prokof'eva A.G. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem*, №5(13), 2012. <http://ej.soc-journal.ru/archive/2012/5/prokofjeva.pdf>
11. Sergeeva O.V. *Vestnik Omskogo universiteta*, 2012. №2(64), pp. 442–450.
12. Teliya V.N. *Yazyk i kul'tury: Fakty i tsennosti. K 70-letiyu Yuriya Sergeevicha Stepanova* [Language and Culture: Facts and Values: On the 70th anniversary of Yuri Sergeyevich Stepanova]. M., 2001, pp. 409–418.

13. Fedorov V.D. *Sobranie sochineniy* [Collected Works]: In 5 v. M.: Sovremennik, 1987. Vol. 4: *Nashe vremya takoe...: O poezii i poetakh* [Our time is ...: On Poetry and Poets], 1988. 478 [1] p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Алиомарова Гумай Исаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и истории русского языка
Дагестанский государственный педагогический университет
ул. Ярагского, 57, г. Махачкала, Российская Федерация
usaeva41@bk.ru

Семяляк Валентина Ивановна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и истории русского языка
Дагестанский государственный педагогический университет
ул. Ярагского, 57, г. Махачкала, Российская Федерация
Artik0521@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Aliomarova Gumay Isaevna, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Theory and History of the Russian language
Dagestan State Pedagogical University
57, Yaragsky Str., Makhachkala, Russian Federation
usaeva41@bk.ru

Semilyak Valentina Ivanovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Theory and History of the Russian language
Dagestan State Pedagogical University
57, Yaragsky Str., Makhachkala, Russian Federation
Artik0521@yandex.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2016-2-70-84

УДК 81-11'373.7

КОНЦЕПТОГЕНЕЗ И КОНЦЕПТОСФЕРА

Бажанов А.Е.

Цель. Статья посвящена процессу формирования концептов и концептосферы как системы концептов. Автор ставит своей целью раскрыть специфику процесса концептогенеза и проанализировать роль концептов в формировании человеческого мировоззрения.

Метод или методология проведения работы. Основу исследования образуют метод теоретического анализа и метод мысленного моделирования.

Результаты. Результаты работы заключаются в том, что автор устанавливает, что процесс формирования концепта представляет собой «нарастание» его объема за счет разнообразного (сенсорного, деятельного, мыслительного, языкового) опыта человека и заключается в движении от более конкретного чувственного образа к более абстрактному геитальту. Совокупность концептов, в свою очередь, образует концептосферу, мыслительную сферу, состоящую из концептов, представляющих собой структурированное знание людей.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть применены в сфере концептуального анализа и моделирования.

Ключевые слова: концептогенез; концептосфера; научная картина мира; наивная картина мира; концептуальное пространство; семантическое пространство.

CONCEPT GENESIS AND CONCEPT SPHERE

Bazhanov A.E.

Purpose. The paper considers concept formation as well as formation of the concept sphere being thought of as a set of concepts. The author aims to expand upon the specific features of the concept genesis as well as analyze the way concepts form the human world view.

Methodology. Both the method of theoretical analysis and method of mental modelling constitute the research basis.

Results. The results of the study show that the concept formation is a process of increasing the volume of a particular concept owing to a number of various (sensor, practical, mental, language-using) human experiences, and it is described as transition from a sensor perceived image to a more abstract gestalt. The set of concepts forms the concept sphere, which is believed to be a mental sphere that consists of concepts being units of structured human knowledge.

Practical implications. The results of the study can be applied in the conceptual analysis and modelling.

Keywords: concept genesis; concept sphere; scientific world picture; naïve world picture; conceptual space; semantic space.

Процесс формирования концептов или концептогенез является одним из важных вопросов в исследованиях последних двух десятилетий в отечественной когнитивной лингвистике. Н.А. Красавский, затрагивая проблему процесса формирования концептов, указывает на два, по его мнению, важных фактора концептогенеза: коллективную деятельность людей и социализацию [2, с. 49–50], тем не менее, не вдаваясь в более подробное описание специфики данного процесса.

В.А. Маслова, напротив, подчеркивает, что «формирование определенных представлений о мире является результатом взаимодействия трех уровней психического отражения: чувственного восприятия, формирования представлений (элементарные обобщения и абстракции), речемыслительных процессов» [6, с. 10]. Продолжая свои размышления о формировании концептов, В.А. Маслова отмечает, что «концепты в сознании человека возникают в результате деятельности, опытного постижения мира, социализации, а точнее, складываются из а) его непосредственного чувственного опыта – восприятия мира органами чувств; б) предметной деятельности человека; в) мыслительных операций с уже существующими в сознании концептами; г) из языкового знания (концепт может быть сообщен, разъяснен в языковой форме)» [6, с. 10].

Ю.Е. Прохоров обращает внимание на обратную взаимосвязь между самим концептом и тем, что он регламентирует, поскольку «совокупность обретаемых в процессе познания мира действительности понятий, образов, стереотипов и т.п., связанных с практическим осуществлением бытия в этой действительности, приобретения транслируемого опыта предыдущих поколений и т.п. способствуют становлению того «концепта» данной сферы человеческого существования, который это существования и регламентирует» [8, с. 16].

Обращаясь к вопросу формирования концептов, Е.С. Кубрякова подчеркивает, что предметные, бытийные концепты первичны в сознании человека, именно на их базе в процессе развития общества и познания формируются новые, более абстрактные производные концепты: «Не сомневаясь в том, что у истоков человеческого опыта оказывались концепты, основанные на телесном опыте и обобщающие опыт тела..., полагаем вместе с тем, что с развитием человека подобный опыт выходил далеко за пределы прямого восприятия мира .... Человек не только обозначал мир, но и описывал

его. В таких описаниях рождались новые концепты... Их появление - это результат аргументации языковой, следствие дискурсивной деятельности человека, о которой можно говорить как о деятельности речемыслительной ...» [4, с. 16].

Пожалуй, наиболее подробно процесс концептогенеза представлен в «Когнитивной лингвистике» З.Д. Поповой и И.А. Стернина, которые соглашаются с Е.С. Кубряковой и также говорят о том, что формирование концепта не только в истории развития человеческого сознания, но и в онтогенезе у ребенка идет от образного, чувственного к более абстрактному, рациональному. Именно чувственный образ сначала выступает как конкретное чувственное содержание концепта, а затем становится средством кодирования «нарастающего на него» объемного, многослойного концепта.

При этом «нарастание» объема концепта, формирование концепта возможно, по крайней мере, из 1) непосредственного сенсорного опыта человека – восприятия действительности органами чувств; 2) из непосредственных операций человека с предметами, из его предметной деятельности; 3) из мыслительных операций человека с другими, уже существующими в его сознании концептами – такие операции могут привести к возникновению новых концептов; 4) из языкового общения (концепт может быть сообщен, разъяснен, предложен человеку в языковой форме, например в процессе обучения) и 5) из самостоятельного познания человеком значений языковых единиц, усваиваемых в процессе жизни. Таким образом, подчеркивают З.Д. Попова и И.А. Стернин, язык выступает лишь одним из способов формирования концептов в сознании человека [7].

Вместе с тем, концепт, появившись в сознании человека, способен продвигаться по ступеням абстракции. С увеличением количества закреплённых концептом признаков, с возрастанием уровня абстрактности концепт постепенно эволюционирует от чувственного образа

к собственно мыслительному. Жизненный опыт человека, постоянно обогащая содержание концептов, приводит к тому, что усложняется как образный компонент концепта, так и рациональная его составляющая [7], сам же концепт, претерпевая изменения и накапливая смыслы, может продвигаться, трансформируясь и усложняясь, от чувственного образа через понятие и представление к гештальту.

Концепты как оперативные единицы мышления не существуют разрозненно и независимо друг от друга, но складываются в систему концептов или концептосферу. Как отмечает Д.С. Лихачев, концептосфера - это совокупность концептов нации, она образована всеми потенциями концептов носителей языка. Концептосфера шире семантической сферы, представленной значениями слов языка. Чем богаче культура нации, ее фольклор, литература, наука, изобразительное искусство, исторический опыт, религия, тем богаче концептосфера народа [5, с. 5].

З.Д. Попова и И.А. Стернин дают следующее определение концептосфере: «*Концептосфера* – это чисто мыслительная сфера, состоящая из концептов, существующих в виде мыслительных картинок, схем, понятий, фреймов, сценариев, гештальтов (более или менее сложных комплексных образов внешнего мира), абстрактных сущностей, обобщающих разнообразные признаки внешнего мира. Концептосфере принадлежат и когнитивные классификаторы, способствующие определенной, хотя и нежесткой организации концептосферы» [7].

Наряду с термином «концептосфера» в лингвистической литературе встречаются также и такие термины, как «картина мира», «научная картина мира», «логическая картина мира», «образ мира», «модель мира», «наивная картина мира», «языковая картина мира», «языковая репрезентация мира» и др. Объединяет все эти термины, во-первых, то, что каждый из них означает некую, организованную определенным образом совокупность представлений человека об

окружающей его действительности, а, во-вторых, то, что нередко концепт оказывается базовой единицей обозначаемых этими терминами совокупностей представлений человека о мире, которые складываются в результате взаимодействия человека и мира.

Хотя нельзя говорить о том, что в лингвистической литературе существует терминологическая путаница, тем не менее, на наш взгляд, есть явный избыток терминов при недостатке означаемых ими объектов лингвистического исследования. Так, например, В.А. Маслова считает синонимичными такие термины, как «языковая картина мира», «языковой промежуточный мир», «языковая репрезентация мира» и «языковая модель мира» [6]. В свою очередь, такими же синонимами можно считать и такие термины, как «картина мира», «образ мира» и «модель мира», синонимами, конечно, не полными, но идеографическими. Употребляя тот или иной термин, ученый, по сути, именуется одно и то же явление ментальной сферы человека, меняя при этом угол зрения. Еще одной причиной использования одного из перечисленных терминов являются и языковые пристрастия ученого, его языковые предпочтения, близость и удобность для ученого определенного термина. Так, например, обращает на себя внимание, что одним из первых в научный оборот термин «картина мира» ввел ученый-физик А. Эйнштейн, в то время как одним из первых ученых, предложивших термин «образ мира», был известный советский психолингвист А.Н. Леонтьев.

В отечественной лингвистической литературе можно обнаружить две своеобразные терминологические оппозиции: с одной стороны, имеет место быть противопоставление «научная картина мира» – «наивная картина мира», с другой стороны, в лингвистической литературе можно встретить и иное противопоставление: «концептуальная сфера / пространство» – «семантическое пространство языка / пространство языковых значений». В какой-то степени эти две оппо-

зиции пересекаются, однако, нужно отметить, что первой оппозиции посвящено большее количество исследований. Как и подчеркнуть то обстоятельство, что противопоставление «концептуальной сферы» и «семантической сферы языка» имеет давнюю традицию в европейских и американских когнитивных исследованиях: суть расхождения сторонников холистического и модулярного подходов в когнитологии и когнитивной лингвистике заключается в том, считать ли систему концептов (= концептосферу) и систему языковых значений (= семантическую сферу языка) одной единой системой или же двумя разными, но, безусловно, взаимосвязанными.

Необходимо заметить, что противопоставление этих двух сфер в отечественной лингвистике получило своеобразный поворот, связанный, по-видимому, с тем, что, как выясняется, представления о мире вне и внутри человека неоднородны и противоречивы, более того: то, как представляет себе мир человека и мир вне человека современная наука, и то, что говорит о мироустройстве язык, точнее, знания, которые сохранены в системе языковых значений, нередко не соответствует друг другу.

В связи с этим оба (холистический и модулярный) подхода в отечественной лингвистике превратились в дискуссию о том, единицей какой системы является концепт: концептуальной или же системы языковых значений. В то время как в отношении выделения научной картины мира и наивной картины мира наблюдается относительное единодушие (лингвисты, как правило, говорят о существовании обеих картин мира, то есть обоих мыслительных конструктов в сознании человека, см., например, [1; 6; 8; 9]), во втором вопросе такого единодушия нет.

Например, Е.С. Кубрякова полагает, что «картина мира (то есть концептуальная картина мира) – то, каким себе рисует мир человек в своем воображении, – феномен более сложный, чем языковая

картина мира, т.е. та часть концептуального мира человека, которая имеет «привязку» к языку и преломлена через языковые формы» [3, с. 142]. Концепт, по мнению Е.С. Кубряковой, безусловно, часть концептуальной (= научной) картины мира. Схожей точки зрения придерживается и Д.С. Лихачев [5]. О противопоставлении концептуальной системы (= картины мира) и языковой картины мира пишет В.А. Маслова, при этом под концептуальной системой она понимает совокупность концептов, логически связанных между собой. Концептуальная система динамична и постоянно меняется, конструируется человеком постоянно, уточняется, потому что концепты изменяются в сознании, они подпадают под влияние других концептов, меняется их число, меняется объем содержания концептов; концептуальная система строится по принципам логики, ее логичность проявляется в возможности перехода от одного концепта к другому, в возможном определении одного концепта через другой, в возможном конструировании одного концепта на базе другого. Языковую картину мира В.А. Маслова определяет как совокупность знаний о мире, запечатленных в языковой форме: в лексике, фразеологии и грамматике, как закрепленные в языке знания о мире и вплетенный в них национально-культурный опыт [6].

В отечественной лингвистике представлена и другая точка зрения, согласно которой концепт совсем не часть научной картины мира, но часть языковой картины мира. Например, для Н.Ф. Алефиренко концепт часть языковой картины мира, он формируется и существует в пространстве дискурса; языковая картина мира в отличие от логической (= научной) картины мира представляет собой субъективное знание, имеет с логической картиной мира общую часть, а также специфическую идиоэтническую часть (или части), которая с ней не совпадает, при этом логическая картина мира едина для всего человечества, языковых же картин мира мно-

го, точнее, у каждого этноса (каждого этнолингвокультурного общества) своя.

Существуют и иные концепции, которые предлагают отличные от предложенных выше трактовок соотношения научной и наивной картин мира и концептуальной системы (концептосферы). Так, например, Ю.Е. Прохоров, для которого языковая картина мира равна наивной картине мира, отмечает, что картины мира суть результаты освоения мира сознанием: обыденным и научным. Он не считает возможной языковую картину мира вообще и говорит о существовании только национальных и индивидуальных языковых картин мира, при этом говорит о том, что научная картина мира вообще вполне реальна, но он также подчеркивает, что единая для человечества научная картина мира в силу влияния национальных языков предстает в виде множества национальных научных картин мира. Как и многие другие исследователи Ю.Е. Прохоров пишет об инертности языковой и динамизме научной картины мира, как, впрочем, и о том, что в случае с картиной мира лучше говорить не об отражении, а о структурировании мира, ибо познание мира – это активный, деятельностный процесс.

Оригинальность концепции Ю.Е. Прохорова заключается в том, что, выделяя как научную, так и языковую картины мира и относя концепт к базовым единицам языковой картины мира, он, тем не менее, разделяет семантическое и концептуальное измерения или пространства языка. Необходимо также отметить, что наряду с семантическим (= совокупность базовых понятий отдельных составляющих языковой картины мира, сложившейся у данного этноса в ходе его бытия и определяющей национально-культурную специфику построения и реализации ассоциативно-вербальной сети ее языковых личностей) и концептуальным (совокупность исторически сложившихся базовых структурных элементов организации человеческого бытия, закрепленных в наборе семиотических сфер,

именованных в наборе семантических сфер и обеспечивающих существование человека в реальном пространстве) пространствами языка Ю.Е. Прохоров выделяет еще и семиотическое пространство, понимая под ним совокупность бытийно сложившихся правил понимания, оценки и организации хаоса человеческого бытия, исторически вселенски, этнически и социально закрепленных в семиотических системах, регулирующих человеческое существование и специфически означаемых в разных языках.

Характеризуя взаимоотношения между этими тремя пространствами языка и определяя их роль в формировании картин мира, Ю.Е. Прохоров отмечает, что «совокупность семантических сфер и семиосфер, расположенных во взаимосвязанном пространстве, создает условия для возникновения сфер более высокого порядка – концептосфер, которые, с одной стороны, через семантические сферы связаны с языком, с возможностью именования их или их частей, а с другой – посредством семиосфер, связаны с достаточно устойчивыми моделями восприятия и постижения мира» и что «совокупность концептосфер создает концептуальное пространство». Тем не менее, ученый указывает на то, что взаимодействие семантических, семиотических и концептуальных пространств образует национальную языковую картину мира [8, с. 113–120].

Н.А. Красавский предлагает иную трактовку типов картин мира, добавляя к содержательному и формальному хронологический / исторический критерий их выделения. Согласно его точке зрения наряду с научной картиной мира в истории человечества можно выделить следующие виды картин мира (мировидения): древнюю, примитивную, дологическую, мистико-мифологическую, мифолого-религиозную, религиозную, научную, наивную, современную и пр. Продолжая рассуждения Н.А. Красавского, мы можем предположить два возможных сценария сосуществования картин мира:

во-первых, каждая из картин мира могла бы представлять собой определенный слой в человеческом сознании и человеческом опыте (по подобию исторических слоев при археологических раскопках), и, во-вторых, принадлежа той или иной эпохе, одна картина мира сменяла бы другую, правда, не бесследно.

Второй вариант представляется нам более логичным. Однако, в этом случае, необходимо признать, что «наивная картина мира» (или же «языковая картина мира») оказывается конструктом весьма условным и искусственным, ведь в ее составе, что вполне естественно, можно будет обнаружить следы (знание, запечатленное в языковой форме) всех, предшествующих научной, картин мира. Именно поэтому языковая картина мира содержит в себе противоречивые (а порой и взаимоисключающие) представления человека о мире, которые суть знания / опыт человека из разных исторических эпох. Научная картина мира в этом понимании представляет собой доминирующий способ мышления и рассуждений о мире, познания мира, своеобразную парадигму мышления и познания, поэтому она интернациональна (как впрочем, были условно интернациональны и религиозная, и мистико-мифологическая картины мира).

Отличием концепции Н.А. Красавского является то обстоятельство, что концепт есть базовая единица любой картины мира (как научной, так и языковой), ведь он оперативная единица мышления, опыта / познания и памяти. Структура концепта такова, что позволяет ему быть частью любой из картин мира, с течением времени смыслы, составляющие концепт и являющиеся элементарными фрагментами или частицами опыта переструктурируются, меняется их состав, количество, часть из них оказывается ядреными, часть перемещается на периферию. Тем самым, не отрицая противопоставления разных картин мира, Н.А. Красавский в своей концепции снимает оппозицию «концептуальное пространство» –

«семантическое пространство», поскольку все выше изложенное в равной степени позволяет предположить как их тождество, так и их различие.

В отличие от Н.А. Красавского З.Д. Попова и И.А. Стернин снимают оппозицию «научная картина мира» – «наивная картина мира», вместе с тем подчеркивая, что концептосфера не тождественна сфере языковых значений. Более того, З.Д. Попова и И.А. Стернин пишут о том, что «*семантическое пространство языка ... в современной лингвистике оказывается синонимичным понятию языковая картина мира*, а описание семантического пространства языка представляет собой описание языковой картины мира» [7].

В то же время под концептосферой они понимают область мыслительных образов, единиц универсального предметного кода, представляющих собой структурированное знание людей, их информационную базу. В качестве весомого аргумента для различения концептуального и семантического пространств ученые приводят тот факт, что не все концепты и не всегда содержание концепта вербализовано и может быть выражено средствами языка. Кроме того, множество «входов» в концепт предполагает известную асимметрию семантической и концептуальных систем: содержание концепта может быть оязыковано как рядом языковых единиц одного уровня, так и разноуровневыми языковыми единицами:

«Как семантическое пространство языка, так и концептосфера однородны по своей природе, это мыслительные сущности. Разница между языковым значением и концептом состоит лишь в том, что языковое значение – квант семантического пространства – прикреплено к языковому знаку, а концепт как элемент концептосферы с конкретным языковым знаком не связан. Он может выражаться многими языковыми знаками, их совокупностью, а может и не иметь представленности в системе языка; концепт может овнешниться на

основе альтернативных знаковых систем, таких как жесты и мимика, музыка и живопись, скульптура и танец и др.» [7].

Несмотря на разграничение концептуального и семантического пространств З.Д. Попова и И.А. Стернин подчеркивают некоторую условность этого разграничения: между обоими пространствами нет и не может быть демаркационной линии, но существует тесная взаимосвязь. Ведь, с их точки зрения семантическое пространство языка – часть концептосферы, получившая выражение (вербализацию, объективацию) в системе языковых знаков – слов, фразеосочетаний, синтаксических структур – и образуемая значениями языковых единиц.

Помимо этого, З.Д. Попова и И.А. Стернин обращают внимание на то, что «докогнитивная семасиология установила, что семантика языка (семантическое пространство языка) – это не набор, не инвентарь семем, а сложная их система, образованная пересечениями и переплетениями многочисленных и разнообразных структурных объединений и групп, которые «упакованы» в цепочки, циклы, ветвятся как деревья, образуют поля с центром и периферией и т. п. Эти отношения отражают отношения концептов в концептосфере языка. И по отношениям между значениями в семантическом пространстве языка можно судить об отношении концептов в национальной концептосфере» [7].

Представленность же значительной части концептосферы лингво-этнокультурного сообщества в семантическом пространстве его языка делает семантическое пространство языка предметом изучения когнитивной лингвистики, поскольку, во-первых, изучение концептосферы через семантическое пространство языка – это не единственный, но наиболее успешный и широко применяемый метод в когнитивных исследованиях, и, вторых, сопоставление семантических пространств разных языков позволяет увидеть общечеловеческие универсалии в отражении окружающего людей мира

и в то же время дает возможность увидеть специфическое, национальное, а затем и групповое, и индивидуальное в наборе концептов и их структуризации [7].

Список литературы

1. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка. М.: Флинта: Наука, 2010. 288 с.
2. Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. Москва: Гнозис, 2008. 374 с.
3. Кубрякова Е.С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира. М.: Наука, 1988. С. 141–172.
4. Кубрякова Е.С. Язык и знание. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
5. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // ИАН СЛЯ. 1993. Т. 52, № 1. С. 3–9.
6. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику. М.: Флинта: Наука, 2011. 296 с.
7. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. URL: <http://zinki.ru/book/kognitivnaya-lingvistika/> (дата обращения 09.11.2013).
8. Прохоров Ю.Е. В поисках концепта. М.: Флинта: Наука, 2009. 176 с.
9. Серебренников Б.А. Язык и мышление. М.: Наука, 1988. 242 с.

References

1. Alefirenko N.F. *Lingvokul'turologiya: tsennostno-smyslovoe prostranstvo yazyka* [Linguo-cultural studies: value and sence in the language space]. Moscow: Flinta: Nauka, 2010, 288 p.
2. Krasavskiy N.A. *Emotsional'nye kontsepty v nemetskoj i russkoj lingvo-kul'turakh* [Emotional concepts in German and Russian languages and cultures]. Moscow: Gnozis, 2008, 374 p.

3. Kubryakova E.S. *Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke: yazyk i kar-tina mira* [Human factor in the language: language and picture of the world]. Moscow: Nauka, 1988, pp. 141–172.
4. Kubryakova E.S. *Yazyk i znanie* [Language and knowledge]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2004, 560 p.
5. Likhachev D.S. *IAN SLYa*, Vol. 52, no 1 (1993): 3–9.
6. Maslova V.A. *Vvedenie v kognitivnyuyu lingvistiku* [Introduction to cog-nitive linguistics]. Moscow: Flinta: Nauka, 2011, 296 p.
7. Popova Z.D., Stermin I.A. *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive linguistics]. <http://zinki.ru/book/kognitivnaya-lingvistika/> (accessed September 9, 2013).
8. Prokhorov Yu.E. *V poiskakh kontsepta* [In search of the concept]. Mos-cow: Flinta: Nauka, 2009, 176 p.
9. Serebrennikov B.A. *Yazyk i myshlenie* [Language and thought]. Mos-cow: Nauka, 1988, 242 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Бажанов Александр Евгеньевич, старший преподаватель кафе-дры теоретической и прикладной лингвистики
Московский городской педагогический университет
2-ой Сельскохозяйственный проезд, д.4, к. 1, г. Москва,
129226, Российская Федерация
abashanov@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Bazhanov Aleksandr Evgenevich, Senior Lecturer, Department of Theoretical and Applied Linguistics
Moscow City University
2 Sel'skokhozyaystvennyy proezd, 4, building 1, Moscow, 129226,
Russian Federation
abashanov@mail.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2016-2-85-95

УДК 811

ОТРИЦАТЕЛЬНО-ЭМОТИВНАЯ ЛЕКСИКА В РОМАНЕ С. КИНГА 'THE SHINING'

Вычужанина А.Ю., Хабибулина Э.А.

Эмоции являются одним из основных и всепроникающих аспектов человеческого опыта. Для лингвистов представляют интерес языковые средства, используемые для выражения чувств говорящего и для воздействия на эмоциональную сферу слушающего. Целью данной работы является описание лексики с отрицательной эмотивной составляющей в художественном произведении на материале романа С. Кинга 'The Shining'. Отрицательно-эмотивная лексика, выделенная из данного произведения, распределяется на 7 тематических групп в соответствии с классификацией «фундаментальных» эмоций по К. Изарду. Эмоциональная картина мира, созданная писателем, отличается насыщенностью и многообразием эмоций, особыми языковыми средствами для их обозначения, описания и выражения. Доминирующими эмоциями являются: страх – ужас, гнев – ярость, горе – страдание. Это объясняется литературным жанром, в котором работает С. Кинг. Данные эмоции богато представлены разными языковыми средствами в идиолекте автора, определяя его стиль и художественный метод.

Ключевые слова: *эмотивность; отрицательно-эмотивная лексика; фундаментальные эмоции; идиолект.*

EMOTIVE WORDS WITH A NEGATIVE CONNOTATION IN THE NOVEL THE SHINING BY S. KING

Vychuzhanina A.Y., Khabibulina E.A.

Emotions are the main and pervasive aspect of human experience. Linguists have always paid special attention to the language means, which are used to express the speaker's feelings and have an impact on the listener's emotional sphere. The purpose of this work is to describe words with a negative emotive connotation in The Shining, the novel by S. King. Emotive words with a negative component are divided into 7 groups according to the classification of "fundamental" emotions by K. Izard. The emotional picture of the world, created by the writer, is characterized by intensity and variety of emotions, special language means for their designation, description and expression. The dominating emotions are: fear – horror, anger – rage, and grief – suffering. It can be explained by a literary genre in which S. King works. These emotions are widely presented by different language means in the author's idiolect, thus defining his style and art method.

Keywords: *Emotivity; emotive words with a negative connotation; basic emotions; idiolect.*

Сегодня эмоции являются одним из приоритетных направлений исследований и охватили все коммуникативное пространство Homo loquens: СМИ, политику, бытовое и художественное общение. Эмоции характеризуются в качестве важнейших компонентов разума, мышления и языкового сознания современного человека, принадлежащего к любой лингвокультуре.

Различные эмоциональные переживания, представленные в словах и высказываниях, понятны всем говорящим на данном языке.

Это объясняется тем, что эмоции данной языковой общности социологизированы и психологизированы, то есть обобщены видовым национальным опытом данного народа потому, что они не только являются формой оценивания среды обитания того или иного языка, но и составляют значительный фрагмент этой среды обитания и картины мира. В этом плане эмотивность как лингвистическая категория является имманентным свойством языка выражать психологические (эмоциональные) состояния и переживания человека через особые единицы языка и речи – эмотивы [5, с. 15].

Эмоциональная сфера считается едва ли не самой сложной системой человеческой психики. Эмоции являются одним из основных и всепроникающих аспектов человеческого опыта. Обычно люди испытывают широкий диапазон эмоций: от спокойного удовлетворения при выполнении сравнительно обыденной задачи до скорби, испытываемой при смерти близкого человека. Поэтому сфера эмоций, бесспорно, нуждается в глубоком и детальном изучении не только с точки зрения физиологов и психологов, но и с позиций лингвистов. Для лингвистов интерес представляют языковые средства, используемые для выражения чувств говорящего и для воздействия на эмоциональную сферу слушающего. Всестороннее рассмотрение имен эмоций, их семантических и прагматических свойств необходимо для наиболее полного осмысления эмотивной лексики, входящей в лексико-семантическую систему языка.

Художественный текст в первую очередь соотносится с миром эмоций и чувств человека. Исследование эмотивной лексики интересно тем, что об истинной природе человеческих чувств, страстей, эмоций, об их силе можно узнать благодаря той форме, которую они приобретают, попадая из внутреннего мира во внешний, то есть благодаря слову. Изучение именно такой лексики является важным и необходимым для осознания идейного смысла худо-

жественного текста и для понимания человеческой психологии в целом. Эмоции героев произведения представляют собой особую психологическую реальность. Совокупность их в тексте – своеобразное множество, изменяющееся по мере развития сюжета, отражающее внутренний мир персонажа в различных обстоятельствах, в отношениях с другими субъектами [1, с. 206].

Проблема эмотивности является одной из наиболее обсуждаемых в лингвистике на протяжении нескольких десятилетий, однако многие ее аспекты по-прежнему остаются дискуссионными и недостаточно изученными.

Актуальность данной работы обусловлена необходимостью дальнейшего изучения специфики объективации эмотивности в художественном тексте. Языковые средства, используемые для отражения и выражения эмоций, характеризуют идиолект автора, определяют художественное своеобразие его произведения.

Цель исследования заключается в описании лексики с отрицательной эмотивной составляющей в художественном произведении на материале романа С. Кинга *The Shining*.

Материалы исследования могут найти применение в практике преподавания английского языка, в курсах стилистики, лексикологии и психолингвистики, на занятиях по интерпретации текста, а также при проведении лингвистических исследований подобной тематики.

Стивен Кинг – американский писатель, работающий главным образом в жанрах ужасов научной фантастики, которые многие критики называют «низким жанром», однако, несмотря на это, произведения С. Кинга дают богатую пищу для литературоведческого рассуждения. Имеющий университетское образование, обладающий энциклопедическими знаниями в области литературы и немалыми новаторскими амбициями, С. Кинг отличается особым многообразием в области создания художественного мира, ориентированного, прежде всего, на читателя.

Таким образом, фактическим материалом для исследования послужил роман С. Кинга *The Shining*. Из данного произведения, объем которого составляет 398 страниц, были выделены 246 примеров лексических единиц с отрицательной эмотивной составляющей. Они были разделены на 7 тематических групп в соответствии с классификацией «фундаментальных» эмоций по К. Изарду: горе – страдание, гнев – ярость, отвращение – омерзение, презрение – пренебрежение, страх – ужас, стыд – застенчивость, вина – раскаяние [2, с. 280]. Классификация К. Изарда включает еще три «фундаментальные эмоции»: радость, интерес – возбуждение, удивление, однако данные эмоции ученый относит к положительным эмоциональным состояниям, не являющихся объектом нашего исследования.

Эмоции отражаются в трех типах лексики языка: в лексике, называющей эмоции (номинация); в лексике, выражающей эмоции (манифестация, демонстрация), и в лексике, описывающей их (описание эмоциональной кинесики, фонации и просодии). Имена эмоций, наряду с лексикой, описывающей и выражающей эмоциональные состояния, составляют систему лексических эмотивных средств, поэтому в понятие эмотивности включается как эмотивная лексика, так и лексика эмоций. Таким образом, одна и та же эмоция получает в языке различную объективацию: язык может ее назвать, выразить и описать.

Необходимо отметить, что лексика, называющая эмоции, квалифицируется лишь как ассоциативно-эмотивная, так как она, не выражая эмоций, ассоциативно отсылает сознание говорящих к сфере эмоций. Это происходит за счет эмоциональности, которая присутствует в их семантике.

Лексика, называющая эмоции, является наиболее частотной. Нами было зафиксировано 146 примеров употребления таких лексических единиц. Наиболее ярко выраженной эмоцией в данном разделе является страх – ужас. В настоящей тематической группе

было выделено 89 примеров, что составило 61% от общего числа выборки.

Страх – отрицательное эмоциональное состояние, появляющееся при получении субъектом информации о возможном ущербе для его жизненного благополучия, о реальной или воображаемой опасности [3, с. 36]. Воображаемый страх читателя – это основной компонент атмосферы ужасного в художественном произведении соответствующего жанра, проявляющего себя в самых различных формах. Соответственно и вызывать такой страх писатель должен, подходя к категории ужасного с разных сторон. Так, интенсивный страх переживается как чувство абсолютной незащищенности, неуверенности в своей безопасности, как угроза жизни, и нередко описание дополняется стереотипным поведением: оцепенеть, схватить что-либо, спастись бегством, притвориться мертвым, без сознания и т.п., к примеру:

And they heard it above them, screaming, not in anger or triumph now, but in mortal terror [6, p. 381].

With almost swooning horror, she realized at last who it was that Jack had been conversing with in the ballroom [6, p. 328].

Fearful wonder became terror [6, p. 247].

Слабый страх переживается как тревожное предчувствие, беспокойство и выражается в романе таким образом: *Danny, as always, felt a warm burst of pleasure at seeing his old friend, but this time he seemed to feel a prick of fear, too, as if Tony had come with some darkness hidden behind his back* [6, p. 26].

If the boy had gotten a scare, wasn't that at least his just deserts? [6, p. 221].

He began to feel afraid, but the very dreamlike quality of his fear told him this was not real [6, p. 239].

Также нами была выявлена связь страха с беспокойством, которая, была выражена такими лексическими единицами, как *worry* и *alarm*. Следующие примеры наглядно демонстрируют эту связь:

I worry when he goes out to play. I worry about him wanting a two-wheeler next year, even one with training wheels. I worry about his teeth and his eyesight and about this thing, what he calls his shine. I worry [6, p. 230].

He saw the alarm on Danny's face and smiled [6, p. 70].

I'm as worried about this as you are, so please ... don't ... shout [6, p. 229].

"Stop now, shhh," Wendy said, alarmed [6, p. 219].

В анализируемом материале также были найдены примеры панического страха, а также страха, приводившего человека в шоковое состояние:

Panicked now, he pumped the brake hard, and then felt a hard bump [6, p. 343].

Danny cried out in shock, his body going tense, trying to draw away from his father, and then he collapsed into tears [6, p. 107].

Panic spurred her, and the ache in her side diminished a little [6, p. 361].

Что касается лексики, описывающей эмоции, в ходе исследования было выявлено 65 примеров. Наиболее часто встречающимися эмоциями в данной подгруппе, как и в предыдущей, являются страх – ужас 35 (53%), горе – страдание 14 (21%), гнев – ярость 10 (15%). Такое количественное и процентное соотношение также можно объяснить литературным жанром, в котором работает С. Кинг.

Страх – негативное эмоциональное состояние, которое возникает, прежде всего, в ситуациях, когда мотивация избегания не может быть реализована. Он возникает, если индивид имеет побуждение и осознанную цель покинуть ситуацию, но продолжает в силу внешних причин оставаться в ней [4, с. 490].

С. Кинг использует разнообразные приемы для выражения данного эмоционального состояния. К примеру, страх влечет за собой изменения внешности человека, а именно: искажает и искривляет лицо, напуганный человек бледнеет или же краснеет, либо его глаза непроизвольно вспыхивают, у него перехватывает дыхание и т.п.:

His breath was dry and harsh in his throat [6, p. 152].

His face felt as if it had been heavily waxed, all dead skin on the outside, live, hot rivulets of fear on the inside [6, p. 223].

Другими отличительными особенностями проявления страха являются произвольный крик ужаса, визг отчаяния и рыдания, вызванные сильным испугом. Проиллюстрируем данное высказывание конкретными примерами:

The boy was still sobbing wildly, refusing to look up from Jack's chest [6, p. 213].

"Get a magazine!" he yelled over his shoulder. "Kill them!" [6, p. 113].

He backed up against the wall, weeping with terror now, his heart racing like the heart of a rabbit caught in a snare [6, p. 112].

Огромную роль в восприятии художественного произведения играет эмоциональная выразительность речи. Художественная речь воспринимается не только на слух, но и зрительно. Именно так произведения словесного искусства могут до конца раскрыть все эмоционально-образное богатство своего идейного содержания. В данной категории было выбрано 35 примеров лексем, выражающих отрицательные эмоции. Эмоциональную окрашенность имеют устоявшиеся фразеологические сочетания, междометия, устойчивые словосочетания и использование разговорных фраз.

Учитывая тот факт, что выбранное для анализа произведение *The Shining* является романом ужасов, в данном подразделе доминантными также являются эмоции, выражающие: страх – ужас 15 (43%), гнев – ярость 9 (26%). Наиболее ярко представлена в данном подразделе эмоция страх – ужас. Эмоциональное состояние героев, испытывающих страх, часто передается путем повтора нескольких слов:

One thought played over and over in his mind, echoing with (You lost your temper. You lost your temper. You lost your temper.) an almost superstitious dread [6, p. 116].

No oh no oh no – (oh please, Tony, you're scaring me) REDRUM REDRUM REDRUM (stop it, Tony, stop it) Fading [6, p. 27].

Довольно естественно, что охваченный страхом человек, начинает молиться или взывать к Богу. Примеры данного явления также встретились в отобранном для исследования материале:

“Jesus, Al. We ran him down. I felt it.” In his ear the phone kept ringing. Come on, Al. Be home [6, p. 33].

“Oh no, God. Please, God, no.” [6, p. 224].

Please don't let it be that way, God. Let him grow up and still love his mother [6, p. 105].

Графическое выделение текста является одним из самых эффективных способов повлиять на читателя, обратить все его внимание на испытываемые героями чувства страха и ужаса:

NO SWIMMING. DANGER! LIVE WIRES. THIS PROPERTY CONDEMNED. HIGH VOLTAGE. THIRD RAIL. DANGER OF DEATH. KEEP OFF. KEEP OUT. NO TRESPASSING. VIOLATORS WILL BE SHOT ON SIGHT [6, p. 26].

Эмоциональная картина мира, созданная писателем, отличается насыщенностью и многообразием эмоций, особыми языковыми средствами для обозначения, описания и выражения эмоций.

В целом, проанализировав данное произведение можно констатировать, что в нем преобладают такие отрицательные эмоции, как страх – ужас (139), гнев – ярость (38), горе – страдание (33), отвращение – презрение (14), вина – раскаяние (12), стыд – застенчивость (6), пренебрежение (4). Доминирующими эмоциями являются: страх – ужас, гнев – ярость, горе – страдание. Это объясняется литературным жанром, в котором работает С. Кинг. Данные эмоции богато представлены разными языковыми средствами в идиолекте автора. Они способствуют созданию эмоциональной картины мира, передаче эмоционального содержания произведения, определяют стиль и художественный метод писателя.

Список литературы

1. Вычужанина А.Ю. Роль личности переводчика при переводе эмоциональной лексики (на материале произведения Д.Г. Лоуренса “Sons and lovers”) // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 24 (239). Филология. Искусствоведение. Вып. 57. С. 205–208.
2. Изард, К. Эмоции человека. М.: Изд-во МГУ, 1999. 427 с.
3. Маклаков А.Г. Общая психология. СПб.: Питер, 2015. 582 с.
4. Мещеряков Б.Г., Зинченко В.П. Большой психологический словарь. М.: АСТ, 2009. 816 с.
5. Шаховский, В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. М.: ЛКИ, 2008. 208 с.
6. King S. *The Shining*. Hodder, 1977. 512 p.

References

1. Vychuzhanina A.Ju. Rol' lichnosti perevodchika pri perevode jemotivnoj leksiki (na materiale proizvedenija D.G. Lourensa Sons and lovers) [The Role of Translator's Personality in Emotive Lexis Translation (Based on Sons and Lovers by D.H. Lawrence)]. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2011. № 24 (239). Philology. Arts. Issue 57, pp. 205–208.
2. Izard K. *Emotsii cheloveka* [Human emotions]. Moscow: MGU Publ., 1999. 427 p.
3. Maklakov A.G. *Obshchaya psikhologiya* [General Psychology]. Saint-Petersburg: Piter Publ., 2015. 582 p.
4. Meshcheryakov B.G., Zinchenko V.P. *Bol'shoy psikhologicheskij slovar'* [A significant psychological dictionary]. Moscow: AST Publ., 2009. 816 p.
5. Shakhovskiy V.I. *Kategorizatsiya emotsiy v leksiko-semanticheskoy sisteme yazyka* [Categorization of emotions in the lexical-semantic system of language]. Moscow: LKI Publ., 2008. 208 p.

6. King S. *The Shining*. Hodder Publ., 1977. 512 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Вычужанина Анна Юрьевна, канд. фил. наук, доцент

*Тюменский государственный университет,
ул. Знаменского, 56, г. Тобольск, Тюменская область, 626150,
Российская Федерация
doulskaya@yandex.ru*

Хабibuлина Эльвира Анваровна, канд. фил. наук, доцент

*Тюменский государственный университет,
ул. Знаменского, 56, г. Тобольск, Тюменская область, 626150,
Российская Федерация
elvira_khabibulina@mail.ru*

DATA ABOUT THE AUTHORS

Vychuzhanina Anna Juryevna, Candidate of Philological Sciences,

Associate Professor

Tyumen State University

56, Znamensky Str., Tobolsk, Tjumen Region, 626150, Russian

Federation

doulskaya@yandex.ru

Khabibulina Elvira Anvarovna, Candidate of Philological Sciences,

Associate Professor

Tyumen State University

56, Znamensky Str., Tobolsk, Tjumen Region, 626150, Russian

Federation

elvira_khabibulina@mail.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2016-2-96-108

УДК 81

**О КОМИЧЕСКОМ И ПОЛИТИЧЕСКОМ:
СЕМЕЙНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ
В МОЗАИКЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ЮМОРА**

Журавская К.А., Кузнецова А.Е.

В статье с помощью индуктивного метода исследования на материале современных шуток и анекдотов о политических семьях и династиях рассматриваются вопросы общего междисциплинарного характера: политическая лингвистика, теория номинации, стереотипизация языкового сознания, лексико-стилистические и синтаксические средства создания механизма юмора и актуализации иронической модальности. Нарушение закрепленного в сознании стереотипа или попытка его перереформирования влечет за собой комический эффект и ироническую модальность. Политические стереотипы являются наиболее устойчивыми, поскольку агрессивно формируются СМИ и не основываются на личном опыте.

Ключевые слова: *комическое в политическом; семейная политическая преемственность; стереотипизация языкового сознания; языковые средства создания юмора; устойчивость политических стереотипов; перереформирование стереотипов; национальная картина мира.*

**ON THE COMICAL AND POLITICAL: FAMILY POLITICAL
SUCCESSION IN A MOSAIC OF NATIONAL HUMOR**

Zhuravskaya K.A., Kuznetsova A.E.

The paper considers issues of general interdisciplinary nature, namely, political linguistics, nomination theory, linguistic consciousness stereotyp-

ization, lexico-stylistic and syntactic means of humor creation mechanism as well as ironic modality actualization. With the use of the inductive research method the above-mentioned issues are analyzed as exemplified in contemporary jokes humorous stories focused on political families and dynasties. The deformation of a fixed stereotype or its reformatting entails a comical effect and ironic modality. Political stereotypes are more stable as they are formed by aggressive mass media and not based on personal experience.

Keywords: *comical in political; family political succession; linguistic consciousness stereotypization; linguistic means of humor creation; political stereotype stability; stereotype reformatting; national world view.*

Текущие политические события, а именно предстоящие президентские выборы обуславливают заметное выдвижение на передний план специфического типа дискурса предвыборных кампаний, а лингвистический компонент комедийных телевизионных шоу позволяет дополнить картину национального языкового сознания многочисленными политическими шутками и анекдотами.

Вслед за В.Я. Проппом, который в своей книге «Проблемы комизма и смеха» задавался вместе со своими читателями вопросом: нужна ли нам теория комического или возможно обойтись без «игры ума, мертвой схоластики, бесполезной в жизни философемы» [10, с. 3], обратимся к вопросу методологии затрагиваемой в настоящей статье проблемы. Несомненно, теория в любой сфере науки является элементом научного познания и имеет тесную связь с фактической исследовательской базой. Но в рамках относительно небольшого пространства, предоставляемого авторам форматом научного доклада, считаем целесообразным руководствоваться индуктивным методом исследования, предлагаемым В.Я. Проппом, идущим не от философии гипотез к иллюстрирующим их примерам, а от собранного материала шуток и анекдотов к теоретическим обобщениям.

Нами были отобраны юмористические высказывания в адрес семей Клинтон и Буш. Выбор материала был обусловлен фактом того, что в настоящий момент представители данных политических семей активно действуют на арене политической борьбы в преддверии президентских выборов 2016 г., что, в свою очередь, вызывает ироничную реакцию американских избирателей по отношению к выдвигаемым кандидатам. Некоторые шутки не имеют авторства, поэтому их условно можно назвать анекдотами [5]. Другие принадлежат известным американским актерам-комикам и ведущим популярных телевизионных шоу, таким как Сет Майерс (Seth Meyers), Джимми Фэллон (Jimmy Fallon), Дэвид Леттерман (David Letterman) и др.

Рассмотрим пример анекдота, который может датироваться 2004 г., судя по тому, что упоминаемые политики в тот момент были соперниками (в выборах на пост президента страны).

1. *A teacher in a small Vermont town asks her class how many of them are John Kerry fans. Not really knowing what a John Kerry fan is, but wanting to be liked by the teacher, all the kids raise their hands except one boy. Johnny says, "I'm a George Bush fan." The teacher asks why he's a George Bush fan. The boy says, "Well, my mom's a George Bush fan and my dad's a George Bush fan, so I'm a George Bush fan!" The teacher is kind of angry, because this IS Vermont, so she asks, "What if your mom was a moron and your dad was an idiot, what would that make you?" Johnny says, "That would make me a John Kerry fan" [16].*

Пример интересен своей семантической многогранностью и различным пониманием заявленного в заглавии данной статьи понятия «семейная политическая преемственность» [8]. Под последней, в данном случае, имеется в виду не политическая династия претендентов на высший руководящий пост, а преемственность политических предпочтений внутри семьи избирателей. Надо отметить, что Вермонт, где происходит диалог, небольшой штат США, девизом

которого является «Свобода и единство». Общий комический эффект в коммуникативной ситуации создается не только отсылкой к особенностям региона, разному статусу коммуникантов, но и условностью ситуации «а что было бы, если бы...» [11]. Смышленность маленького Джонни помогает ему быстро отреагировать на запрос собеседника, сменить референта номинации согласно коммуникативной стратегии и одновременно отстоять семейные политические убеждения, выйдя из ситуации речевого акта победителем [13, 14].

В ходе отбора практического материала исследования нами было выявлено очень большое количество шуток и анекдотов в адрес четы Клинтон. Не проводя точных статистических подсчетов, можно, однако, утверждать, что

Билл и Хиллари Клинтон по своей популярности в качестве героев шуток уступают лишь Джорджу Бушу-младшему. Обнаруженный материал датируется разными временными периодами и характеризует супругов, во-первых, как заслуживающих друг друга избранных, во-вторых – как политических деятелей с довольно низкими морально-этическими стандартами.

Например, знаменитая фраза Ю. Цезаря ‘*Veni, Vidi, Vici – I came; I saw; I conquered*’ превратилась в цитату-пародию ‘*Veni, Vedi, Clinti – I came, I saw, I lied*’ [18]. Тема лжи развернута и в следующем примере:

2. *A man was walking in the woods and came to a cottage where the walls were covered with clocks. He asked the woman who owned the cottage what all the clocks were for. She replied that everyone in the world had a clock, and every time you told a lie your clock advanced a second. He saw a clock that was hardly moving and when he remarked about it he was told that it was Mother Teresa's. He then asked where Bill Clinton's clock was. The woman replied, 'It's in the kitchen, we're using it as a ceiling fan.'* [18].

В примере 2 актуализация иронии происходит на нескольких этапах по мере развертывания фабулы анекдота [5]. Первый этап включает лексико-семантические средства описания – механизм настенных часов, второй этап актуализации представляет собой антитезу (часы матери Терезы ↔ часы Билла Клинтона), причем один из компонентов антитезы не описывается, как бы оставаясь за рамками представления, но в фрейме понимания. Третий этап, являющийся апогеем шутки, объединяет в себе гиперболу и сравнение (имеют место часы с настолько быстро передвигающимися стрелками, что их используют в качестве потолочного вентилятора на кухне). Бытовой характер описания, где присутствует домашняя утварь, делает шутку доступной и понятной.

3. *'According to a new poll, the number of Americans who trust Hillary is dropping. Specifically, into a hole that Hillary covered with leaves.'* Jimmy Fallon [18].

Пример 3 продолжает тему лживости четы Клинтон, в частности, Хиллари. Механизм создания юмористического эффекта лежит в использовании многозначного глагола to drop (снижаться; падать) [15]. Кроме того, в шутке обозначается коварный характер Х. Клинтон. Следующая шутка высмеивает не только напряженные отношения между супругами, но и желание Х. Клинтон остаться безнаказанной:

4. *During a recent public outing, Hillary slipped off to visit a fortune teller of some local repute. In a dark and hazy room, peering into a crystal ball, the mystic delivered grave news. 'There's no easy way to say this, so I'll just be blunt: Prepare yourself to be a widow. Your husband will die a violent and horrible death this year.' Visibly shaken, Hillary stared at the woman's lined face, then at the single flickering candle, then down at her hands. She took a few deep breaths to compose herself. She simply had to know. She met the fortune teller's gaze, steadied her voice, and asked her question. 'Will I be acquitted?'* [19].

В приведенной выше истории находим общие характеристики с русским анекдотом, который создается согласно принципу бинарности [6]. Имеется в виду наличие 2-х компонентов – зачина, который часто нарочито затягивается рассказчиком, что создает напряженность ожидания, и развязки, которая очень лаконична и зачастую неожиданна и парадоксальна [1]. В данном случае контрастирующий короткий вопрос ‘Will I be acquitted?’ (Меня оправдают?) на фоне многокомпонентных синтаксических конструкций первой части, с различными формами причастий в функции атрибутивных и обстоятельственных элементов и вызывает смех слушателей [4].

Приводимые ниже остроты 5-6 представлены вместе, так как в обоих случаях авторы шуток используют прием цитации:

5. *‘Bill Clinton was being interviewed recently, and he said that despite all the speculation, Hillary hasn’t said anything to him about running for president in 2016. Though in fairness, she hasn’t said anything to him since 1998.’* Jimmy Fallon [20]. Упоминание 1998 г. указывает здесь на скандал с Моникой Левински.

6. *‘In an interview she said that she and her husband were dead broke when they left the White House. Hillary said things were so bad, the two of them needed to share a bedroom.’* Conan O’Brien [18].

Пример 6 интересен своей нестандартной лексической комбинаторикой и импликацией [9]. Устойчивое сочетание «dead broke» (нищий, как церковная мышь; гол как сокол) указывает на материальную нужду. Второе предложение, казалось бы, продолжает семантику идеи первого, так как в нем используется вполне логично лексическая единица to share (делить на двоих). Но в сочетании с модальным глаголом необходимости (need) словосочетание «to share a bedroom» (дела обстояли так плохо, что приходилось делить одну спальню на двоих) реализует иронию подтекста не материальной нужды, а вынужденных сексуальных отношений, возможно, ради дел государственной важности.

7. *'Hillary Clinton has temporarily changed her campaign logo to rainbow colors in support of marriage equality. Of course, her idea of marriage equality is both of you should get to be president.'* Seth Meyers [18].

В примере 7 механизм комического эффекта создается благодаря аллюзии. Упоминаемые в первом предложении *rainbow colors in support of marriage equality* (радужные цвета в поддержку равенства браков) намекают на символику и проблематику нетрадиционных однополых браков. Во втором предложении автор шутки вкладывает в имеющуюся форму новое содержание, чем и вызывает смех: равенство брака, согласно Х. Клинтон, в том, чтобы оба супруга побывали на посту президента. В данном случае налицо признаки нарушения фиксированного стереотипа [12].

8. *'Chelsea Clinton gave birth to a daughter named Charlotte this weekend. Hillary Clinton was really excited until she remembered that you have to be 18 to vote.'* Seth Meyers [20].

В примере 8 актуализация иронии реализуется оксюмороном. Хиллари радуется рождению внучки, считая младенца еще одним избирателем, отдающим свой голос за ее кандидатуру. Радость проходит, как только она вспоминает, что избирательное право реализуется лишь с 18-летнего возраста.

В примере 9 достается обоим супругам, хотя открытой мишенью является, бесспорно, Хиллари, которую, как гласит шутка, не смущают скандалы, связанные с ней и ее супругом. Наоборот, они делают ее сильнее и помогают добиваться цели.

9. *'New Rule: Republicans trying to turn the Benghazi attacks into a scandal that taints Hillary Clinton's chances at a 2016 presidential run must realize that scandals don't weaken Hillary Clinton, they only make her stronger. Travelgate, the Rose Law Firm, Whitewater, Vince Foster, Monica Lewinsky...Hillary Clinton eats scandals for breakfast. If the*

Republicans keep this up she'll not only be President, she'll appoint Bill to the Supreme Court. 'Bill Maher [20].

Если республиканцы (ее соперники) продолжают выдвигать компрометирующие факты против Х. Клинтон, то она не только выиграет президентские выборы, но и назначит на должность в Верховный Суд своего супруга Билла. Абсурд последней фразы создает комический эффект тем, что нарушает социальный стереотип о том, что в суде должны служить честные люди. Б. Клинтон известен американцам обвинениями в лжесвидетельстве под присягой.

Как было сказано ранее, почетное место в мозаике национального американского юмора отведено и шуткам о династии Буш. В отличие от Клинтонов, политическая семья Буш имеет более глубокую и длительную связь с историей института президентства в США, а также тем, что имеет, так сказать, более «кустистое» (bush, русск. куст, обширный кустарник) генеалогическое древо. Сейчас американцы шутят на Джебом Бушем, баллотирующимся на пост президента в 2016 г., при этом подтрунивая над остальными его многочисленными родственниками:

10. *'Jeb Bush's brother Neil said that their mother has 'come around' to the idea of Jeb running for president in 2016. Because if there's anything that says you're qualified to be president, it's your own mom saying, 'I guess you could do it.'* Jimmy Fallon [20]. Продолжение семейного политического бизнеса, согласно шутке в примере 10, нуждается в родительском благословении.

11. *'Both President Obama and former President George W. Bush were interviewed on 'Face the Nation' over the weekend. President Bush said there's a 50 per cent chance his brother Jeb will run for president in 2016. Then he said, 'But there's an 80 percent chance he won't.'* Jimmy Fallon [20].

Здесь высмеивается посредством указания на слабые математические способности не очень высокий уровень интеллекта Джорджа Буша-младшего, брата Джеба Буша, как полагают некоторые.

12. *'Jeb Bush may run for President. Bush Presidencies are like 'Caddyshack' movies. They should have stopped with one.'* David Letterman [20].

В примере 12 все президентства Бушей сравниваются с известным американским сериалом 'Caddyshack' («Мальчик для гольфа»), многочисленные продолжения которого были менее удачными и интересными для зрителей. Закончим обзор фактического материала следующим примером:

13. *'They did a nationwide survey that found that when voters think of Donald Trump, the most common word that comes to mind is 'Arrogant.' When the same voters think of Hillary Clinton, the most common word they use is 'Liar.' When they think of Jeb Bush, the first word that comes to mind is 'Bush.' Voters don't even care enough about Jeb Bush to come up with a word to describe him.'* Jimmy Kimmel [20].

В терминах теории номинации [2; 3] пример 13 иллюстрирует непосредственно процесс номинации и создание общественным языковым сознанием гиперонимов для общих типов референтов (Arrogant, Liar), равно как и отсутствие таковых в ситуации несформированной стереотипизации. При восприятии окружающего мира наше стереотипное мышление заставляет нас применять уже существующие благодаря предшествующему социальному опыту модели отбора, интерпретации и оценивания информации. Нарушение закрепленного в сознании стереотипа или попытка его переформатирования влечет за собой комический эффект и/или ироническую модальность. Наиболее устойчивы политические стереотипы, поскольку они агрессивно формируются СМИ и не основываются на личном опыте реципиентов.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Художественная литература, 1975. 504 с.
2. Гак В.Г. К типологии лингвистических номинаций. Языковая номинация: Общие вопросы: сб. науч. тр. М.: Наука, 1977. С. 230–293.
3. Кубрякова Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности. М.: Наука, 1986. 149 с.
4. Кулинич М.А. Лингвокультурология юмора (на материале английского языка). Самара: Изд-во СамГПУ, 1999. 180 с.
5. Курганов Е.Н. Русский литературный анекдот конца XVIII начала XIX века. М.: Художественная литература, 1990. 268 с.
6. Лайонз Д. Введение в теоретическую лингвистику. М.: Прогресс, 1978. 326 с.
7. Остин Дж. Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.17. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 22–131.
8. Романов А.А. Политическая лингвистика: функциональный подход. М.; Тверь: ИЯ РАН, ТвГУ, 2002. 191 с.
9. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., Прогресс, 1993. 656 с.
10. Пропп В.Я. Проблемы комизма и смеха. М.: Лабиринт, 2002, 190 с.
11. Austin J.L. How to do things with words. Oxford, UP, New York, 1973, 168 p.
12. Firth J.R. The tongues of Men and Speech. Oxford University Press, 1964, 211 p.
13. Gardiner A. The Theory of Speech and Language. Oxford, 1951, 332 p.
14. Searle Jh.R. A classification of illocutionary acts/ Language in Society, N5. London, Cambridge University Press, 1976, pp. 1–23.
15. Swan M. Practical English usage. М.: Высшая школа, 1984, 606 с.
16. <http://www.nearlygood.com/joke/a-john-kerry-fan/> (дата обращения: 28.02.2016).

17. <http://www.nearlygood.com/joke/quick-politics/> (дата обращения: 28.02.2016).
18. <http://politicalhumor.about.com/od/hillaryclinton/fl/Hillary-Clinton-Jokes.htm> (дата обращения: 28.02.2016).
19. <http://www.nearlygood.com/joke/clintons-grave-fate/> (дата обращения: 28.02.2016).
20. <http://politicalhumor.about.com/od/2016-Election/fl/2016-Election-Jokes.htm> (дата обращения: 28.02.2016).

References

1. Bahtin M.M. *Voprosy literatury i jestetiki. Issledovanija raznyh let* [Questions of literature and aesthetics. Research of different periods]. М.: Hudozhestvennaja literatura, 1975. 504 p.
2. Gak V.G. *K tipologii lingvističeskikh nominacij. Jazykovaja nominacija: Obshhie voprosy: sb. nauch. tr.* [On the typology of linguistic nomination. Language nomination: General issues: collection of research papers]. М.: Nauka, 1977, pp. 230–293.
3. Kubrjakova E.S. *Nominativnyj aspekt rečevoj dejatel'nosti* [Nominal aspect of speech activity]. М.: Nauka, 1986. 149 p.
4. Kulinich M.A. *Lingvokul'turologija jumora (na materiale anglijskogo jazyka)* [Cultural linguistics of humor (the English language case study)]. Samara: Izdatelstvo SamGPU, 1999. 180 p.
5. Kurganov E.N. *Russkij literaturnyj anekdot konca XVIII nachala XIX veka* [Russian literary anecdote of the end of XVIII and the beginning of XIX century]. М.: Hudozhestvennaja literatura, 1990, 268 p.
6. Layonz D. *Vvedenie v teoretičeskuyu lingvistiku* [An Introduction to theoretical linguistics]. М.: Progress, 1978. 326 p.
7. Ostin Dzh. L. Slovo kak dejstvie [A word as an act]. *Novoe v zarubeznoj lingvistike. Вып.17. Teorija rečevyh aktov.* М.: Progress, 1986, pp. 22–131.

8. Romanov A.A. *Politicheskaja lingvistika: funkcional'nyj podhod* [Political linguistics: functional approach]. M., Tver': IJa RAN, TvGU, 2002. 191 p.
9. Sepir Je. *Izbrannye trudy po jazykoznaniju i kul'turologii* [Selected research papers on the study of language and culture]. M., Progress, 1993. 656 p.
10. Propp V.Ja. *Problemy komizma i smeha* [Problems of the comical and laughter]. M.: Labirint, 2002, 190 p.
11. Austin J.L. *How to do things with words*. Oxford, UP, New York, 1973, 168 p.
12. Firth J.R. *The tongues of Men and Speech*. Oxford University Press, 1964, 211 p.
13. Gardiner A. *The Theory of Speech and Language*. Oxford, 1951, 332 p.
14. Searle Jh.R. *A classification of illocutionary acts/ Language in Society*, N5. London, Cambridge University Press, 1976, pp. 1–23.
15. Swan M. *Practical English usage*. M.: Vysshaja shkola, 1984, 606s.
16. <http://www.nearlygood.com/joke/a-john-kerry-fan/> (accessed date: February 28, 2016).
17. <http://www.nearlygood.com/joke/quick-politics//> (accessed date: February 28, 2016).
18. <http://politicalhumor.about.com/od/hillaryclinton/fl/Hillary-Clin-ton-Jokes.htm/> (accessed date: February 28, 2016).
19. <http://www.nearlygood.com/joke/clintons-grave-fate//> (accessed date: February 28, 2016).
20. <http://politicalhumor.about.com/od/2016-Election/fl/2016-Election-Jokes.htm/> (accessed date: February 28, 2016).

ДАнные ОБ АВТОРАХ

Журавская Ксения Анатольевна, доцент кафедры английского языка для факультета международных отношений, кандидат филологических наук

*Санкт-Петербургский государственный университет
Смольный проезд, 1/3, подъезд 8, г. Санкт-Петербург,
191060, Российская Федерация
k.a.zhuravskaya@mail.ru*

Кузнецова Алиса Евгеньевна, доцент кафедры английского языка для факультета международных отношений, кандидат филологических наук
*Санкт-Петербургский государственный университет
Смольный проезд, 1/3, подъезд 8, г. Санкт-Петербург,
191060, Российская Федерация
alice79@mail.ru*

DATA ABOUT THE AUTHORS

Zhuravskaya Ksenia Anatolievna, Associate Professor, Department of the English Language for the Faculty of International Relations, Ph.D. in Philology
*Saint-Petersburg State University
Smolnyi proezd, 1/3, entrance 8th, Saint-Petersburg, 191060,
Russian Federation
k.a.zhuravskaya@mail.ru*

Kuznetsova Alisa Evgenievna, Associate Professor, Department of the English Language for the Faculty of International Relations, Ph.D. in Philology
*Saint-Petersburg State University
Smolnyi proezd, 1/3, entrance 8th, Saint-Petersburg, 191060,
Russian Federation
alice79@mail.ru*

DOI: 10.12731/2077-1770-2016-2-109-125

УДК 81'42

ТАКТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ВНУШЕНИЯ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ПОЗИТИВНОГО ЦЕННОСТНОГО ОТНОШЕНИЯ К ПРОШЛОМУ В ГЕРМАНСКИХ СМИ

Ребрина Л.Н., Шамне Н.Л.

Цель. Статья посвящена актуальной в условиях политизации современного общества, динамичности социальных изменений, активного развития коммуникационных технологий проблеме воздействия на массового адресата. Объектом исследования являются публикации германских СМИ, в которых формируется позитивный образ прошлого посредством реактуализации и реинтерпретации фрагментов коллективной памяти. Предметом исследования выступают используемые адресантом тактики, реализующие внушение и предполагающие апелляцию к психологической сфере адресата.

Методология проведения работы. Обращение к коллективной памяти при формировании ценностного отношения к прошлому рассматривается в рамках теории социальной коммуникации с позиций коммуникативно-дискурсивного подхода; используются приемы дискурсивного, контекстуального, семантического анализа.

Результаты. Автор показывает, как используемые в СМИ тактики способствуют снижению критичности восприятия и уменьшению переработки предъявляемой информации, возникновению эмоционального вовлечения в прошлое; определяет релевантные языковые средства.

Область применения результатов. Результаты исследования вносят вклад в дальнейшее изучение волюнтаривной функции языка, категории персуазивности, могут выполнять иллюстративную и рекомендательную функции для институтов общественной коммуникационной системы.

Ключевые слова: СМИ; воздействие; внушение; тактики; образ прошлого; адресант; адресат; тактики.

VERBAL SUGGESTION TACTICS IN THE PROCESS OF VALUE RELATION FORMATION TO THE PAST IN THE GERMAN MASS MEDIA

Rebrina L.N., Shamne N.L.

Purpose. The paper is devoted to the issue of speech influence in the mass communication being currently central in the context of the politicization of modern society, dynamism of social changes, as well as active development of communication technologies. A number of publications in the German media, in which a positive image of the past is generated by reactualization and reinterpretation of the collective memory fragments, constitute the object of research. The tactics used by the addresser that implement the suggestion and involve the appeal to the addressee's psychological sphere constitute the research subject.

Methodology. Reactualization of the collective memory to form the value relation to the past is seen in the frame of the social communication theory from the standpoint of the communicative and discursive approach. The discourse, contextual, and semantic analysis techniques are used.

Results. The author determines the relevant linguistic means and shows how the tactics used in the mass media help reduce the critical

perception and information processing, as well as generate an emotional involvement in the past.

Practical implications. The findings contribute to the further study of the voluntative function of language and persuasiveness, can perform exemplary and recommendatory functions for institutions of the public communication system.

Keywords: *media; speech influence; suggestion; tactics; the image of the past; addresser; addressee; tactics.*

Введение

Формирование разделяемого всеми членами сообщества ценностного отношения к прошлому, будучи основополагающим элементом национальной идентичности, является социально значимым и социально обусловленным и предполагает селективную и интерпретативную реактуализацию фрагментов коллективной памяти. Конструирование и презентация картины прошлого осуществляется в рамках общественной коммуникационной системы с помощью современных коммуникативных технологий. Данный процесс детерминирован политическими установками и потребностями социума и общественных сил в целенаправленном воссоздании требуемого образа настоящего; гармоничном соотношении традиций, образов, ценностей прошлого с современными моральными нормами; в поддержании национальной интеграции и консолидации, национальной и групповых идентичностей. Любая идентичность как продукт социального обмена и социальных отношений контекстуально обусловлена, обеспечивает интеграцию прошлого опыта в переживание настоящего, включает аффективный (оценочный), когнитивный, конативный (поведенческий) компоненты [5, с. 8–47]. Изменчивость и политизация сегодняшнего общества, растущие тривиализация и фетишизация памяти имеют следствием противоречивую мозаику

кооперирующих или конкурирующих фрагментарных смыслов, постоянный поиск и реконструкцию идентичностей.

Вышесказанное обуславливает возможность рассмотрения обращения к коллективной памяти с целью инициации определенного отношения к прошлому у массового адресата в рамках теории социальной коммуникации как движения социальных смыслов в социальном времени и пространстве [8]. Память при этом интерпретируется как дискурсивный феномен, имеющий социальную, коммуникативную, реконструктивную, адаптационную природу, как динамическая структура, обеспечивающая сохранение и трансляцию значимой информации, соединяющая объективное и субъективное, конституирующая социальную реальность. Релевантным инструментом формирования ценностного отношения к прошлому являются СМИ как средство институализированного функционирования коллективной памяти, играющее важную роль в формировании информационной, языковой культуры социума.

Материалы и методы

В рамках предпринятого исследования изучаются реализуемые в германских СМИ тактики внушения, иницирующие (посредством реактуализации и реинтерпретации фрагментов коллективной памяти) разделение массовым адресатом позитивного ценностного отношения к прошлому. При этом мы исходим из понимания коллективной памяти как «совокупности действий, предпринимаемых коллективом или социумом, по символической реконструкции прошлого в настоящем», выполняющей селективную, интерпретативную, реверсивную функции [7; 16; 17; 18]. Социальное конструирование прошлого предполагает определенную стратегию-тактическую организацию. Стратегия формирования позитивного образа прошлого опирается на релевантную аргументационную базу и предусматри-

вает вторжение адресанта в коммуникативное пространство адресата, нацеленное на модификацию когнитивной и аксиологической составляющих последнего [2, с. 15]. Используемые типы аргументов коррелируют со способами воздействия: убеждением и внушением [4, с. 38]. Внушение при формировании образа прошлого основывается на редукции логического анализа связей содержания с прошлым и настоящим получателя сообщения, на снижении осознанности и критичности восприятия, использовании прагматического, эмотивного потенциала языковых средств [см. 3; 9; 11, с. 176, 178; 12]. Данный способ воздействия характеризуется латентностью, отсутствием значительной переработки информации адресатом, базируется на асимметричном, субъект-объектном отношении адресанта и адресата, обращении к подсознанию, эмоциональной сфере последнего (в отличие от убеждения, апеллирующего к логической сфере), способствует возникновению эмоционального вовлечения в прошлое, результирующему разделению получателем сообщения «упакованных» в содержание смыслов как собственного знания. При этом концептуальная информация включается в эмоциональный подтекст. Содержание внушения социально обусловлено, способствует формированию общественной психологии, мотивации и поведенческих норм [1; 6, с. 99]. Посредством внушения может инициироваться разделение представлений, мнений, эмоциональных состояний, ощущений, оценок и волевых побуждений, часто, отличных от тех, которые адресат сформировал бы самостоятельно. В содержательном аспекте влияние может быть специфическим (содержание – конкретные мысли, мотивы действий) и неспецифическим (содержание – определенное психическое состояние, настроение). Мы исходим из того, что формирование образа прошлого в СМИ характеризуется преобладающей реализацией косвенного внушения (неимперативность, некатегоричные формулировки, отсутствие прямой направленности

на определенного человека), сопряженного с использованием определенного типа аргументов (психологическая аргументация – эмоциональные и этические доводы [10]).

Материалом исследования послужили полученные методом сплошной выборки из газетных корпусов текстов DWDS [14] контексты публикаций немецкоязычных СМИ (XX в. – начало XXI в.), содержащие предъявление массовому адресату и квалифицирование фрагментов прошлого (2000 контекстов).

Результаты

При формировании и инициации разделения позитивного образа прошлого адресант выбирает и предъявляет массовому адресату социально и этически одобряемые аспекты фрагментов прошлого, противопоставляет воссоздаваемую картину беспокойному, наполненному конфликтами, проблемами и опасностями настоящему. Позитивная презентация фрагментов прошлого может быть сопряжена со стремлением традировать социально значимый опыт прошлого с установкой на общественную консолидацию, поддержание позитивных групповых и национальной идентичностей, оппозиционным отношением к сегодняшней власти. Рассмотрим реализующие внушение тактики психологической аргументации, используемые в отобранных публикациях германских СМИ.

1. Тактика инициации позитивного ценностного отношения к прошлому посредством обращения к положительному индивидуальному опыту адресата.

Для предъявления и трансляции положительного образа прошлого адресант обращается к эмоциональной сфере адресата, выступая, как правило, сообщением как повествование участника / свидетеля событий. Рассказ от первого лица апеллирует к знакомым и понятным каждому типу адресата чувствам, побуждая его к со-

переживанию. Реактуализация и реинтерпретация позитивно воспринимаемых моментов прошлого обуславливает использование эмоционально окрашенной лексики с положительной семантикой, лексических единиц, обозначающих явления, процессы, объекты психической сферы индивида. Анализируемый пример иллюстрирует использование внушения при реактуализации и реинтерпретации фрагмента коллективного прошлого (окончание Второй мировой войны). Описываемые эмоциональные переживания предъявляются массовому адресату как глубоко личные, но при этом знакомые каждому члену социума – чувство свободы, душевный подъем, воодушевление и радость, благодарность (вызванные окончанием войны и освобождением из плена). Опора на имеющийся у адресата личный эмоциональный опыт способствует разделению предъявляемых эмоций, формированию желаемого эмоционального настроения, облегчающего присвоение транслируемой позитивной оценки фрагмента прошлого. Участник событий в своем рассказе употребляет лексические единицы, обозначающие психические процессы и явления (*dankbar, an etwas erinnern, Gefühl*). Для характеристики сопряженных с описываемыми прошлыми событиями переживаний используется прилагательное с положительной оценочной семантикой *wunderbar* («herrlich, großartig» [15]): *Ich wurde 1945 von den Russen befreit. Ich war zwar erst 13 Jahre, kann mich aber gut an das wunderbare Gefühl erinnern, als es hieß, der Krieg ist aus. Und ich war den sowjetischen Soldaten unendlich dankbar...* [13, 12.03.1994].

2. Тактика инициации позитивного ценностного отношения к прошлому посредством обращения к положительным образам и стереотипам.

В рамках данной тактики происходит предъявление адресату отобранных знакомых, вызывающих приятные переживания образов, отвечающих его предшествующему опыту и ценностным пред-

ставлениям. Адресант использует изобразительные средства языка, лексические единицы с положительной семантикой, эмоционально нагруженную лексику, в том числе хрононимы. Названные языковые средства, указывая на эмоциональные проявления адресанта, могут активировать так называемый механизм «эмоционального заражения». Функцию своеобразного «пускового устройства» данного эмоционального механизма могут выполнять ценностно и эмоционально нагруженные хрононимы. В приводимом ниже примере адресант обращается к знакомому большому числу членов социума, узнаваемому и вызывающим у адресата эмоциональные реакции и ассоциации хронониму *Annäherung*, что способствует разделению массовым адресатом позиции продуцента сообщения, формируемого позитивного образа прошлого. Предъявляя обобщенный образ, связанный с хрононимом *Annäherung*, адресант задает желаемый спектр ценностного отношения, который поддерживается и лексикой с положительной семантикой, обозначающей переживания (*Erleichterung, sentimentalen Erinnerung*). *Annäherung*, а точнее «gegenseitige Annäherung beider deutscher Staaten» (сближение двух немецких государств) указывает на значимый период истории бывших ГДР и ФРГ (1969–1989), закончившийся объединением Германии и ассоциирующийся у немцев со многими позитивными изменениями: политика снятия напряженности, германо-германский переговорный процесс, отказ от насилия и сотрудничество, развитие культурных связей, свобода передвижения, преодоление международного западно-восточного конфликта, нормализация межличностных отношений между восточными и западными немцами и пр.). Адресант также апеллирует к положительно окрашенным ассоциациям к понятию *Einheit* (единство): *Gerade die Deutschen haben die Annäherung in dem geteilten Land mit Erleichterung verfolgt – und mit einer sentimentalen Erinnerung an die eigene Geschichte von den Anfängen des Wandels durch Annäherung bis zur Einheit* [19, 05.04.2001].

3. Тактика инициации позитивного ценностного отношения к прошлому посредством обращения к этническим этическим доводам.

В рамках названной тактики осуществляется апелляция к общественно разделяемым нравственным принципам, соотношение предъявляемого содержания с одобряемыми данным социумом представлениями и коллективным опытом, формулирование «морали» в форме некоего обобщенного вывода или совета, что обуславливает употребление абстрактных существительных, описывающих психическую сферу, и лексем с положительной семантикой. Анализируемый контекст содержит предъявление положительного образа прошлого, выстраиваемого как контраст с негативно оцениваемым настоящим. Формированию позитивного образа прошлого способствует реализующая внушение апелляция к этническому доводу, а именно, разделяемому в социуме исконному представлению о значимости и пользе порядка, дисциплины: *Es ist leider wahr, daß ... die besten Köpfe der japanischen Jugend ... im Sozialismus russisch chinesischen Stils – das einzige Heil für die Zukunft zu erkennen glauben. Die sozialen Spannungen in unserem Volke sind riesengroß. Und wenn wir nicht aus unserer Vergangenheit noch so viel alte japanische Disziplin in uns stecken hätten, wäre es längst zu Explosionen gekommen* [20, 13.03.1988].

4. Тактика инициации позитивного ценностного отношения к прошлому посредством идентификации.

Адресант при реактуализации и реинтерпретации содержания коллективной памяти представляет собственную позицию как разделяемую конкретным или всеми членами соответствующего общества, отождествляя собственные представления, оценки, мнения с общепризнанными, авторитетными или читательскими, что приводит к идентификации с массовым читателем / определенным, уточняемым конкретизаторами типом адресата. Как показывает материал

исследования, к релевантным языковым средствам можно отнести глагольные единицы, обозначающие психические процессы, безличные конструкции, модальные глаголы, инклюзивные и некоторые отрицательные местоимения, неопределенно-личное и указательные местоимения, лексические единицы с положительной семантикой. В описываемом контексте употребляется инклюзивное местоимение *wir*, которое позволяет ввести в круг коммуникантов каждого и всех, переживших в разных регионах Германии послевоенное время. Адресант также использует для усиления предъявляемой точки зрения неопределенно-личное местоимение *man* (*man erinnere sich*), что способствует отождествлению позиции продуцента сообщения с пространственными в обществе представлениями. Тем самым, не только непосредственные участники событий, но и все читатели призываются в свидетели, автоматически относятся к группе «своих» – сторонников адресанта. Лексические единицы *reiches*, *Kulturmetropole* определяют и диктуют спектр оценки, способствуя формированию положительной картины прошлого после завершения Второй мировой войны: *Man erinnere sich nur an die Zeit vor dem Zweiten Weltkrieg, als wir hier die deutsche Kulturmetropole hatten. Da hat es in den Regionen doch auch ein reiches Kulturleben gegeben* [13, 04.07.1994].

5. Тактика инициации позитивного ценностного отношения к прошлому посредством утверждения его ценности.

Адресант указывает на пользу обращения к достижениям и опыту прошлого для решения современных проблем и задач, на имеющее место увековечивание прошлого, на необходимость его сохранения. Вместе с предъявляемым содержанием адресанту транслируется мотивирующий желаемое ценностное отношение смысл (то, что достойно сохранения, является важным и ценным, заслуживает положительной оценки). Реализация названной тактики предполагает употребление лексических единиц, описывающих эмоциональ-

ную сферу, процессы памяти и интеллектуальную деятельность, модальных глаголов и лексики с положительной семантикой. Следующий контекст представляет собой пример, в целом, свойственной для внушения упаковки содержания в форму личных переживаний и размышлений. Продюцент текста отмечает, что сегодняшний город мало напоминает старую республику, но, принимая произошедшие политические изменения, автор считает необходимым сохранение старого, связанного с существованием ГДР: *Im Moment wird in dieser Stadt sowieso zu viel von dem entfernt, was noch an die alte Republik erinnern könnte. Ich bin überhaupt nicht verbittert über die politischen Entwicklungen, aber ich finde, daß man auch das Alte, was mit der DDR-Zeit zu tun hat, bewahren sollte* [13, 30.06.1994].

6. Тактика инициации позитивного ценностного отношения к прошлому посредством ностальгической мифологизации.

Адресант формирует сентиментальный, положительный образ прошлого, трансформируя историю в некое мифологическое пространство, идеализируя прошлое, интерпретируя его как источник исчезнувшей в сегодняшнем обществе стабильности. Настоящее оценивается как непредсказуемое, наполненное конфликтами, проблемами. Тактика иницирует ностальгические переживания как некую социальную форму преодоления травмирующих событий, как защитный, компенсаторно-адаптационный механизм. Мифологизируемые таким образом события значительно отдалены во временном плане от современности. Реализации тактики способствуют глаголы памяти, лексемы, обозначающие процессы и явления эмоциональной сферы индивида, лексика с положительной семантикой. Следующий контекст иллюстрирует ностальгическое представление прошлого. Положительная картина прошлого выстраивается на основе контраста со сложным настоящим. Прошлое наделяется особой харизмой. Адресант рассуждает о том, что новое, по сути, возможно, представляет

собой обращение к прошлому, которое предстает таким желанным, понятным и гармоничным после всей этой «кибер-эйфории». Люди жаждут вернуться к традиции, истокам, обрести ориентиры. Спектр ценностного отношения задается существительным *Sehnsucht* (томление, тоска по чему-либо, страстное желание вернуть): *Was ist das Neue? Vielleicht ist es ja, so wird gemutmaßt, nach all der Cyber-Euphorie und der letzten Jahre, die Hinwendung zur Vergangenheit. Die Sehnsucht nach Orientierung, einer Herkunft, einer Tradition ...* [20, 18.11.1999].

Выводы

При формировании положительного образа прошлого в германских СМИ осуществляется реактуализация и реинтерпретация фрагментов коллективной памяти. Целью воздействия адресанта на адресата является модификация когнитивной и аксиологической составляющих коммуникативного пространства адресата. Эффективной формой воздействия является внушение, характеризующееся определенной тактической организацией, базирующееся на апелляции к психологической сфере адресата и инициации разделения смыслов и эмоций, транслируемых вместе с предъявляемым содержанием. Наиболее часто адресантом используется тактика инициации позитивного ценностного отношения к прошлому посредством утверждения его ценности. Высоко релевантными тактиками являются также идентификация и апелляция к этническим этическим доводам, поскольку они предполагают включение в коммуникацию массового адресата и, одновременно, каждого из получателей текста, широкий охват субъектов воздействия, отождествление позиции адресанта и адресата, разделение свойственных целому этносу представлений. Наименее продуктивной оказывается тактика ностальгической мифологизации, что, по-видимому, обусловлено деструктивным характером эстетизации и идеализации прошлого.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-04-00068 «Функционально-семантический потенциал глагольных коллокаций памяти при формировании образа прошлого в российских и германских СМИ»

Список литературы

1. Бехтерев В.М. Роль внушения в общественной жизни. Гипноз. Внушение. Телепатия. М.: Мысль, 1994. 364 с.
2. Воронцова Т.А. Коммуникативное пространство в лингвопрагматической парадигме // Вестник Удмуртского университета. 2009. № 1. С. 11–16.
3. Гончаров Г.А. Суггестия: теория и практика. М.: КСП, 2006. 193 с.
4. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: УРСС, 2003. 284 с.
5. Микляева А.В., Румянцева П.В. Социальная идентичность личности: содержание, структура, механизмы формирования. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2008. С. 8–47.
6. Паршина О.Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России: Дис. ... д-ра. филол. наук. Саратов, 2005. 325 с.
7. Ребрина Л.Н., Шамне Н.Л. Category of memory: principles of linguistic description // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2013. № 6 (7). С. 1085–1092.
8. Соколов А.В. Общая теория социальной коммуникации. СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2002. 461 с.
9. Субботина Н.Д. Суггестия и контрсуггестия в обществе. М.: Ком-Книга, 2007. 208 с.
10. Хазагерев Г.Г. Политическая риторика: Часть 1. Аппарат риторики // Библиотека: Теория языка. 2005. URL: http://genhis.philol.msu.ru/article_115.shtml (дата обращения: 25.01.2015).

11. Хасуева М.Х. Модель политической коммуникации и роль феномена суггестии в этой модели // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2011. № 3. С. 176–181.
12. Юданова Е.Т. Суггестивная функция языковых средств англоязычного политического дискурса: Дис. канд-та филол. наук. М., 2003. 184 с.
13. BZ – Berliner Zeitung. [Electronic resource]. URL: <http://www.berliner-zeitung.de/home> (дата обращения: 20.01.2015).
14. DWDS – Das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: <http://www.dwds.de> (дата обращения: 20.01.2015).
15. LGDF – Langenscheidt. Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache. München: Langenscheidt Verlag. 2008. 1307 S.
16. Rebrina L.N., Petrova A.A., Shamne N.L., Ladonina E.Yu., Milovanova M.V. Functioning of Autobiographical Memory as a Discursive Phenomenon // *Mediterranean Journal of Social Sciences*, no. 6(5) (2015): 122–129.
17. Rebrina L., Shamne N., Petrova A., Milovanova M., Eltanskaya E. Space of memory: interactional and semantic aspects // *Journal of Language and Literature*, no. 5(4). (2014): 147–154.
18. Shamne N., Rebrina L., Petrova A., Milovanova M. Phenomenon of Memory and Category of Space: Gnoseological and Communicative Status // *XLinguae. European Scientific Language Journal*, no. 7(3) (2014): 32–49.
19. Tagesspiegel. URL: <http://www.tagesspiegel.de/> (дата обращения: 20.01.2015).
20. Zeit – Die Zeit. URL: <http://www.zeit.de/index> (дата обращения: 25.01.2015).

References

1. Bekhterev V.M. *Gipnoz. Vnushenie. Telepatiya* [Hypnosis. Suggestion. Telepathy]. Moscow: Mysl, 1994. 364 p.

2. Vorontsova T.A. *Vestnik Udmurtskogo universiteta* [Bulletin of Udmurt University], no. 1 (2009): 11–16. <http://www.tagesspiegel.de/>.
3. Goncharov G.A. *Suggestiya: teoriya I praktika* [Suggestion: Theory and Practice]. Moscow: KSP, 2006. 193 p.
4. Issers O.S. *Kommunikativnye strategii itakti russkoy rechi* [Communicative strategy and tactics of the Russian language]. Moscow: URSS, 2003. 284 p.
5. Miklyaeva A.V. Rumyantseva P.V. *Sotsialnaya identichnost' lichnosti: sodержanie, struktura, mekhanismy formirovaniya* [Social identity of a person: content, structure, mechanisms of formation]. St. Petersburg: Izdatelstvo RGPU, 2008, pp. 8–47.
6. Parshina O.N. *Strategii i taktiki rechevogo povedeniya sovremennoy politicheskoy elbty Rossii : Diss. d-ra filol. nauk* [Strategy and tactics of speech behavior of modern political elite of Russia]: diss. of Doctor of Philology]. Saratov, 2005. 325 p.
7. Rebrina L.N., Shamne N.L. Category of memory: principles of linguistic description // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 6, no. 7 (2013) 1085–1092.
8. Sokolov A.V. *Obschaya teoriya sotsial' noy kommunikatsii* [The general theory of social communication]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Mikhaylova V.A., 2002. 461 p.
9. Subbotina N.D. *Suggestiya I kontrsuggestiya v obschestve* [Suggestion and kontr suggestion in society]. Moscow: KomKniga, 2007. 208 p.
10. Khazagerov G.G. *Politicheskaya retorika: Tshast' I. Apparat retori-ki* [Political rhetoric, Part 1: Apparatus rhetoric]. 2005. http://genhis.philol.msu.ru/article_115.shtml (accessed February 25, 2009).
11. Khasueva M.Kh. *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Bulletin of Pyatigorsk State Linguistic University], no. 3 (2011): 176–181.
12. Yudanova E.T. *Suggestivnaya funktsiya yasykovykh sredstv angloyasychnogo politicheskogo diskursa : Diss. d-ra filol. nauk* [Sug-

- gestive function of language means the English-speaking political discourse]: diss. of Doctor of Philology]. Moscow, 2003. 184 p.
13. *Berliner Zeitung* [Berlin newspaper]. <http://www.berliner-zeitung.de/home> (accessed January 20, 2015).
  14. *Das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache* [digital dictionary of the German language]. <http://www.dwds.de> (accessed January 20, 2015).
  15. LGDF – *Langenscheidt. Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache* [Langenscheidt. Large dictionary of the German language as a foreign language]. München: Langenscheidt Verlag, 2008. 1307 p.
  16. Rebrina L.N., Petrova A. A., Shamne N. L., Ladonina E. Yu., Milovanova M.V. Functioning of Autobiographical Memory as a Discursive Phenomenon // *Mediterranean Journal of Social Sciences*, no. 6(5) (2015): 122–129.
  17. Rebrina L., Shamne N., Petrova A., Milovanova M., Eltanskaya E. Space of memory: interactional and semantic aspects. // *Journal of Language and Literature*, 5 no. 4 (2014): 147–154.
  18. Shamne N., Rebrina L., Petrova A., Milovanova M. Phenomenon of Memory and Category of Space: Gnoseological and Communicative Status // *XLinguae. European Scientific Language Journal*, 7 no. 3 (2014): 32–49.
  19. *Tagesspiegel* [Reflection of a day]. <http://www.tagesspiegel.de/> (accessed January 20, 2015).
  20. *Die Zeit* [Time]. <http://www.zeit.de/index> (accessed January 25, 2015).

ДАНИЕ ОБ АВТОРАХ

Ребрина Лариса Николаевна, доцент кафедры немецкой филологии, доктор филологических наук
Волгоградский государственный университет

пр. Университетский, 100, г. Волгоград, Волгоградская область, 400062, Российская Федерация
Reblora@mail.ru

Шамне Николай Леонидович, профессор кафедры немецкой филологии, доктор филологических наук
Волгоградский государственный университет
пр. Университетский, 100, г. Волгоград, Волгоградская область, 400062, Российская Федерация
shamnenl@gmail.com

DATA ABOUT THE AUTHORS

Rebrina Larisa Nikolaevna, Associate professor, Department of German Philology, Doc. in Philology
Volgograd State University
100, Universitetskiy pr., Volgograd, Volgogradskaya oblast, 400062, Russian Federation
Reblora@mail.ru
SPIN-code: 3971-1615
ORCID: 0000-0003-0512-980X
ResearcherID: G-6420-2015
Scopus Author ID: 56241972800

Shamne Nikolay Leonidovich, Professor, Department of German Philology, Doc. in Philology
Volgograd State University
100, Universitetskiy pr., Volgograd, Volgogradskaya oblast, 400062, Russian Federation
shamnenl@gmail.com
SPIN-code: 8921-6595
Scopus Author ID: 56241492800

DOI: 10.12731/2077-1770-2016-2-126-137

УДК 811.111

ОСОБЕННОСТИ ЦВЕТОВОЙ ПАЛИТРЫ ВОСПРИЯТИЯ МИРА В ТВОРЧЕСТВЕ ЭМИЛИ ДИКИНСОН: СРЕДСТВА ЭКСПРЕССИИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Мосолкова М.Г. (Костицына М.Г.), Хусаинова А.А.

Цель. В данной статье рассматриваются художественные функции цветовой лексики в произведениях Эмили Дикинсон. Объектом изучения стали поэтическое творчество и эпистолярное наследие Эмили Дикинсон в отношении схожих образов и также стилистических приемов.

Метод или методология проведения работы. Основу исследования составляют лингвистический и статистический анализ с элементами сопоставления.

Результаты. Авторами устанавливается расширение семантической структуры словесного образа за счет ассоциативных связей сочетающегося с ним цветообозначения. Основное внимание в работе акцентируется на исследовании особенностей использования золотого цвета и его сопоставлении на разных уровнях (стихи, письма). Результаты работы заключаются в том, что авторы приходят к выводу, что золотой цвет в поэзии и эпистолярном жанре Эмили Дикинсон приобретает такие обобщенно-символические значения, как позитивные перемены, божественная благодать и золотое свечение верующих.

Ключевые слова: *воздействие экспрессивных средств; германские языки; выявление особенностей восприятия; употребление; сопоставление на разных уровнях; английский язык.*

THE UNIQUENESS OF EMILY DICKINSON'S WORLDVIEW COLOUR PALETTE: EXPRESSIVE MEANS OF THE ENGLISH LANGUAGE

Mosolkova M.G. (Kostitsina M.G.), Khusainova A.A.

Purpose. This paper considers the issue of colour designation functions in Emily Dickinson's poetry and prose, the object of the study being Emily Dickinson's both poetry and epistolary legacy in relation to similar images and stylistic devices.

Methodology. The research is based on linguistic and statistical analysis with elements of comparison.

Results. The study establishes extension of the semantic structure of the word image thanks to a system of associative links being characteristic of the colour designations that match with a particular word image. The paper is mainly focused on the usage of the gold/golden colour on various levels (poems, letters). The conclusion of the paper is that the gold/golden colour in Emily Dickinson's poetry and epistolary legacy acquires such generalized symbolic meanings as positive changes, divine grace and golden glow of believers.

Keywords: expressive means impact; the German languages; perception features identification; usage; juxtaposition on various levels; poems; letters; the English language.

Многие ученые признают, что Эмили Дикинсон обладает уникальными поэтическими способностями, своей эстетикой и особым видением мира. В. Поллак выделяет оригинальность Э. Дикинсон в контексте 19 века [15]. Г. Монтейро сравнивает ее поэзию с творчеством Мери Уилкинс [13]. М. Урбанович описывает военную поэзию Э. Дикинсон [21]. М. Солтер выделяет семантическую полисемию,

как характерную поэтическую черту Эмили Дикинсон [17]. Некоторые исследователи выделяют в поэзии Э. Дикинсон особое отношение к цвету. Г. Джонсон пишет об ее особенном восприятии цвета [9]. Н. Тандон и А. Траводи отмечают, что «она увлеклась явлениями природы, разнообразием ее цвета и звука, и со свойственным ей аналитическим умом, она исследовала сложные явления» [19].

Настоящее исследование представляет собой анализ конкретного сегмента цветообозначения (золотой цвет). Проведенное нами исследование трех томов писем Э. Дикинсон (1842–1886 годов) показало, что среди всех цветоупотреблений особо выделяется золотой (56 случаев употребления).

Он представлен эпитетами *gold, golden*. Второе место по частоте употребления занимает голубой – *blue* – 40 случаев; 3 место – зеленый – *green* – 33 (сюда же относится *evergreen* – вечнозеленый и *emerald* – изумрудный); столько же случаев употребления красного цвета: *red* – 23; *blood, bloody* – кровавый – 2; *scarlet* – алый – 5; *ruddy* – 2; *reddish* – 1 = 33; 4. белый – *white* – 31; 5. коричневый – *brown* – 23; 6. розовый – *pink* – 20 (сюда же относятся *rosy, rose-colored*); 7. черный – *black* – 20; 8. серебристый, серебряный – *silver* – 17; 9. *purple* – пурпурный – 15; 10. *yellow* – желтый – 10 (здесь же *fawn colored* – желтовато-коричневый, *gamboges* – желтая краска из млечного сока некоторых тропических растений); 12. серый – *grey* – 10.

Статистический анализ стихов Э. Дикинсон показывает следующее:

1. *gold, golden, gilded* – 59 случаев употребления; *red* – 27; *ruddy* – 2; *blood* – 4; *bleeding* – 1; *scarlet* – 17; *crimson* – темно-красный, малиновый – 4; *brick* – кирпичный – 1 – 56; *purple* – 47; *white* – 21; *alabaster* – 2; *blond* – 1; *blonder* – 4 = 28; *yellow* – 27; *orange* – 1; *amber* – янтарный – 3; *brass* – желтая медь – 1; *blue* – 26; *indigo* – синий цвет – 1; *lilac* – сиреневый – 4; *violet* -фиолетовый – 1; *green* – 14; *evergreen* – вечнозеленый – 1; *emerald* – изумрудный – 9-24; *silver* – 18; *bronze* – 1.

2. brown – 9; umber – коричневый – 1; hazel – светло-коричневый – 1; pink – 8; rosy – 1; grey – 4; black – 4.

Таким образом, среди всей палитры наиболее часто употребляемыми цветообозначениями как в стихах, так и в письмах оказываются: золотой, голубой, красный, пурпурный, зеленый и белый. В стихах желтый является частотным, в письмах – нет. Э. Дикинсон обращается к данным цветам, потому что они часто встречаются в природе. Она заимствует краски из самой жизни, которая мастерски раскрашивает мир. Природное и художественное начало сливаются.

В стихах и письмах поэтесса рассуждает о красках, цвете, природной палитре:

*Nature rarer uses Yellow
Than another Hue;
Saves she all of that for Sunsets
Prodigal of Blue.
Spending Scarlet, like a Woman
Yellow she affords
Only scantily and selectly
Like a lover's OWords. [19, с. 181]*

В письме к Миссис Холанд 1876 года (август) она задает вопрос о том, как бы выглядела природа в нестандартных цветах, красках: «how nature would look in other than standard colors» [6, с. 561]. Вследствие засухи трава стала коричневого цвета («the grass is painted brown») [6, с. 561], и этот необычный цвет привлек ее внимание. В письме к Самюэлю Боуэлсу, после Рождества 1859 года, она называет зеленый и золотой бессмертными, неувядаемыми, вечными цветами: «green and gold»-immortal colors» [6, с. 358].

В письме, обращенном к дорогому другу (дата отсутствует), Э. Дикинсон размышляет о своих любимых цветах (возможно, лазурном (голубом) и золотом): «perhaps I love the azure and gold

myself» [6, с. 519]. Но, далее она приходит к выводу о том, что, возможно, нам следует научиться любить красные оттенки: «but perhaps we should learn to love and cultivate these ruddy hues of life» [6, с. 520], как в стихотворении к миссис Джулии Хоув: «I stake my life upon the red» [6, с. 520]. «Я ставлю мою жизнь на красное».

Подробнее рассмотрим использование золотого цвета как наиболее употребительного в творчестве Э. Дикинсон.

Золотой цвет. Gold, golden.

Золотой цвет не входит в основной цветовой спектр, в отличие от желтого цвета. В понятии «золотой» уже присутствует элемент метафоры. Осуществляется подмена атрибута предметом. Золото – желтого цвета, мы же подменяем прилагательное «золотой» в его прямом предметном смысле (изделие из золота). В этом уже присутствует элемент творчества.

Мы можем выделить ряд случаев, где данное прилагательное используется в переносном смысле. Самый простой случай – традиционное использование «золотого» при описании волос, как синоним светлых оттенков:

«I keep your lock of hair as precious as gold» [6, с. 9].

«I wear my golden tresses, done up in a net-cap» [6, с. 21].

«Золотой» приобретает оценочный характер, когда используется для характеристики человека. В письмах Э. Дикинсон употребляет выражение «solid gold» в значении «хороший», «отличный человек»: «Fanny and Loo are solid Gold, Mrs. Bangs and her Daughter very kind» [6, с. 433]. Выделяя «Gold» заглавной буквой, она подчеркивает его значимость, «...dear little solid gold girl» [6, с. 438]. В стихах фраза «solid gold» приобретает иной смысл – «чистое золото»:

«*Thy Pay – in Diamonds-be-And His-in solid Gold-*» [7, с. 191].

Метафорический смысл прилагательного «gold» прослеживается и в обозначении этим цветом состояния человека. В данном

случае есть и клише, так и авторские метафоры. Как всегда, мы видим ее предпочтение цветowych прилагательных как идиоматических выражений:

«golden rule» – золотое правило;

«golden dream» – золотая мечта. Подобное можно увидеть в пословицах и поговорках, к которым она обращается в письмах.

Э. Дикинсон всегда предпочтет нейтральной идиоме цветовой:

«Those were poor early, have different views of gold» [6, с. 338].

«Кто рано познал бедность – тот знает цену богатству».

«The «Golden Rule» is so lovely, it needs no police to enforce it» [6, с. 698].

«Золотое правило так прекрасно, что не требуется сила для его введения». Поэтесса достаточно активно использует данный цвет для коннотации прекрасного в описании природы. Золотой цвет, прежде всего, связан с солнечным светом. Цвет имеет позитивное значение, благотворно влияет на все окружающее и несет положительную энергетику. Страх и малейшее сомнение исчезают при его наличии.

«In a more golden light I see Each little doubt and fear, Each little discord here Removed» [7, с. 7] (Стихотв. №5, 1854).

Имея положительный потенциал, золотой цвет становится довольно ярким при наличии особого эмоционального настроения. В письме к брату Остину от 10 октября 1851 года Э. Дикинсон размышляет о том, как было бы здорово, если бы он был с ними и разделял их радости, тогда и фрукты были бы слаще, и уходящий день более золотым:

«How happy if you were here to share these pleasures with us – the fruit should be more sweet, and the dying day more golden» [6, с.140].

В письме к Сьюзен Гилберт от 5 марта 1853 года она подтверждает данную мысль, говоря, что, когда Сью вернется, Земля будет казаться красивее, чем сейчас, и голубое небо из окна будет все украшено золотом, хотя, возможно, это произойдет не вечером и не

в звездный час. – «I only know that when you shall come back again, the Earth will seem more beautiful, and bigger than it does now, and the blue sky from the window will be all dotted with gold-though it may not be evening, or time for the stars to come» [6, с. 141].

Учитывая то, что голубой цвет в английском языке связан с печалью, грустью («to get blues» – грустить, дословно – «получить голубой цвет»), наличие золота означает перемену настроения, состояние радости. В красках передается особый эмоциональный настрой, не столько картина природы, а впечатления самой поэтессы.

И, соответственно, мысли о близких, о тех, кто остался дома, – тоже золотые: «but if you talk with no one, you are amassing thoughts which will be bright and golden for those you left at home» [6, с. 141].

Золотой цвет знаменует и позитивные перемены в природе, ее обновление, состояние после дождя. Э. Дикинсон описывает грозу, когда воздух знойный: «the air was really scorching», и затем, когда идет дождь, так прохладно и свежо: «so cool and so refreshing» [6, с. 209], и все сверкает, блестит, как будто в золотой росе: «and everything glistening from it as with a golden dew» [6, с. 202]. Это особое свечение, переливы света и блеск Э. Дикинсон называет благословенным: «I did wish you both here through all that blessed shower» [6, с. 202].

Тема божественной благодати, благословенности золотого цвета нашла отражение и в письме к Абайе Рут от 31 января 1846 года:

«Perhaps the shining company above have tuned their golden harps to the song of one more redeemed sinner. I hope at sometime the heavenly gates will be opened to receive me and the angels will consent to call me sister» [6, с. 27]. «Возможно, сияющая «компания» наверху настроит золотые арфы на песню еще одного искупленного, спасающегося грешника. Я надеюсь, что когда-нибудь тяжелые ворота откроются и для меня и ангелы согласятся назвать меня сестрой».

Лица верующих отмечены особым свечением: «... religion makes her face quite different, calmer, but full of radiance, holy, yet very joyful»

[6, с. 98]. И бог, по мнению Дикинсон, видит игру этого золотого свечения, сияющий свет всего самого наилучшего, что есть в человеке: «*My God – He sees thee – Shine thy best-Fling up thy Balls of Gold...*» [7, с. 523]. (Стихотв. № 1178, 1871.) И не случайно в стихотворении № 459 1862 года появляется выражение: «*Is Gilt with Sacrifice*» [7, с. 221] – освещенный, позолоченный жертвоприношением.

Золотой цвет в наследии Э. Дикинсон приобретает следующие обобщенно-символические значения: позитивные перемены, божественная благодать, золотое свечение верующих.

Таким образом, основными художественными функциями цветовой лексики в произведениях Э. Дикинсон выявлены:

1. Усиление выразительности словесных образов и их эмоционального воздействия на читателя;
2. Расширение семантической структуры словесного образа за счет ассоциативных связей сочетающегося с ним цветообозначения;
3. Участие в выражении идейного содержания и эмоционального настроения стихотворения, а также авторских оценок, взглядов и чувств;
4. Создание индивидуально-авторских поэтических образов.

Список литературы

1. Аникеева Т.А. Рецепция поэзии Эмили Дикинсон в России: дис.... канд. филол. наук. Владивосток. 2010. 223 с.
2. Антонова К.Н. Художественный мир прозы Д.Г. Лоренса 1910-х годов: дис.... канд. филол. наук. Санкт-Петербург. 2011. 172 с.
3. Мосолкова М.Г. Исследование функции цвета в поэзии и письмах Эмили Дикинсон, как фактор формирования языковой компетенции // В мире научных открытий. 2013. №1.2 (37). С. 28–43.
4. Хусаинова А.А. Педагогические условия использования системы MOODLE в организации самостоятельной работы

- при обучении иностранному языку студентов экономического профиля // *Современные исследования социальных проблем* (электронный журнал). №2. 2013. http://journal-s.org/index.php/sisp/article/view/2201337/pdf_125 (дата обращения 22.02.16 г.)
5. Capps J. *Emily Dickinson's reading*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1966. 230 p.
  6. Dickinson E. *Letters*. New York: Grosset and Dunlap, 1962. 708 p.
  7. Dickinson E. *Poems*. New York: Random House Value Publishing, 1993. 255 p.
  8. Dobson J. *Dickinson and the strategies of reticence: The woman writer in nineteenth century*. America. Bloomington, Indianapolis: Ind. U.P., 1989. 160 p.
  9. Johnson G. *Emily Dickinson: Perception and the poet's guest*. Univ. of Ala. Press, 1985. 231 p.
  10. Longworth P. *The world of Emily Dickinson*. New York: Norton, 1990. 136 p.
  11. Mackenzie C. *Heavenly Hurt: Dickinson's Wounded Text* // *The Emily Dickinson Journal*. 2000. Vol. 9. №2, pp. 55–63. (Scopus).
  12. Moers E. *Literary Women*. New York: Anchor books. Garden City, 1977. 102 p.
  13. Monteiro G. *The ordinary poetry of Mary E. Wilkins and Emily Dickinson*. Arlington, 2001. Vol. 33, №3, pp. 252–260.
  14. Mosolkova M.G., Mardanshina R.M., Kalganova G.F. *Color palette of Emily Dickinson worldview: Linguistic and Literary approach* // *Mediterranean Journal of Social Sciences*. 2015. Vol. 6. №1, pp. 331–335.
  15. Pollak V. *Dickinson and the Poetics of Whiteness* // *The Emily Dickinson Journal*. 2000. Vol. 9. №2, pp. 84–95.
  16. Porter D. *Emily Dickinson: The modern idiom*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1981. 259 p.
  17. Salter M.J. *Puns and accordions: Emily Dickinson and the unsaid*. Yale rev.: New Heaven, 1990, pp. 188–221.

18. Short B. Emily Dickinson and the Origins of Language // The Emily Dickinson Journal. 2000. Vol. 9. №2, pp. 109–119.
19. Tandon N. & Trevedi A. Thematic Patterns of Emily Dickinson`s Poetry. – New Delhi: Atlantic Publishers and Distributors (p) Ltd, 2008. 168 p.
20. Tate A. E. Dickinson. A collection of critical essays New York: Prentice Hall, Inc, Englewood Cliffs). New York. 1963. 401 p.
21. Urbanowich M. Singing off the Charnel Steps: Soldiers and Mourners in Emily Dickinson`s War Poetry // The Emily Dickinson Journal. 2000. Vol. 9. №2, pp. 64–74.

References

1. Anikeeva T.A. *Receptija poezii Jemili Dikinson v Rossii* [Reception of Emily Dickinson`s poetry in Russian]. Vladivostok, 2010. 223 p.
2. Antonova K.N. *Hudozhestvennyj mir prozy D.G. Lorensa 1910-h godov* [Art world of prose D.G. Lawrence 1910s]. Sankt-Peterburg, 2011. 172 p.
3. Mosolkova M.G. *V mire nauchnyh otkrytij*. 2013. №1.2 (37). pp. 28-43.
4. Husainova A.A. *Sovremennye issledovanija social`nyh problem*, №2. 2013. http://journal-s.org/index.php/sisp/article/view/2201337/pdf_125.
5. Capps J. Emily Dickinson`s reading. Harvard University Press, 1966. 230 p.
6. Dickinson E. Letters. New York: Grosset and Dunlap, 1962. 708 p.
7. Dickinson E. Poems. New York: Random House Value Publishing, 1993. 255p.
8. Dobson J. Dickinson and the strategies of reticence: The woman writer in nineteenth century. America. Bloomington, Indianapolis: Ind. U.P., 1989. 160 p.
9. Johnson G. Emily Dickinson: Perception and the poet`s guest. Univ. of Ala. Press, 1985. 231 p.
10. Longworth P. The world of Emily Dickinson. New York: Norton, 1990. 136 p.

11. Mackenzie C. Heavenly Hurt: Dickinson's Wounded Text. *The Emily Dickinson Journal*. 2000. Vol. 9. №2, pp. 55–63.
12. Moers E. *Literary Women*. New York: Anchor books. Garden City, 1977. 102 p.
13. Monteiro G. The ordinary poetry of Mary E. Wilkins and Emily Dickinson. *Arlington*, 2001. Vol. 33, №3, pp. 252–260.
14. Mosolkova M.G., Mardanshina R.M., Kalganova G.F. Color palette of Emily Dickinson worldview: Linguistic and Literary approach. *Mediterranean Journal of Social Sciences*. 2015. Vol. 6. №1, pp. 331–335.
15. Pollak V. Dickinson and the Poetics of Whiteness. *The Emily Dickinson Journal*. 2000. Vol. 9. №2, pp. 84–95.
16. Porter D. *Emily Dickinson: The modern idiom*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1981. 259 p.
17. Salter M.J. Puns and accordions: Emily Dickinson and the unsaid. *Yale rev.*: New Heaven, 1990, pp. 188–221.
18. Short B. Emily Dickinson and the Origins of Language. *The Emily Dickinson Journal*. 2000. Vol. 9. №2, pp. 109–119.
19. Tandon N. & Trevedi A. *Thematic Patterns of Emily Dickinson's Poetry*. – New Delhi: Atlantic Publishers and Distributors (p) Ltd, 2008. 168 p.
20. Tate A. E. *Dickinson. A collection of critical essays* New York: Prentice Hall, Inc, Englewood Cliffs). New York, 1963. 401 p.
21. Urbanowich M. Singing off the Charnel Steps: Soldiers and Mourners in Emily Dickinson's War Poetry. *The Emily Dickinson Journal*. 2000. Vol. 9. №2, pp. 64–74.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Мосолкова Марина Германовна (Костицына М.Г.), кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков

в сфере экономики, бизнеса и финансов Института управления экономики и финансов КФУ

*Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлевская, 18, г. Казань, РТ, 420008, Российская Федерация*

marina.mosolkova@mail.ru

Хусаинова Аниса Амировна, кандидат педагогических наук, доцент

кафедры иностранных языков в сфере экономики, бизнеса и финансов Института управления экономики и финансов КФУ

*Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлевская, 18, г. Казань, РТ, 420008, Российская Федерация*

anisakhusainova@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Mosolkova Marina Germanovna (Kostitsina M.G.), Associate Professor, Ph. D. in science

Institute of Management, Economics and Finance, Kazan (Volga region) Federal University

18, Kremlevskaja Str., Kazan, Tatarstan, 450008, Russian Federation

marina.mosolkova@mail.ru

Khusainova Anisa Amirovna, Associate Professor, Ph. D. in science

Institute of Management, Economics and Finance, Kazan (Volga region) Federal University

18, Kremlevskaja Str., Kazan, Tatarstan, 450008, Russian Federation

anisakhusainova@mail.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2016-2-138-148

УДК 8.81

**СТРУКТУРНАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ
СРАВНЕНИЙ (НА ПРИМЕРЕ ПЕРЕВОДА РОМАНА
Д. ЛОНДОНА «МАРТИН ИДЕН»)**

Паршукова М.М.

Цель. Статья посвящена структурному анализу и способам введения сравнения в канву переводного издания художественного произведения, выполненного Е.Д. Калашиниковой, при сохранении стиля автора. Предметом исследования является структурная характеристика сравнения как средства выразительности в переводном издании Д. Лондона «Мартин Иден», итогом которой явилась настоящая классификация сравнений, зафиксированных в переводном издании.

Метод или методология проведения работы. Основу исследования образуют метод целенаправленной выборки, а также принцип структурного образования сравнений в произведении.

Результаты. Результатом работы явилась авторская классификация сравнений в тексте романа Д. Лондона «Мартин Иден» в переводе Е.Д. Калашиниковой, представленная в виде таблицы.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть применены на занятиях по зарубежной литературе, стилистике русского языка и культуре речи, филологическому анализу текста.

Ключевые слова: *сравнение; стилистический прием; художественный прием; структура; характеристика; классификация.*

THE STRUCTURAL CLASSIFICATION OF COMPARISONS (BASED ON THE NOVEL MARTIN EDEN BY J. LONDON)

Parshukova M.M.

Purpose. The article is devoted to the structural analysis and ways of comparison introduction into the fictional text translated by E.D. Kalashnikova, who uses comparisons while keeping the author's style. Structural characteristics of the comparison as a means of expression found in the novel *Martin Eden* by J. London comprise the subject of the study. A new classification of comparisons is drawn up based on the results of the study.

Methodology. The research is based on the method of purposeful selection and principle of comparison structural formation in the novel.

Results. The result is a new classification of the comparisons found in the novel *Martin Eden* by J. London translated by E.D. Kalashnikova.

Practical implications. The results of the study can be applied at the lessons of foreign literature, stylistics of the Russian language and culture of speech, philological analysis of the text.

Keywords: comparison; stylistic device; imaginative device; structure; characteristic; classification.

Создавая художественное произведение, писатели стараются ярче и лаконичнее передать сюжеты, образы и характеры своих героев. При помощи слова они вовлекают читателя в гущу событий и заставляют его переживать все события вместе с героями. Для этой цели авторы прибегают к различным средствам образности и выразительности языка, одним из которых является сравнение. Его активно используют писатели для выражения эмоциональности авторской речи и речи героев произведений.

Сравнение как литературный прием всегда являлся объектом внимания многих ученых, среди которых М.П. Брандес [2004], И.Б. Голуб [2001], К.А. Долинин [2010] Н.П. Потоцкая [1974], Ю.С. Степанов [2009] З.И. Хованская [2004] и др.

Исследователей всегда интересовала природа сравнений, степень оценочности, структура, функционирование в текстах и речи. Наиболее содержательной является характеристика сравнений с точки зрения строения их структуры. Ю.С. Степанов в своих работах характеризует индивидуальные сравнения как средства выразительности, обычно состоящие из двух частей: одна из которых указывает на предмет, который сравнивают (тема), а другая часть описывает предмет, с которым сравнивают [9, с. 161]. Обычно такие сравнения являются метафорой.

Общепринятые сравнения относят к норме языка, они имеют в своей структуре три части: тему, сравнение и основание сравнения (указание на общий признак между темой и сравнением) [там же]. Каждое основание, которое выражено существительным, прилагательным или глаголом принадлежит к одному сравнению, благодаря этому все словосочетание становится образным.

По интенсивности эмоциональной окраски сравнения делятся на две группы: 1) точные сравнения, 2) оценочные сравнения. Первые не содержат оценочных элементов и употребляются в нейтральном стиле; вторые же либо содержат оценочный элемент, либо относятся к определённому стилю (возвышенному, фамильярному). Сравнение также может быть развернутым или трансформироваться в метафорическое выражение [9, с. 211].

Лингвист Н.П. Потоцкая к первой группе относит нейтральные, точные сравнения, которые указывают на объективно существующие признаки. В любом тексте какого-либо речевого стиля такие сравнения являются объективным информантом. При этом могут сравниваться явления природы, поступки героев, исторические события,

конкретные предметы или лица. Но если в данную объективную информацию внедряется оценочный элемент, который может быть выражен не только сравнением, но и контекстом, или каким-либо словом, сравнение теряет свою нейтральность и становится оценочным. Ко второй группе относятся сравнения с оценочным элементом или же стилистически окрашенные сравнения, которые в свою очередь делятся на две группы: 1) традиционные сравнения, упомянутые в словарях и справочниках; 2) индивидуальные сравнения, которые подразделяются на традиционные сравнения, трансформированные автором и индивидуальные стилистические неологизмы [6, с. 128].

Предметом исследования является структурная характеристика сравнения как средства выразительности в романе Д. Лондона «Мартин Иден» [5].

Цель настоящей работы – представить структурную характеристику сравнения в тексте романа.

В отличие от других средств выразительности в языке сравнения выделяются посредством образности, многообразия передаваемых оттенков значения и благодаря структурному оформлению. В русском языке сравнение в качестве средства выразительности представлено разнообразно. Используя для анализа текст романа Д. Лондона «Мартин Иден», представим структурную характеристику сравнений:

1) сравнение, самостоятельно оформленное в виде сравнительного оборота, вводимого союзами *как, как будто, будто, словно, точно, ровно* (89 ед.): *Я альтруистичен, как голодная свинья* [5, с. 212]; *...работал он головой и руками, как живая машина* [5, с. 105]; *Эта мысль поразила его, точно удар грома* [5, с. 71]; *Какая у нее ладонь! Нежная, точно лепесток розы; прохладная и легкая, как снежинка* [5, с. 28]; *Визг ребенка резнул его, словно ножом* [5, с. 30];

2) бессоюзное сравнение в составе простого предложения (48 ед): *Эта общественная деятельница – просто попугай, болтающий о социальных проблемах* [5, с. 168].

3) придаточные сравнительные в составе сложноподчиненного предложения (30 ед.): *...и закрыл глаза; и подобно тому, как плачущий ребенок сразу забывает все свои горести* [5, с. 274]; *Погрузившись, он начал вдыхать воду, как больной вдыхает наркотическое средство, чтобы скорей забыться* [5, с. 285]; *Он любил «Розничную торговлю Хиггинботамы», как иной муж любит свою жену* [5, с. 262]; *...мистеру Уайту, маленькому худенькому человечку с ледяными руками, имевшему такой вид, словно его трясла лихорадка* [5, с. 202]; *Ответ был ясен из пожатия ее руки – нежного материнского пожатия, словно мать успокаивала капризного ребенка* [5, с. 188].

4) сравнения, выраженные именами существительным в творительном падеже (29 ед.): *Мартин представлялся ей великаном, сияющим сорвать с себя оковы* [5, с. 46]; *Он мысленно сравнил ее с бледно-золотым цветком на тонком стебле* [5, с. 7]; *Наука представляется мне штурманской рубкой* [5, с. 64]; *Все мысли о прекрасном хлынули наружу неудержимым, мощным звенящим потоком* [5, с. 69]; *... а мир был для тебя китайской головоломкой* [5, с. 78]; *Они стали представляться ему винтиками и рычажками какой-то машины* [5, с. 84]. Такие сравнения выполняют синтаксическую функцию косвенного дополнения;

5) сравнительные конструкции, вводимые в структуру предложения глаголами *напоминать, казаться, походить, являться, уподобляться* (17 ед.): *...и речь его напоминала его переход из гостиной в столовую* [5, с. 16]; *... опера кажется мне сплошной фальшью* [5, с. 144]; *Впрочем, в плане миссис Морз женщины не играют особенной роли. Они являлись чем-то вроде необходимого аксессуара* [5, с. 162]; *Их критические статьи напоминают воскресные проповеди* [5, с. 140]; *Тихий океан казался ему ничуть не лучше буржуазной цивилизации* [5, с. 280]; *... ревнивый блеск в глазах Руфи напомнил ему бурю при лунном свете* [5, с. 164]. Нередко такие глаголы

заменяются деепричастиями являясь, уподобляясь либо краткими прилагательными с эквивалентными значениями *похож, подобный*, вводимые в предложения на правах второстепенных членов: *Но сидя за столом, и, уподобляясь скорее кроткому ягненку, чем изображенному Артуром дикарю, Мартин не переставал ломать голову над тем, как ему быть* [5, с. 16]; *он принужден был закутать полотенцем глаза, нос и рот и стал похож на мушю* [5, с. 101]; ... *эти мыслители подобны орлам, одиноко парящим в небесной лазури, высоко над землей, вдали от суеты и пошлости обыденной жизни* [5, с. 169]; *Беспокойное томление, похожее на муки голода* [5, с. 35];

6) сложные прилагательные со второй частью «подобный», «образный», выражающие сравнительное значение (6 ед.): *Долина тянулась от подковообразного заливчика до высоких гор...* [5, с. 246]; *Чтобы от двери дойти до кровати, надо было совершить сложный зигзагообразный путь* [5, с. 135]; *Это была та самая метафизика, которая заставляла первого обезьяноподобного человека бояться мрака* [5, с. 177]; *Он не мог найти в себе ничего общего с этими тупыми, скучными, скотоподобными людьми* [5, с. 282]; *Правдоподобное изображение нелепого и невероятного Мартин считал ловким трюком, и только* [5, с. 160];

7) сравнения, представленные наречиями, образованными от притяжательных имен прилагательных с формантом *по-* (6 ед.): ...и *по-детски*, *неумело и наивно*, выражали свои чувства [5, с. 127]; *они мыслили по-средневековому* [5, с. 177]; *Он будет жить открыто и по-королевски принимать гостей* [5, с. 246]; *Теперь, когда я живу по-человечески, я и пью по-человечески!* [5, с. 276].

8) синтаксическая конструкция с союзами *как..., так...; чем..., тем...* (6 ед.): *Золотая пора года умирала так, как жила прекрасной нераскаянной грешницей* [5, с. 123]; *Все утвердившиеся идеи приклеиваются к ним так же легко, как этикетки к пивным*

бутылкам [5, с. 141]; *Она коснулась его так легко, как бабочка касается цветка* [5, с. 124]; *Есть на свете подобные женщины, и они, поверьте, полюбят вас так же охотно, как и эта убогая душонка, порождение сытой буржуазной жизни* [5, с. 200]; Данные конструкции представлены в виде придаточной части сложно-подчиненного предложения местоименно-соотносительного типа.

Парными союзами *как..., так...; чем..., тем...* связаны однородные члены предложения: *Но все другие книги, кроме этой, были ему совершенно неизвестны, так же как и их авторы* [5, с. 6].

9) сравнения, выраженные именами существительным в родительном падеже (3 ед.): *...и рядом маленького квадратного человечка, с обрюзгшей физиономией и грудной клеткой кузнеца* [5, с. 142]; *... он на все вам ответит с быстротой и точностью автомата* [5, с. 216]; *определяя твои нравственные устои, сильны были инстинкты жеребца и дикого козла!* [5, с. 182];

10) сравнения, представленные именами существительным в винительном падеже (2 ед.): *И жизнь превращается при этом в какой-то вихрь...* [5, с. 183]; *Она и не подозревала о вулканических бурях любви о ее страшном зное, превращающем сердце в пустыню горячего пепла* [5, с. 49];

11) конструкции, выраженные формой сравнительной степени имени прилагательного, со значением признака предмета (2 ед.): *Вот и он не лучше собаки, уснувшей на солнцепеке* [5, с. 65]; *Ей-богу, это хуже мусорной ямы* [5, с. 199];

12) сравнительные конструкции с отрицательной частицей *не* (1 ед.): *Любовь не может сбиться с пути, если только это настоящая любовь, а не хилый уродец, спотыкающийся и падающий на каждом шагу* [5, с. 189];

Таким образом, анализ показывает, что в тексте романа Д. Лондона «Мартин Иден» сравнение как стилистический прием широ-

ко представлено разнообразными структурными моделями слов и синтаксических конструкций:

№ п/п	Структурные модели сравнений	Количественное соотношение	Процентное соотношение
1.	Сравнение, самостоятельно оформленное в виде сравнительного оборота	89 ед.	37,2%
2.	Бессоюзное сравнение в составе простого предложения	48 ед.	20,0%
3.	Придаточные сравнительные в составе сложно-подчиненного предложения	30 ед.	12,5%
4.	Сравнения, выраженные именами существительным в творительном падеже	29 ед.	12,1%
5.	Сравнительные конструкции, вводимые в структуру предложения глаголами <i>напоминать</i> , <i>казаться</i> , <i>походить</i> , <i>являться</i> , <i>уподобляться</i>	17 ед.	7,1%
6.	Синтаксическая конструкция с союзами <i>как...</i> , <i>так...</i> ; <i>чем...</i> , <i>тем...</i>	6 ед.	2,5%
7.	Сравнения, представленные наречиями, образованными от притяжательных имен прилагательных с формантом <i>по-</i>	6 ед.	2,5%
8.	Сложные прилагательные со второй частью «подобный», «образный», выражающие сравнительное значение	6 ед.	2,5%
9.	Сравнения, выраженные именами существительным в родительном падеже	3 ед.	1,2%
10.	Сравнения, представленные именами существительным в винительном падеже	2 ед.	0,8%
11.	Конструкции, выраженные формой сравнительной степени имени прилагательного, со значением признака предмета	2 ед.	0,8%
12.	Сравнительные конструкции с отрицательной частицей <i>не</i>	1 ед.	0,004%

Классификация свидетельствует о том, что в тексте романа значительно преобладают конструкции сравнений, самостоятельно оформленных в виде сравнительного оборота. Это отражает традиционную структуру введения сравнительных оборотов в русском языке.

Список литературы

1. Брандес М.П. Стилистика текста. Теоретический курс: Учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М: Прогресс-Традиция; ИНФРА-М, 2004. 416 с.
2. Голуб И.Б. Стилистика русского языка. 3-е изд. испр. М.:Рольф, 2001. 448 с.
3. Долинин К.А. Интерпретация текста: французский язык. Учебное пособие. Изд. 4-е. М.: КомКнига, 2010. 304 с.
4. Купина Н.А. Стилистика современного русского языка: учебник для бакалавров / Н.А. Купина, Т.В. Матвеева. М.: Издательство Юрайт, 2013. 415 с.
5. Лондон Дж. Мартин Иден: пер. с англ. Калашниковой Е.Д. М.: Просвещение, 1986. 303 с.
6. Потоцкая Н.П. Стилистика современного французского языка. М.: Высшая школа, 1974. 247 с.
7. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной; члены редколлегии: Е.А. Баженова, М.П. Котюрова, А.П. Сковороников. 2-е изд., испр. и доп. М.: Флинта: Наука, 2006. 696 с.
8. Сравнительно-сопоставительный анализ стилистической выразительности и средств ее актуализации в русском и английском языках [Электронный ресурс] URL: http://knowledge.allbest.ru/languages/3c0a65625b2ac78b4d53b89421316d37_0.html (дата обращения: 09.12.2015).
9. Степанов Ю.С. Французская стилистика в сравнении с русской. М.: Наука, 2002. Изд.5. М.: URSS, 2009. 354 с.
10. Cook G. The Discourse of Advertising. London, Routledge, 1996. 342 p.
11. Fadaee E. Symbols, metaphors and similes in the literature: A case study of «Animal Farm». Journal of English and Literature Vol. 2. February 2011, pp. 19–27.
12. Hugh D. Symbols and Social Theory. New York: Oxford Press, 1969, pp. 78–81.

13. Khairullina N.G., Karabulatova I.S. Bailiff's social portrait. Middle East Journal of Scientific Research. 2014. T. 19. № 3, pp. 417–420.
14. Pierini P. Simile in English: from description to translation. Università di Roma Tre. 2007, pp. 27–43.
15. Todorov Tz. Theories of the symbol. Ithaca. N. Y., 1982. 302 p.
16. Wilson Stan le Roy. Mass Media / Mass Culture. An Introduction. NewYork. McGraw-Hill, Inc., 1992. 460 p.

References

1. Brandes M.P. *Stilistika teksta. Teoreticheskiy kurs* [The style of the text. Theoretical course]. M.: Progress-Traditsiya; INFRA-M, 2004. 416 p.
2. Golub I.B. *Stilistika russkogo yazyka* [The style of the Russian language]. M.: Rol'f, 2001. 448 p.
3. Dolinin K.A. *Interpretatsiya teksta: frantsuzskiy yazyk* [The interpretation of the text: French]. M.: KomKniga, 2010. 304 p.
4. Kupina N.A., Matveeva T.V. *Stilistika sovremennogo russkogo yazyka* [The style of the modern Russian language]. M.: Izdatel'stvo Yurayt, 2013. 415 p.
5. London Dzh. *Martin Iden*. M.: Prosveshchenie, 1986. 303 p.
6. Pototskaya N.P. *Stilistika sovremennogo frantsuzskogo yazyka* [The style of modern French language]. M.: Vysshaya shkola, 1974. 247 p.
7. *Stilisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Stylistic Encyclopedic Dictionary of the Russian language] / M.N. Kozhina (ed.); E.A. Bazhenova, M.P. Kotyurova, A.P. Skovoronikov. M.: Flinta: Nauka, 2006. 696 p.
8. *Sravnitel'no-sopostavitel'nyy analiz stilisticheskoy vyrazitel'nosti i sredstv ee aktualizatsii v russkom i angliyskom yazykakh* [Comparative comparative analysis of stylistic expression and the means of its actualization in Russian and English]. http://knowledge.allbest.ru/languages/3c0a65625b2ac78b4d53b89421316d37_0.html

9. Stepanov Yu.S. *Frantsuzskaya stilistika v sravnenii s russkoy* [French style in comparison with Russian]. M.: Nauka, 2002. Izd.5. M.: URSS, 2009. 354 p.
10. Cook G. *The Discourse of Advertising*. London, Routledge, 1996. 342 p.
11. Fadaee E. Symbols, metaphors and similes in the literature: A case study of «Animal Farm». *Journal of English and Literature* Vol. 2. February 2011, pp. 19–27.
12. Hugh D. *Symbols and Social Theory*. New York: Oxford Press, 1969, pp. 78–81.
13. Khairullina N.G., Karabulatova I.S. Bailiff's social portrait. *Middle East Journal of Scientific Research*. 2014. T. 19. № 3, pp. 417–420.
14. Pierini P. Simile in English: from description to translation. *Università di Roma Tre*. 2007, pp. 27–43.
15. Todorov Tz. *Theories of the symbol*. Ithaca. N. Y., 1982. 302 p.
16. Wilson Stan le Roy. *Mass Media / Mass Culture. An Introduction*. New York. McGraw-Hill, Inc., 1992. 460 p.

ДАнные ОБ АВТОРЕ

Паршукова Мария Михайловна, аспирантка кафедры филологии
Югорский Государственный университет
ул. Чехова, 16, г. Ханты-Мансийск, ХМАО, 628011, Россий-
ская Федерация
pmm1987@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Parshukova Maria Michailovna, Postgraduate Student of Philology
Yugra State University
16, Chekhov Str., Khanty-Mansiysk, Khanty-Mansiysk auto-
nous Okrug-Yugra, 628011, Russian Federation
pmm1987@mail.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2016-2-149-163

УДК 323:94(470.41)

ЭТНОЯЗЫКОВОЙ СОСТАВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И КАНАДЫ

Славина Л.Р., Максимова Э.В., Гатин Р.Г., Бакланов П.А.

Россия и Канада служат примером поликультурного и многоязычного общества. Языковая политика в этих странах полагается на принципы мультикультурализма. Социолингвистические показатели, языковая лояльность, коммуникативная мощь языка являются результатом языковой политики и языкового планирования в многонациональных государствах. Исследование предлагает выявление некоторых количественных и качественных характеристик для определения сходств и различий языковой ситуации, а также положительных и негативных тенденций в реализации языковой политики Российской Федерации и Канады. Результаты исследования могут послужить аналитическим материалом для научных работ в области социолингвистики.

Ключевые слова: мультикультурализм; многоязычное общество; демография; этнические группы; миграция; родной язык; демографическая мощь языка.

ETHNO-LINGUISTIC COMPOSITION OF THE RUSSIAN FEDERATION AND CANADA

Slavina L.R., Maksimova E.V., Gatin R.G., Baklanov P.A.

Russia and Canada can serve as models for a multicultural and multilingual society. Language policy in these countries is based around

the principle of multiculturalism. Russia and Canada are significant examples in the context of globalization. At the present time, there are more than 200 different languages in use in Russia and Canada according to the 2010 National Census of Russia and Statistics Canada (2011). The purpose of this article is to compare the ethnic and linguistic diversity of the Russian Federation and Canada, to define and compare the basic principles of the language policy of these states. The sociolinguistic situation, arising from the ethnic and linguistic composition of the Russian Federation and Canada, and “the language loyalty” found among their various ethnic groups are the result of the language policy and language planning of these multi-ethnic states. This study describes certain quantitative and qualitative features which characterize the similarities and differences in the language situation in the Russian Federation and Canada.

Keywords: *multiculturalism; multilingual society; demographics; ethnic groups; migration; native language; demographic strength.*

Введение

Глобализация сегодня подразумевает процесс социальной (в том числе и языковой) адаптации населения, как местного, так и вовлеченного в миграционное движение на определенных территориях к условиям всесторонних интеграционных процессов и унификации. Уровень подготовки стран к этой данности и их опыт в правовых обычаях, в сферах социальной жизни, образования, культуры, языка в большей степени зависит от того, является ли страна моногосударством или многонациональным и многоконфессиональным. Данная проблематика стала освещаться как объект для научных изысканий уже с середины 20 века в трудах таких социолингвистов, как Ч. Фергюсон, (1971), Х. Клосс (1967, 1968), Д. Фишман (1966), В. Стюард. (1964) и др. Некоторые уче-

ные подчеркивают различие смысловой составляющей понятий «гражданское самоопределение» и «этническое самоопределение» и степень их важности для государства. Л.М. Дробижева считает, что этническое самоопределение касается языка, культуры, национальности родителей, прошлого, территории проживания, а гражданское самоопределение касается геополитической роли страны в мире. Но социальная значимость языка на всех уровнях его реализации, таких как государственный язык, язык межнационального общения, регионально значимый язык, язык коренного населения и т.д., определяется языковой политикой в контексте направления общегосударственной политики [1].

Сложная структура национального состава и языковое разнообразие населения Российской Федерации и Канады дает основание для сопоставительного анализа языковых ситуаций вышеупомянутых стран по самоопределению населения, по национальному признаку, по владению официальными языками и родным языком.

Целью данной статьи является представление результатов сравнительного анализа количественных показателей по этническому и языковому составу населения, живущих в Российской Федерации и Канаде.

Фактическим материалом для сопоставительного анализа по России являются количественные показатели из официального издания «Социально-демографический портрет России», в котором представлен анализ результатов переписи населения различных лет [7]; данные по переписи населения 2011 года в Канаде были взяты с сайта Statistics Canada [11]. Метод обработки статистических данных был выбран в качестве основного метода в исследовании. Обработка статистических данных была проведена в целях выявления объективно существующих закономерностей сложившейся языковой ситуации в исследуемых странах. Были изучены

и представлены в таблицах и графиках факты социолингвистического характера, а именно: численность населения, общее число этнических групп, проживающих в странах, число респондентов, владеющих родным языком.

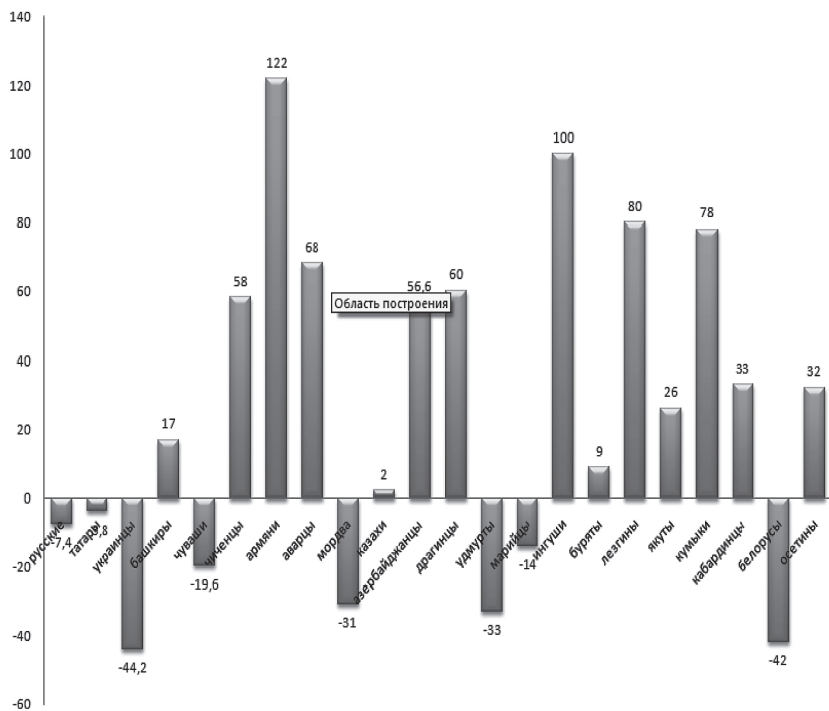
Результаты исследования и их обсуждение

В 2011 году численность населения Канады составила 35 миллионов человек. С 2006 по 2011 год численность населения увеличилась на 5,9% в большей степени за счет иммиграции. К 2011 году 50% от общей численности иммигрантов составляли азиаты, 20% иммигрантов приехали из Африки и Центральной Азии, 12% из Южной Америки и Соединенных Штатов и 18% были иммигрантами из Великобритании и континентальной Европы. 18% от общего населения составляли жители, рожденные за пределами Канады. На сегодняшний день Канада является мультикультурной и мультилингвальной страной, где используются для общения более 200 языков. Этнические меньшинства Южной Азии и Китая составляют крупнейшие языковые группы с демографическими показателями более миллиона человек. Наиболее распространенными языками являются китайский, пенджаби, тагальский и вьетнамский.

Демографическая ситуация в России демонстрирует следующие особенности: население Российской Федерации составляет около 143 миллиона человек. В настоящее время по сравнению с данными 2005 года мы наблюдаем снижение населения на 1%. В России существует более 180 этнических групп, в том числе коренных народов и меньшинств, и около 270 языков и диалектов. Согласно численным характеристикам этнического состава Российской Федерации русские составляют наиболее многочисленную этническую группу – 80,9%, другие национальности в совокупности составляют 19% от общей численности населения. Вторая по

величине этническая группа – татары, они занимают 3,87% общей численности населения России. Примерно 5,5% населения приходится суммарно на украинцев, башкир, чуваш и чеченцев. Суммарная доля коренных народов и языковых меньшинств 10,48% от общего населения России.

График. Динамика изменения национального состава в межпереписной период с 1986 по 2010 годы

Если мы сравним изменение численности и доли этносов в межпереписной период с 1986 по 2010 годы (см. график), то получим следующие результаты: представители таких титульных этносов, как чуваша (19%), мордва (31%) и удмурты (33%) показали высокий процент снижения своей численности. А представители

таких миноритарных национальностей, как ингуши (100%), лезгины (80%), кумыки (78%), чеченцы (58%) и другие показали высокий темп роста численности. Представители этносов, не имеющих национальных территориальных образований, таких как украинцы (44,2%), белорусы (42,2%) снизили количественные показатели, в то время как количество армян и азербайджанцев увеличилось более чем на 25%.

Таким образом, этнический состав изучаемых стран многообразен, в России наиболее значимая часть населения представляют коренные национальности, а в Канаде четверть населения являются мигрантами. Соответственно различна и миграционная ситуация: внешняя миграция в России невелика (около 1%), и основной миграционный поток идет из стран бывшего Советского Союза. В Канаде общий объем иммигрантов за последние два десятилетия увеличился на 20% и продолжает расти.

Следующим важным фактором для описания языковой ситуации в Российской Федерации является владение государственным и родным языками. Среди 14 этнических сообществ с количественным порогом 1% и более от общей численности населения (не считая русских) повысилась доля лиц, назвавших своим родным языком русский. За межпереписные периоды с 1986 по 2010 наиболее высокий показатель потери этнического языка наблюдался у казахов: доля лиц, назвавших родным русский язык, повысилась в 2,4 раза. Среди титульных национальностей и малочисленных этносов также наблюдается понижение доли населения, владеющих родным языком. Русский язык считают родным (помимо русских) большинство белорусов (83%) и украинцев (76%), около одной трети населения среди удмуртов, мордвы и армян, а также от 21% до 29% населения среди чувашей, казахов, марийцев, бурят и татар. Наиболее высокая доля лиц, указавших в качестве родного

языка язык своей национальности наблюдается у русских (99,9%), чеченцев (99%), ингушей, аварцев, кумыков, даргинцев и кабардинцев (98%), лезгин (95%), якутов и осетин (по 93%).

Анализ демографической мощи языков этнических групп, населяющих РФ, позволяет сделать следующие выводы:

- 1) Высокий показатель языковой лояльности продемонстрировали те национальности, которые расселены на территории РФ более плотно. В данных регионах язык титульного этноса носит соофициальный статус.
- 2) Население, у которого языковая самоидентификация не соответствует этническому происхождению, в основном представлено этническими группами, живущими за пределами регионов или государств титульного языка.
- 3) Представители этих национальностей, в первом поколении являясь иммигрантами (внутренними или внешними), использовали государственный язык (русский) как язык общения, а последующие поколения подверглись языковой, культурной ассимиляции, утратив свою общность с этносом, к которому исторически принадлежали.

По мнению М.В. Дьячкова, «межэтническая интеграция, без которой невозможно гармоничное существование в рамках единого многонационального и многоязычного государства, не является этнической ассимиляцией, которой так опасаются многие представители национальных меньшинств. Ассимиляция – это утрата своих этнокультурных и этноязыковых особенностей, а интеграция – это полное сохранение своих особенностей при овладении особенностями соседей» [2]. Потеряв свои языковые и этнокультурные корни, человек не приобретает новых. «Языковая и этнокультурная ассимиляция населения приводит только к обнищанию культуры всего многонационального российского народа» [12].

Нельзя не отметить усилия федеральных органов в направлении защиты и сохранения региональных и языков малых народов. Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 года «О стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» направлен на:

- принятие Государственной программы для поддержки языков народов России и защиты языкового разнообразия;
- обеспечение благоприятных условий для изучения и использования государственного языка Российской Федерации для его граждан;
- недопустимость нарушения прав граждан на выбор языка общения, воспитания, обучения и работы;
- обмен теле- и радиопрограмм, аудио и видео материалов, печатных материалов на местных языках между субъектами Российской Федерации;
- возрождение и поддержку практики перевода русской литературы на языки народов России;
- оказание помощи соотечественникам, и их детям, живущим за рубежом для сохранения и развития русского и других языков народов России [5].

Канада, согласно отчету Международной организации по миграции, входит в десятку стран по количеству мигрантов [4] и может служить примером поликультурного и многоязычного общества. Термины «домашний язык» или «семейный язык» будут использоваться в данной статье для обозначения языков, которыми пользуются родственники в качестве языка общения.

Проанализировав количественные данные по использованию домашнего языка, можно утверждать, что количество людей, говорящих на французском или английском языке дома в сочетании с другим языком имеет большой темп роста между 2006 и 2011 гг.

чем в предыдущем пятилетии. С 2001 по 2011 год процент населения, использующего французский как семейный, снизился. Доля населения, которое говорит дома только по-английски, имеет тенденцию к снижению на 2% в каждый межпереписной период.

В настоящее время Канада является местом жительства для 5,068,100 представителей «видимых меньшинств» (малочисленных народов), что составляет 16,2% от общего населения страны. Это на 5% больше, чем во второй половине 1990-х годов. Общий рост «видимых меньшинств» в Канаде составляет 27%, что в 5 раз выше, чем темпы роста населения в целом. Таким образом, мы можем отметить две новых параллельных тенденции в этническом составе Канады: 41,6% населения относят себя к различным этническим группам. Наиболее распространенные варианты происхождения: английский, французский, шотландский, ирландский, итальянский, немецкий, китайский, индийский и украинский. Тем не менее, 32,2% населения определили себя как «канадец». Это означает, что признанная концептуальной для Канады политика мультикультурализма распространяется через идею «этнокультурной мозаики». В то же время для самоидентификации последующих поколений мигрантов создается модель «канадца». Статистические данные показывают, что, несмотря на постоянно меняющуюся демографическую ситуацию, официальные языки Канады обладают высокой коммуникативной мощностью. Иными словами, этническое и языковое разнообразие не является угрозой для функциональной мощи официальных языков Канады.

Если обратиться к истории языковой политики Канады, отношение государства к языковой проблематике начало меняться с середины 1960 годов: благодаря давлению общественности, страна была признана билингвальной. В последующие десятилетия федеральное правительство объявило мультикультурализм государ-

ственной идеологией. Р. Руис, говоря о языковой политике Канады, выделил три направления отношения к языку: как к проблеме, как к праву и экономическому ресурсу. Язык как проблема означает, что, если гражданин не говорит на официальных языках, он будет иметь неравные возможности, так как будет получать информацию в неполном объеме. С этой позиции нарушается его право на информацию. И третье – это новая экономическая идея принятия многоязычия как человеческого капитала, который лежит в основе образовательной идеи мультиграмотности (*educational ideas of multiliteracy*) [13].

Термин «многоязычие» применяется к определенной социальной группе в целом. Соответственно, мы можем говорить о многоязычном городе, стране и т.д. [11]. Канадские власти пытаются устранить культурные и языковые барьеры, с которыми сталкиваются иммигранты, и дать им возможность участия в экономической и политической жизни Канады через возможность изучения по крайней мере одного официального языка в контексте права на образование. Канадский мультикультурализм – это не просто защита культурных различий населения, но активная работа по формированию идентичности иммигранта как гражданина Канады. Это достигается с помощью различных средств, но, главным образом, путем предоставления доступа к одному из двух официальных языков (французскому либо английскому) [8].

Заключение

И Канада, и Россия не просто направлены на защиту культурных различий, но и ведут активную работу по формированию этнического и гражданского самосознания. Языковая политика этих стран опирается на следующие принципы: 1) язык этнических сообществ, населяющих данную страну, является национальным

достоянием; 2) языки охраняются государством; 3) языковая политика способствует развитию национальных языков, двуязычия и многоязычия.

Несмотря на лояльную языковую политику изучаемых государств, языковые ситуации характеризуется риском снижения функциональной мощи региональных и миноритарных языков. Самосознание молодых поколений как сообщества многонациональных и многоязычных граждан является приоритетной целью языковой политики в обеих странах.

Список литературы

1. Дробижева Л.М. Государственная и этническая идентичность: выбор и подвижность // Гражданская, этническая и религиозные идентичности в современной России. М.: Изд-во Инта социологии РАН, 2006. С. 10–30.
2. Дьячков М.В. Языковая ситуация в России. <http://www.my-luni.ru/journal/clauses/188/> (дата обращения: 10.12. 2015).
3. Миграция населения. Статистика. Источник: Материал из Википедии. https://ru.wikipedia.org/wiki/Миграция_населения (дата обращения: 27.01.2016).
4. Славина Л.Р., Мустафина Д.Н., Мустафина Л.Р. Мультикультурализм. Мультилингвизм. Канадский опыт // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Часть 1. 2014. №12 (42). С. 182–184.
5. Славина Л.Р, Ганиева Г.Р. Опыт внедрения двуязычного образования в странах Северной Америки // Вестник Казанского технологического университета». Казань, 2014. №24. С. 306–309.
6. Указ президента РФ от 19.12.2012 №1666 «О стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». <http://zakonbase.ru/content/part/1293590> (дата обращения: 20.11 2015).

7. Этнический состав и Языки, гражданство. В Российской переписи населения 2010 года. Источник 2013. http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 15.06 2015).
8. Rao G. In Praise of Canadian Contradictions: Making Our Way in a Globalized World [Электронный ресурс]. <http://www.cca-ace.ca/education-canada/article/praise-canadian-contradictions-making-our-way-globalized-world> (дата обращения: 14.09.2014).
9. Kiernan J.E. An Analysis of the Canadian Mosaic: Language Usage among Immigrant Post-Secondary Students // *World Journal of English Language*, Vol. 4, No. 2; 2014. <http://www.sciedu.ca/journal/index.php/wjel/article/view/4854/2930> (дата обращения: 16.09 2015).
10. Kloss H. Types of multilingual communities: discussion of the variables “Explorations in sociolinguistics” // *International Journal of American Linguistics*. Vol. 33, №4. 1967, pp. 7–17.
11. Linguistic Characteristics of Canadians (2015, June 06) In *Statistics Canada*. Retrieved 01, April, 2013. <http://www12.statcan.ca/census-recensement/2011/as-sa/98-314-x/2011001/tbl-eng.cfm> (дата обращения: 06.06 2015).
12. Mustafina D., Bilyalova A., Mustafina L., Slavina L. Language policy and language situation in the Russian national regions // *European Journal of Science and Theology*. Vol.10. 2014. №6, pp. 185–191.
13. Goldberg M.P., Corson D. Immigrant and Aboriginal First Languages as prior Learning Qualifications for Formal Employment in the Business, Government and Education Sectors (NALL Working Paper 03-1999, 1999).

Reference

1. Drobizheva L.M. *Grazhdanskaja, jetnicheskaja i religioznye identichnosti v sovremennoj Rossii* [Civil, ethnic and religious identity in modern Russia]. М., 2006, pp. 10–30.

2. D'jachkov M.V. *Jazykovaja situacija v Rossii* [The language situation in Russia]. <http://www.my-luni.ru/journal/clauses/188/> (accessed: 10.12.2015).
3. *Migracija naselenija. Statistika* [The migration of the population. Statistics]. https://ru.wikipedia.org/wiki/Migracija_naselenija (accessed: 27.01.2016).
4. Slavina L.R., Mustafina D.N., Mustafina L.R. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Part 1. 2014. №12 (42), pp. 182–184.
5. Slavina L.R., Ganieva G.R. *Vestnik Kazanskogo tehnologicheskogo universiteta*. Kazan', 2014. №24, pp. 306–309.
6. *Ukaz prezidenta RF ot 19.12.2012 №1666 «O strategii gosudarstvennoj nacional'noj politiki Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda»* [Presidential Decree of 19.12.2012 №1666 'On Russian Federation state national policy strategy for the period up to 2025']. <http://zakonbase.ru/content/part/1293590>
7. *Jetniceskij sostav i Jazyki, grazhdanstvo. V Rossijskoj perepisi nasele-nija 2010 goda* [Ethnic composition and Languages, citizenship. In the Russian 2010 census]. http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm
8. Rao G. In Praise of Canadian Contradictions: Making Our Way in a Globalized World. <http://www.cea-ace.ca/education-canada/article/praise-canadian-contradictions-making-our-way-globalized-world>
9. Kiernan J.E. An Analysis of the Canadian Mosaic: Language Usage among Immigrant Post-Secondary Students. *World Journal of English Language*. Vol. 4, No. 2; 2014. <http://www.sciedu.ca/journal/index.php/wjel/article/view/4854/2930>
10. Kloss H. Types of multilingual communities: discussion of the variables "Explorations in sociolinguistics". *International Journal of American Linguistics*. Vol. 33, №4, 1967, pp. 7–17.

11. Linguistic Characteristics of Canadians (2015, June 06) In Statistics Canada. Retrieved 01, April, 2013. <http://www12.statcan.ca/census-re-censement/2011/as-sa/98-314-x/2011001/tbl-eng.cfm>
12. Mustafina D., Bilyalova A., Mustafina L., Slavina L. Language policy and language situation in the Russian national regions. *European Journal of Science and Theology*. Vol.10. 2014. №6, pp. 185–191.
13. Goldberg M.P., Corson D. Immigrant and Aboriginal First Languages as prior Learning Qualifications for Formal Employment in the Business, Government and Education Sectors (NALL Working Paper 03-1999, 1999).

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Славина Лилия Рустамовна, доцент кафедры иностранных языков, кандидат филологических наук
Елабужский институт КФУ
ул. Казанская, 89, г. Елабуга, РТ, 423600, Российская Федерация
Lilisl@rambler.ru

Максимова Эльвира Владимировна, доцент кафедры иностранных языков, кандидат педагогических наук
Елабужский институт КФУ
ул. Казанская, 89, г. Елабуга, РТ, 423600, Российская Федерация
maximel78@mail.ru

Гатин Ренат Габдуллович, заведующий кафедрой «Иностранные языки» доцент кафедры иностранных языков, кандидат филологических наук
Елабужский институт КФУ

ул. Казанская, 89, г. Елабуга, РТ, 423600, Российская Федерация
gatin_rinat@bk.ru

Бакланов Павел Алексеевич, доцент кафедры иностранных языков, кандидат педагогических наук

Елабужский институт КФУ

ул. Казанская, 89, г. Елабуга, РТ, 423600, Российская Федерация
baklpavel@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Slavina Liliia Rustamovna, Ph.D. in Philological Science

Kazan Federal University, Elabuga Institute

89, Kazanskaja Str., Elabuga, 423600, Russian Federation

Lilisl@rambler.ru

Maksimova Elvira Vladimirovna, Ph.D. in Pedagogical Science

Kazan Federal University, Elabuga Institute

89, Kazanskaja Str., Elabuga, 423600, Russian Federation

maximel78@mail.ru

Gatin Renat Gabdullovich, Ph.D. in Philological Science

Kazan Federal University, Elabuga Institute

89, Kazanskaja Str., Elabuga, 423600, Russian Federation

gatin_rinat@bk.ru

Baklanov Pavel Alekseevich, Ph.D. in Pedagogical Science

Kazan Federal University, Elabuga Institute

89, Kazanskaja Str., Elabuga, 423600, Russian Federation

baklpavel@mail.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2016-2-164-183

УДК 81; 81:23

СПЕЦИФИКА ЯЗЫКОВОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ РЕЗУЛЬТАТОВ ЧУВСТВЕННОГО ВОСПРИЯТИЯ КОЛИЧЕСТВА

Федяева Е.В.

Количество, будучи базовым универсальным концептом человеческого сознания, играет значимую роль в человеческой жизнедеятельности, что обуславливает его подробную языковую манифестацию.

Цель. Целью данной статьи является анализ функционирования языковых единиц, отражающих результаты познания количественной стороны бытия посредством пяти основных сенсорных каналов: зрения, слуха, обоняния, вкуса, осязания. Представляется актуальным исследование связей между восприятием как основным психологическим механизмом когниции, обеспечивающим процесс познания в целом, с одной стороны, и языком, как репрезентативной системой результатов когнитивной деятельности человека, с другой стороны.

Методология проведения работы. Исследование выполнено на базе функционально-когнитивного подхода к анализу языковых единиц, в русле когнитивной семантики и концептологии.

Результаты. Проведённый анализ фактического материала, включающий данные английского, французского, русского языков, позволяет сделать следующие выводы: репрезентация знания о восприятии количественной стороны бытия характеризуется системностью и включает номинативные единицы различных частей речи. Интерпретация и объективация воспринимаемого посредством ка-

налов чувственного восприятия количества зачастую сопряжена с оценкой, категоризацией по эталону, метафоризацией. В основе метафорической номинации, как представляется, лежат устойчивые зрительные, аудиальные, тактильные и др. прототипические образы.

Область применения результатов. Полученные результаты позволяют пополнить фонд знаний в области сопоставительной, функциональной, когнитивной лингвистики и лингвокультурологии. Могут быть применены в курсах лекций.

Ключевые слова: количество; модусы перцепции; метафоризация; образ; концептуализация; категоризация; эталон.

THE LANGUAGE REPRESENTATION PECULIARITIES OF THE QUANTITY SENSORY PERCEPTION RESULTS

Fedyayeva E.V.

Being the basic universal concept of human mind, quantity plays a significant role in everyday life and is given a detailed representation in a language.

Purpose. The article addresses the issues related to the functioning of language units which reflect the cognition process of the life quantitative aspect with the help of the five major sensory modes: sight, hearing, smell, taste and touch. The research of the connection between perception as the major psychological mechanism of cognition providing for the cognition process as a whole on the one hand and language as the representative system of human cognition process results on the other hand is within the scope of modern linguistics.

Methodology. The research is based on functional cognitive approach to the analysis of language units within the framework of cognitive semantics and conceptology.

Results. The analysis of the empiric material of the English, French and Russian languages allowed concluding that the representation of the life quantitative aspect is systematic and includes nominal units of different parts of speech. Interpretation and objectification of the sensory perceived quantity is closely connected with assessment, archetype categorization and metaphorization. The basis of metaphoric nomination is formed by stable visual, audial, tactile and other prototypic images.

Practical implications. The results of the study allow for the enrichment of knowledge in contrastive, functional and cognitive linguistics as well as linguocultural studies, which is applicable in corresponding theoretical courses.

Keywords: *quantity; perception modes; metaphorization; image; conceptualization; categorization; archetype.*

Введение. Поскольку соотнесение различных ментальных форматов знания с их языковой репрезентацией принято считать одной из целевых установок когнитивной лингвистики, то исследование способов репрезентации результатов восприятия количественной стороны бытия посредством различных сенсорных каналов может способствовать как экспликации различных типов знаний, получающих актуализацию в языке, так и манифестации образов сознания, лежащих в основе семантики языковых единиц. Представляется, что такой подход вносит определённый вклад в изучение содержательной структуры и этнического, и индивидуального сознания. Актуальность обусловлена интеграцией различных подходов, отражающих отдельные положения психолингвистики, когнитивной и функциональной лингвистики. Объектом исследования являются средства языковой репрезентации зрительного, аудиального, обонятельного, вкусового и тактильного восприятия количества.

Цель данной статьи – на материале английского, французского, русского языков проанализировать специфику языковой репрезентации результатов восприятия количественной стороны бытия посредством пяти основных каналов чувственного восприятия: зрения, слуха, обоняния, вкуса, осязания.

Восприятие как психологический механизм когниции и одно из базовых понятий когнитивной психологии связано, как известно, с обнаружением и интерпретацией сенсорных стимулов. Как отмечает Р. Солсо, «стимулы внешней среды не воспринимаются как единичные сенсорные события; чаще всего они воспринимаются как часть более значительного паттерна. То, что мы ощущаем (видим, слышим, обоняем или чувствуем вкус), почти всегда есть часть сложного паттерна, состоящего из сенсорных стимулов» [12, с. 27].

Таким образом, термин ‘восприятие’ «равно относится как к отдельным сенсорным актам, так и к процессам интеграции и синтеза полученных чувственных данных как к способностям человека выделять в действительности признаки, качества, стороны разных объектов и процессов, так и формировать их целостный образ, а также и к способностям членить, дискретизировать и структурировать сенсорные данные – весь поток обрушивающейся на человека сенсорной информации и воспринимаемой им как множество разных материальных сигналов или стимулов» [9, с. 173].

Процесс восприятия состоит из субъекта восприятия – «носителя перцептивного процесса; сенсорная система, мозг или организм в целом» [1, с. 89] и объекта восприятия, рассматриваемого как «функциональное образование, проявляющееся сквозь призму активности субъекта познания» [3, с. 83]. И субъект, и объект восприятия включены в перцептивную активность, которая «выражает

акт бытия воспринимающего, в котором порождаются и существуют чувственный образ действительности, субъект восприятия и объект-ситуация» [3, с. 87].

Традиционно выделяют пять основных модусов перцепции в соответствии с действием пяти органов чувств – модус зрительного восприятия, модус слухового восприятия, обоняние, вкус и модус тактильности [10, с. 79]. Количество, как представляется, может рассматриваться как полимодальный феномен, ввиду возможности его восприятия посредством разных модальностей ощущений.

Проведённые исследования средств языковой репрезентации категории перцепции в лингвистике подтверждают мысль о неравноценности перцептивных ощущений, что и находит своё отражение в языке: самой многочисленной и разнообразной является лексика зрительного восприятия [2, с. 19]. Поскольку зрительной модальности отводится ведущая роль в познании мира человеком, номинация зрительно наблюдаемых характеристик объектов реальной действительности (в том и числе и количественных) является естественным следствием познавательной деятельности.

Анализ фактического материала показал, что интерпретация результатов зрительного восприятия количества зачастую связана с категоризацией по эталону. В когнитивной лингвистике под категоризацией подразумевается когнитивная деятельность человека, благодаря которой обычный человек классифицирует вещи и сводит бесконечное многообразие своих ощущений и объективное многообразие форм материи и форм её движения в определённые рубрики [8, с. 45]. Соотнесённость же с эталоном представляет собой одну из наиболее значимых с точки зрения интерпретации основных результатов познания мира характеристик, лежащих в

основе концепта ОЦЕНКА [11, с. 27]. Отметим, что опора на эталон обусловлена подсознательным или осознанным учетом результатов предшествующего познавательного опыта. Обратимся к примерам:

1) *Elle écarquilla les yeux en avisant la montagne de casseroles, de plaques, de faitouts, de bols en inox, de passoires et de poêles en équilibre dans les énormes bacs à vaisselle* [10, p. 248]. / У неё округлились глаза, когда она увидела эту **гору кастрюль, досок, соеи-ников, чашек из нержавеющей стали, шумовок и сковородок, которые лежали в раковинах для посуды.**

Из данного контекста становится очевидным, что в процессе зрительного восприятия большого количества кухонной посуды у наблюдателя сформировался образ горы как особой формы природного рельефа. Можно предположить, что выдвижение таких природных объектов, как *гора, лес, море* и др. на роль эталонов сравнения обусловлено актуализацией знаний о данных объектах природы и их существенных признаках, выделенных в процессе познания фрагментов мира. С большой долей вероятности можно говорить и об их универсальном статусе, перцептивно обусловленным общностью условий существования, вследствие чего, данные объекты природы являются элементами концептуальной картины мира представителей различных культур. Это подтверждается, например, потенциальным наличием в русском языке таких выражений как *гора посуды, лес рук, море цветов* и т.д., а в английском – *a mountain of papers, a forest of skyscrapers, a sea of students*. Особо подчеркнём, что подобные выражения мотивированы прототипическими образами – продуктами зрительного восприятия.

Далее отметим, что «мотивирующей основой при выборе эталона сравнения могут стать индивидуальные знания, приобретен-

ные практически в любой сфере деятельности, будь то политика, литература, архитектура, живопись и т.д.» [14, с. 46]. Так, на основе знаний, связанных с личной осведомлённостью говорящего в области истории архитектуры, выстраивается следующее сравнение, мотивированное образом, связанным с представлениями о **зиккурате** – культовом сооружении в Древней Месопотамии, где в основном располагались архивы:

2) *Gabriel rested his teacup on a **zigurat of his head of chambers' upcoming briefs** and looked out of the window, down towards the river* [9, p. 121].

Зрительное восприятие множества папок с документами относительно оси верх-низ способствовало выдвижению на роль эталона сооружения, представляющего собой башню, формируя образное значение 'стопка, высокая как зиккурат'.

Таким образом, концептуализация и конструирование образов перцептивной системой человека в процессе зрительного восприятия (в том числе и количества) происходит на основе уже имеющегося знания, благодаря соотносению с ранее известным. Проиллюстрируем сказанное примером:

3) *И в течение полугода потом в Ленинграде наблюдалось полное изобилие овощей и фруктов: прямо **Снайдерс** какой-то на прилавках...* [1, с. 124].

Так, в процессе зрительного восприятия, на базе предшествующего опыта и знаний в области искусства сформировался образ, связанный с представлениями о картинах фламандского художника XVII века Франса Снайдерса, работавшего в жанре натюрморта и известного благодаря изображению продуктового изобилия, в том числе и рыночного натюрморта – т.н. мясных и рыбных «лавок». Визуальный образ количества, отображаемый в языке посредством метонимическим использования имени собственного, является яр-

ким примером индивидуально-авторской оценки количества субъектом восприятия.

Концептуализация зрительно воспринимаемого количества может осуществляться и в цветовых образах, поскольку цвет – одно из самых ярких визуальных качеств. Так, пример (4) указывает на тот факт, что в процессе зрительного восприятия большого количества птиц, летящих высоко в небе, в сознании наблюдателя сформировался образ черного облака как результат синкретизма субмодусов цвета и формы:

4) ... *and Mary said, Look up, it's the wild geese flying south for the winter. The sky above was **dark with them**, and Mary said, The hunters will be out tomorrow morning. And it was sad to think that these wild creatures were about to be shot* [4, p. 189].

Проведённый анализ эмпирического материала подтверждает, что «образность – это особый способ концептуализации мира, при котором ведущим является зрительное восприятие фрагментов действительности» [6, с. 73]. Кроме того, различные когнитивные (сравнение, концептуальная метафора, концептуальная метонимия) и языковые (языковая метафора, языковая метонимия) механизмы – есть способы схематизации накопленного опыта, конфигурации знания и способы оперирования им [4].

Подчёркивая доминирующее положение зрительного модуса восприятия, отметим, однако, что количество находит свою языковую репрезентацию и в сфере восприятия человеком звуковых сигналов, поступающих извне. Так, под термином «языковой фонометрии» понимается аппроксимативная и часто образная квантификация звуковых событий посредством квантитативов, сравнений, метафор [7, с. 122]. Обратимся к примерам:

5) *I can hear a police charge beginning in the next street. I can hear the **thunder of the truncheons** on their shields* [7, p. 165].

6) Outside, I kept running, across to the main road, where *the lorries were thundering down* towards Archway [7, p. 242].

7) *'And we have five million,' the auctioneer announced. Thunderous applause* [11, p. 61].

Образное восприятие интенсивности звукового события в приведённых примерах основывается на сравнении с таким природным феноменом как гром, принимаемым за эталон, и репрезентируется посредством субстантивной, глагольной и адъективной номинаций.

Поскольку музыка как вид искусства представляет собой последовательный ряд осмысленных и особым образом организованных по высоте и во времени звуков, то термины и понятия, соотносимые со сферой музыки, зачастую становятся мотивирующей основой образного представления результатов восприятия звуковой информации:

8) *There are other sounds – the staccato rattle of the red car on his left side raking a half-dozen stationary vehicles, and the thwack of concrete against rubber, like an amplified single handclap as the Mercedes mounts the cycle-path kerb* [15, p. 81].

Так, регулярный отрывистый звук работающего двигателя в примере (8) ассоциируется с особым способом извлечения звука при исполнении музыкального произведения, для которого характерны дискретность, отделение паузами одной ноты от другой.

Языковая объективация интенсивности как одного из аспектов количества при восприятии звукового события также может быть осмыслена в музыкальных терминах, что, вероятно, может объясняться глубокой осведомлённостью субъекта восприятия в области музыкального искусства:

9) *The shouting seems to be reaching a crescendo now and I feel as if I'm intruding on something that I shouldn't* [14, p. 101].

Изучение эмпирического материала указывает и на тот факт, что вербализация количества, воспринимаемого посредством слухового модуса, зачастую осуществляется имёнами существительными, содержащими сему множества:

10) *Now occasional motorbikes soar above the ensemble, whining like busy wood saws. Also about this time come the first **chorus of police sirens**, rising and falling in Doppler shifts: it's no longer too early for bad deeds* [15, p. 48].

11) *Un **concert de klaxons** salua sa manoeuvre périlleuse* [12, p. 16] / *Целый концерт автомобильных сигналов приветствовал его опасный манёвр на дороге.*

В приведённых примерах лексемы **chorus** и **concert** с семой множества в импликационале значения метафорически представляют множество одновременно воющих полицейских сирен (10) и одновременно сигнализирующих автомобилей (11).

Орган слуха способен также различать различные оттенки звучания, что и находит своё последовательное отражение в языке. Например, вербализация негармоничного смешения звуков репрезентируется английской и французской лексемами **a cacophony** / **une cacophonie** в примерах (12) и (13) соответственно:

12) *The equities division of one of the brasher banks began to rattle its table, making **a cacophony of china, glass and cutlery*** [9, p. 361].

13) *Une **cacophonie de klaxons** d'automobilistes exaspérés par un camion de livraison la cueillit au coin de la rue Cambronne* [18, p. 55] / На углу улицы Камбронн она попала в пробку из сигнализирующих автомобилей, дорогу которым преградил грузовик.

Идея различия модусов восприятия по их значимости, их роли в жизнедеятельности человека подразумевает, что запах и вкус в отличие от зрения и слуха относятся скорее к периферийным модальностям, ввиду очевидного наличия более тесной связи между

зрительным восприятием и знанием, чем между, например, восприятием на вкус и знанием. Однако анализ эмпирического материала показал, что количество, воспринимаемое посредством обонятельного и вкусового модусов, также находит свою языковую репрезентацию.

Обоняние, как известно, представляет собой восприятие организмом определённых свойств различных веществ при помощи органов обоняния. Обонятельный модус играет значимую роль в познании окружающего мира, а обонятельная система способна различать тысячи разнообразных запахов:

14) *She smells people leaving, sweat and bombazine, rubber, cheese, someone has brought his garlic salami with him, rye bread and lavender and beer, baby shit* [5, p. 112].

15) *Elle ... renifla plusieurs odeurs de parfum, reconnut un Hermès, un Chanel, un Armani, tout se mélangea...* [17, p. 23] / *Она ощутила запах множества духов, узнав среди них и Гермес, и Шанель, и Армани. Все вперемешку...*

Интересно отметить, что в сопоставляемых языках образы, связанные с представлениями о движущейся воде, могут лежать в основе сравнения при описании идеи количества, воспринимаемого посредством обонятельного модуса:

16) *There are endless footsteps down the hall past her door, the narrow wave of fresher air over caramel, wet wool, singed hair, smelling salts, hair tonic, Pears soap, tobacco* [5, p. 115].

17) «Какой благородный мужчина!» – взволнованно шептали собравшиеся перекурить алгоритмовские дамы, когда Псковский, обдав их волной настоящего Живанини, деловито проходил по коридору [2, с. 40].

Данные примеры маркированы установлением необходимой для метафорической интерпретации связи между волной как ко-

лебанием водной поверхности и потоком вдыхаемого воздуха, что обусловлено наличием общих характеристик идеи движения, внезапности и пр. Это указывает на тот факт, что «помимо собственно номинации, человек использует и другие механизмы формирования смысла и репрезентации своего опыта познания мира в языке, к числу которых относятся концептуальная и языковая метафоры» [5, с. 13].

Схожим образом посредством адъективной репрезентации в сопоставляемых языках представлена и идея интенсивности запаха, смешения запахов. Сравним:

18) *The air was **thick** with garden scents at evening* [5, p. 286].

19) *В кабинете Ээка стоял густой запах корвалола и валерьянки* [3, с. 362].

Обоняние, как известно, тесно связано с вкусовыми ощущениями. При приёме пищи её запах и вкус сливаются между собой, дополняя друг друга. Так, например, ощутить на вкус в полном объёме сложный винный букет можно только вкупе с обонянием:

20) *He ordered a bottle of Chateau Batailley 1958 and, having poured a half-inch into his own glass, filled Bond's. ... Bond raised the glass circumspectly to his lips. The **aroma was rich**, though hard to define. ... Holding up a warning finger, Bond let the wine trickle back over his tongue. 'Not bad'" he said. – 'Not bad! Batailley is a miracle. One of the great secrets of Bordeaux.'* [7, p. 67].

Прилагательное **rich** в приведённом контексте репрезентирует многокомпонентный набор признаков, реализуя свое дескриптивное, количественно-оценочное значение.

Концептуальная сфера представлений о вкусах, по мнению З.К. Темиргазиной, является обязательным фрагментом картины мира любого народа в силу универсальности и общности онтологической базы – физиологического механизма вкусового восприя-

тия человека, основанного на работе рецепторов, расположенных на языке. В ходе концептуализации на полученные опытные данные накладываются культурные установки, ценностные ориентации носителей конкретной лингвокультуры. Таким образом, в представлениях о вкусе формируется содержательный компонент, отражающий национальное своеобразие их языковой концептуализации [13, с. 116].

Вербализация вкусового модуса в аспекте восприятия количественных характеристик связана в английском языке, например, с использованием существительного с семантикой неопределённо малого количества, что обусловлено общей тенденцией английского языка к номинативному представлению мысли. В аналогичном контексте в русском языке количество предстает в терминах качества – посредством прилагательного *тонкий*, используемого метафорически и обнажающего ментальные корреляции типа *тонкий* ↔ *мало* / *толстый* ↔ *много*, свидетельствующие о тесной связи между количеством и качеством. Сравним:

21) *I sniffed the glass, then sipped, letting the flavour flood my mouth. ... 'This is very nice, Nino. A hint of raspberry in there.'* [15, p. 26].

22) – Роскошное вино! Похвалила она, прикрыв глаза от удовольствия. – Очень тонкий фруктовый оттенок... – Смородиновый, уточнил писатель, незаметно смахивая с губ пробочный сор [3, с. 359].

Интенсивность признака, воспринимаемая посредством вкусового модуса, реализуется в сопоставляемых языках и посредством адвербиальной номинации. Примеры (23) и (24) маркированы употреблением наречий-интенсификаторов, целью которых является указание на достаточно высокую степень интенсивности признака:

23) *She sipped the stale and heavily sugared coffee ...* [11, p. 87].

24) *D'habitude l'artiste attend la fin du dessert, mais c'est vrai qu'on était dans un chinois aujourd'hui et que sa mère n'aimait pas particulièrement leurs beignets, litchis et autres nougats trop sucrés... / Обычно он ждал окончания десерта, но сегодня они были в китайском ресторане, а его мать особенно не любила все эти сладкие пирожки, личи и слишком сладкую нугу* [10, p. 51].

Необходимо отметить, что лингвокультурные представления о вкусе организуются по аксиологическому принципу оппозиции 'вкусный'/'невкусный', которые являются частным случаем другой ценностной оппозиции 'приятный'/'неприятный' [13, с. 120]. Данными ментальными корреляциями обусловлен тот факт, что иногда субъективная оценка интенсивности признака как проявление одного из аспектов количества основывается на сравнении, мотивированном личными вкусовые предпочтениями, что ведёт к созданию уникальных, индивидуально-авторских образов, основанных на интермодальности ощущений. Например:

25) *Je danse sous le soleil, je chante sous le soleil, la vie est belle comme un plat de tagliatelles / Я пою и танцую под солнцем: жизнь прекрасна, как тарелка тальятелли* [18, p. 94].

В приведённом примере метафорическая проекция между областью вкуса и областью внутреннего (психического и ментального) состояния, эксплицирует ассоциативные связи между ощущением счастья и вкусовыми ощущениями, результатом чего становится сравнение внутреннего эмоционального состояния с любимым блюдом – тальятелли классической итальянской пастой. Сочетание различных видов ощущений, реализуемый межчувственный перенос, некое синестетическое сравнение на основе субъективных ассоциаций по сходству отражает мыслительную операцию, относящуюся к сфере чувственно-образного мышления.

С помощью кожной рецепции человек познает широкий спектр разнообразных качеств предметов: ‘твёрдый’/‘мягкий’, ‘гладкий’/‘шероховатый’, ‘тёплый’/‘холодный’ и т. д. Интересным в этой связи представляется следующий контекст, описывающий разнообразные свойства природного камня, добываемого в разных частях Прованса, которые интерпретируются субъектом восприятия:

26) ... *we had been impressed by the variety and versatility of the local stone. It can be **Pierre froide** from the quarry at Tavel, a **smooth, close-grained pale beige**; it can be **Pierre chaude** from Lacoste, a **rougher, softer off-white**, or it can be any one of twenty shades and textures in between. ... Its only disadvantage, as we were finding out, is that it is cold* [13, p. 29].

Тактильный опыт, мотивирующий знание об одном из ингredientных признаков природного камня ‘холодности’, становится основой для образного описания количественной оценки степени интенсивности признака ‘холодный’ в сравнительных терминах ‘холодный, как камень’ в следующем примере:

27) *I knocked earlier and left a cup of coffee outside your room, but when I found it **stone cold** an hour later I figured I'd let you sleep* [16, p. 64].

Результаты

Резюмируя сказанное выше, обозначим основные результаты исследования: 1) количество представляет собой полимодальный феномен; 2) репрезентация знания о восприятии количественной стороны бытия характеризуется системностью и включает номинативные единицы различных частей речи; 3) мнение о количестве зачастую сопряжено с оценкой, категоризацией по эталону, метафоризацией, метонимизацией; 4) английский, французский и

русский языки зачастую прибегают к сходной образности при интерпретации результатов восприятия количества благодаря общим универсальным моделям концептуальных метафор; 5) языковая объективация зрительных, аудиальных и др. образов обнажает процессы категоризации, дискретизации и структурирования информации о количестве, поступающей по каналам чувственного восприятия.

Заключение

Подводя итог, отметим, что изучение результатов чувственного восприятия количественной стороны бытия посредством анализа языковой репрезентации знания раскрывает существенный потенциал языка в экспликации процессов категоризации и концептуализации, непосредственно сопровождающих процесс восприятия. Изучение различных способов языковой репрезентации идеи восприятия количества в сопоставительном аспекте способствует экспликации различных типов знаний, получающих свою объективацию в языке, указывает на сходства и различия в концептуальной картине мира представителей различных лингвокультурных сообществ и способствует наиболее полной реконструкции базового универсального концепта КОЛИЧЕСТВО, поскольку в основе формирования концептов лежит наш опыт познания мира через каналы чувственного восприятия ('the mind is embodied' [15, p. 10]).

Список литературы

1. Аллахвердов В.М. Экспериментальная психология познания: когнитивная логика сознательного и бессознательного. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2006. 352 с.
2. Баева Н. А., Варламенко И.Г. Английские фразеологизмы с перцептивным компонентом зрительной активности // Функционально-

- когнитивный анализ языковых единиц и его аппликативный потенциал: материалы II международной научной конференции. Барнаул, 2014. С. 19–22.
3. Барабанщиков В.А. Психология восприятия. Организация и развитие перцептивного процесса. М.: Когито-Центр, 2006. 241 с.
  4. Болдырев Н.Н. Актуальные задачи когнитивной лингвистики на современном этапе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. №1. С. 5–13.
  5. Болдырев Н.Н. Интерпретационный потенциал концептуальной метафоры // Когнитивные исследования языка. Вып. XV: Механизмы языковой когниции: сборник научных трудов. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2013. С. 12–22.
  6. Гольдберг В.Б. Образность как способ концептуализации действительности (на материале образных глагольных сравнений) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. №1. С. 64–75.
  7. Колесов И.Ю., Максимов В.Д. Языковая репрезентация визуальной и аудиальной модальностей восприятия: монография. Барнаул: АлтГПА, 2013. 198 с.
  8. Кубрякова Е.С. Проблема представления знаний в современной науке и роль лингвистики в решении этих проблем // Язык и структуры представления знаний. М., 1992. С. 4–38.
  9. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г, Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: МГУ, 1996. 245 с.
  10. Рузин И.Г. Когнитивные стратегии именования: модусы перцепции (зрение, слух, осязание, обоняние, вкус) и их выражение в языке // Вопросы языкознания. № 6. 1994. С. 79–99.
  11. Солодилова И.А. Концепт ОЦЕНКА: проблемы моделирования // Вопросы когнитивной лингвистики. №4 (037), 2013. С. 25–32.
  12. Солсо Р. Когнитивная психология СПб.: Питер, 2002. 592 с.

13. Темиргазина З.К. Представления о вкусах как когнитивная область знаний // Вопросы когнитивной лингвистики. №2 (035), 2013. С. 115–121.
14. Федяева Е.В. Выбор эталона сравнения как отражение универсального, этноспецифического и индивидуального типов знания // European Social Science Journal (Европейский журнал социальных наук). 2013. № 2(30). С. 41–48.
15. Kövecses Z. *Metaphor in Culture. Universality and Variation*. Cambridge University Press, 2007. 336 p.

Список источников иллюстративного материала

1. Веллер М. Легенды Невского проспекта. М.: Изд-во Москва, 2010.
2. Поляков Ю. Парижская любовь Кости Гуманкова. М.: Астрель: АСТ, 2009. 255 с.
3. Поляков Ю. Гипсовый трубоч, или Конец фильма. М.: Астрель: АСТ, 2010. 381 с.
4. Atwood M. *Alias Grace*. Lnd.: Virago Press, 1997. 545 p.
5. Bloom A. *Away*. N.Y.: Random House, 2008. 275 p.
6. Faulks S. *Birdsong*. Lnd.: Vintage Books, 1994. 503 p.
7. Faulks S. *Engleby*. Lnd.: Vintage books, 2008. 342 p.
8. Faulks S. *Devil May Care*. N. Y.: Vintage books, 2009. 386 p.
9. Faulks S. *A Week in December*. Lnd.: Vintage, 2010. 392 p.
10. Gavalda A. *Ensemble, c'est tout*. – Paris: J'ai lu, 2004. 574 p.
11. Grisham J. *The Appeal*. Lnd.: Arrow books, 2008. 501 p.
12. Levy M. *Et si c'était vrai...*. Paris: Robert Laffont, S.A., 2000. 251 p.
13. Mayle P. *A Year in Provence*. Lnd.: Penguin Books, 2000. 210 p.
14. Matthews C. *Calling Mrs Christmas*. Lnd.: Sphere, 2013. 460 p.
15. McEwan *Saturday*. Lnd.: Vintage Books, 2006. 279 p.
16. Moyes J. *Silver Bay*. Lnd.: Hodder, 2013. 394 p.
17. Pancol K. *Les écureuils de Central Park sont tristes le lundi*. Edition Albin Michel, 2010. 945 p.
18. Richard J.P. *La Fille tombée d'un rêve*. Albin Michel, 2008. 252 p.

References

1. Allakhverdov V.M. *Ekspperimental'naya psikhologiya poznaniya: kognitivnaya logika soznatel'nogo i bessoznatel'nogo* [Experimental cognition psychology: cognitive logic of the conscious and the unconscious]. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2006. 352 p.
2. Baeva N. A., Varlamenko I.G. *Materialy II mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii Funktsional'no-kognitivnyy analiz yazykovykh edinits i ego aplikativnyy potentsial* [Proc. of the 2nd international scientific conference "Functional cognitive analysis of language units and its potential application"]. Barnaul, 2014, pp. 19–22.
3. Barabanshchikov V.A. *Psikhologiya vospriyatiya. Organizatsiya i razvitiye pertseptivnogo protsessa* [Perception psychology. The arrangement and development of the perceptive process]. M.: Kogito-Tsentr, 2006. 241 p.
4. Boldyrev N.N. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Cognitive Linguistics Problems], no1 (2013): 5–13.
5. Boldyrev N.N. *Kognitivnye issledovaniya yazyka Vyp. XV: Mekhanizmy yazykovoy kognitsii: sbornik nauchnykh trudov* [Cognitive Studies of Language. Vol. XV. Mechanisms of Linguistic Cognition: collection of papers]. Moscow-Tambov, 2013, pp. 12–22.
6. Gol'dberg V.B. *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki* [Cognitive Linguistics Problems], no1 (2013): 64–75.
7. Kolesov I.Yu., Maksimov V.D. *Yazykovaya reprezentatsiya vizual'noy i audial'noy modal'nostey vospriyatiya: monografiya* [Language Representation of Visual and Audial Perception Modalities): Monograph]. Barnaul: BGPU, 2013. 198 p.
8. Kubryakova E.S. *Yazyk i struktury predstavleniya znaniy* [Language and the structures of knowledge representation]. Moscow, 1992, pp. 4–38.

9. Kubryakova E.S., Dem'yankov V.Z., Pankrats Yu.G, Luzina L.G. *Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov* [An abridged dictionary of cognitive terms]. Moscow: MGU, 1996. 245 p.
10. Ruzin I.G. *Voprosy yazykoznaniya* [The Problems of Linguistics], no. 6 (1994): 79–99.
11. Solodilova I.A. *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki* [Cognitive Linguistics Problems], no 4 (2013): 25–32.
12. Solso R. *Kognitivnaya psikhologiya* [Cognitive Psychology]. Saint Petersburg: Piter Publ., 2002. 592 p.
13. Temirgazina Z.K. *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki* [Cognitive Linguistics Problems], no 2 (2013): 115–121.
14. Fedyaeva E.V. *Evropeyskiy zhurnal sotsial'nykh nauk* [European Social Science Journal], no 2 (2013): 41–48.
15. Kövecses Z. *Metaphor in Culture. Universality and Variation*. Cambridge University Press, 2007. 336 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Федяева Елена Владимировна, доцент кафедры иностранных языков гуманитарного факультета, к. филол.н., доцент
*Новосибирский государственный технический университет
пр-т К. Маркса, 20, г. Новосибирск, 630073, Российская Фе-
дерация*
fedyaeva_lena@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Fedyaeva Elena Vladimirovna, Associate Professor of foreign languages Department, Humanities Faculty, Candidate of Philology
Novosibirsk State Technical University
20, Prospekt K. Marksa, Novosibirsk, 630073, Russian Federation
fedyaeva_lena@mail.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2016-2-184-193

УДК 378.4

**УСТНЫЕ РЕЧЕВЫЕ ВИДЕОЗАДАНИЯ
«СЕЛФИ-ВИДЕО» ДЛЯ ОБУЧЕНИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ
ВЕБ-КОММУНИКАЦИИ**

Филиппова И.О.

В статье приводится описание ряда устных речевых дистанционных видеозаданий «селфи-видео», использование которых способствует созданию условий на занятиях по иностранному языку для применения и обучения новым способам представления и восприятия информации: устной речевой иноязычной веб-коммуникации в видеоаудиоформате. Селфи-видео направлены на обучение говорению и общению на английском языке, развитию умений дистанционного профессионально ориентированного синхронно асинхронно видеообщения (ДиПОСАВО) в устной форме и информационной видео-коммуникационной технологической (ИВКТ) компетенции.

Ключевые слова: *видеозадание «селфи-видео»; межкультурная иноязычная веб-коммуникация в видеоаудиоформате; дистанционное профессионально ориентированное синхронно асинхронное видеообщение (ДиПОСАВО) в устной форме; информационная видео-коммуникационная технологическая (ИВКТ) компетенция; дистанционно аудиторные профессионально ориентированные ролевые игры (ДАПОРИ); видео-блог.*

**ORAL ‘SELFIE VIDEO’ TASKS AIMED AT TEACHING
WEB-COMMUNICATION IN A FOREIGN LANGUAGE**

Filippova I.O.

The article is devoted to describing a set of online selfie-video tasks that create conditions making it possible for foreign language teachers

to use new ways of information presentation and acquisition, namely, oral web-communication (video and/or audio).

Selfie-video tasks are aimed at teaching speaking and communicating in the English language as well as helping to master oral distance profession-oriented synchronous and asynchronous online video communication and develop information and video communication technology competency.

Keywords: *selfie-video; intercultural video and/or audio web-communication in a foreign language; oral distance profession-oriented synchronous and asynchronous online video communication; information and video communication technology competency; distance/in class profession-oriented role-played games; v-blog.*

Как отмечается в ряде исследований, к наиболее значимым изменениям в современном обществе, связанным с применением информационных и коммуникационных технологий (ИКТ), относятся: *трансформация способов представления и восприятия информации; появление феномена «пользователя»; возникновение новых видов веб-коммуникации; преобразование понимания грамотности и ключевых компетенций личности, в том числе профессиональной, куда включаются и умения пользоваться различными технологиями [2, с. 24].*

Для того, чтобы оставаться конкурентоспособным на рынке труда грамотному специалисту необходимо владеть умениями эффективной устной межкультурной иноязычной веб-коммуникации, воспринимать и оперативно представлять информацию в легкодоступном онлайн видеоаудиоформате, быть независимым профессиональным пользователем, способным самостоятельно применять для общения новейшие технологии, в том числе технологии широко востребованного *дистанционного профессионально ориентирован-*

ного синхронно асинхронного видеообщения (ДиПОСАВО) в устной форме.

Под видеообщением (ДиПОСАВО) в устной форме мы понимаем зависимый от уровня сформированности ИВКТ компетенции вид речевой деятельности, реализуемый в реальном и виртуальном локусах, опосредованный синхронной или асинхронной онлайн трансляцией в видеоаудиоформате видеоизображения участников веб-коммуникации, в ходе которой происходит обмен высказываниями в устной форме двух или более людей удаленных друг от друга (на расстоянии) с целью представления, получения, восприятия и обмена информацией, воздействия на собеседника в соответствии с коммуникативным намерением, установления взаимопонимания, эффективного взаимодействия и сотрудничества для решения профессионально значимых задач.

ИВКТ (информационная видео-коммуникационная технологическая) компетенция – знания используемых для видеообщения технологий, организованных на базе как компьютерной техники, так и современных средств связи, а также навыки и умения их применения, которые позволяют участвовать в речевом видеообщении в его продуктивных и рецептивных видах, обеспечивая коммуникативную компетенцию [6, с. 1663].

Проблема неравномерности доступа различных категорий населения к информационным и коммуникационным технологиям трактуется как «*цифровое (или реже – информационное) неравенство*» (англ. *digitalgap*) [7]. Вслед за М.А. Бовтенко мы считаем, что неудачные попытки его преодоления связаны не столько с низким техническим обеспечением, а скорее с отсутствием социальных условий для эффективного применения ИКТ в интересах общества [2, с. 221].

Использование видеозаданий «селфи-видео» для обучения иноязычной межкультурной устной веб-коммуникации в видеоаудиоформате позволяет создавать условия применения и обучения

новейшим технологиям на занятиях по иностранному языку; повышать эффективность обучения говорению и общению; обучать видеообщению (ДиПОСАВО) в устной форме.

Под *устным речевым дистанционным видеозаданием «селфи-видео»* мы понимаем *селфи-видеозадание, направленное на обучение общению и видеообщению в устной форме, в ходе выполнения которого обучаемые записывают на веб-камеру свою устную речевую деятельность (говорение), в результате чего создается фиксируемое видеозаписью устное речевое произведение «селфи-видео»*. Уникальность селфи-видео состоит в том, что говорение может быть зафиксировано подобно письменному тексту; при этом зафиксировано видеозаписью в своей устной форме. Устная речь говорящего или собеседников (записанная в видеоаудиоформате) может быть проверена и рассмотрена участниками устной речевой веб-коммуникации, в том числе самими говорящими. Поэтому селфи-видеозаписи обладают глубоким дидактическим потенциалом, удобны для изучения и обучения устной межкультурной иноязычной коммуникации и веб-коммуникации, особенно для обучения говорению, общению и видеообщению в устной форме.

Видеозадания «селфи-видео» могут быть выполнены с помощью неспециализированного программного обеспечения свободного доступа, расположенного в интернете. Селфи-видеозаписи, созданные с применением таких программ, как: Mailvu.com, Present.me, Googlehangout, Skype и их аналогов, остаются на удаленном онлайн сервере. Преподавателю не нужно скачивать их к себе на компьютер; он может в любое удобное время, *асинхронно* по отношению к работе обучающихся (и при условии доступа в интернет), посмотреть и проверить выполненные селфи-видеозадания онлайн, по ссылкам, которые автоматически рассылает программа или присылают сами студенты [3, с. 29].

В ходе проведения занятий по английскому языку для студентов, обучающихся по направлению «Международные отношения» нами был разработан теоретически, составлен и проверен на практике ряд селфи-видеозаданий, направленных на взаимосвязанное обучение дистанционному профессионально ориентированному синхронно асинхронному видеообщению (ДиПОСАВО) и очному традиционному общению в устной форме. К ним относятся такие виды селфи-видеозаданий, как:

- *селфи-видеопоговаривание* – направленно на развитие умений: а) говорения с правильным фонетическим оформлением речи (ФОР): артикуляцией, произношением, ритмико-мелодическим рисунком [5, с. 1744–1759]; б) *ИВКТ компетенции* (видеообщение перед видеокамерой);
- *селфи-видеопересказ* – пересказ представленной информации; для развития умений: а) *говорения* и перефразирования (беглость, диапазон, точность, связность); б) *ИВКТ компетенции* (видеообщение перед видеокамерой; применение ПО для осуществления устной веб-коммуникации в видеоаудиоформате);
- *селфи-видеорассуждения, селфи-видеорепортаж* – применение в видеоаудиоформате самостоятельно подобранной и/или полученной информации для развития умений: а) *профессионально ориентированного говорения, общения и видеообщения* (ДиПОСАВО) в устной форме в разных жанрах (информационно коммуникативный план); б) *ИВКТ компетенции* (видеообщение перед видеокамерой; применение ПО для осуществления устной веб-коммуникации в видеоаудиоформате);
- *селфи-видеопрезентация, селфи-видеодоклад, селфи-видеолекция* – использование и применение полученной и/или самостоятельно подобранной информации: а) профессионально ориентированное говорение, общение и видеообщение

- (ДиПОСАВО) в устной форме (информационно коммуникативный план), сопровождаемое показом слайдов; б) ИВКТ компетенция (видеообщение перед видеокамерой; применение ПО для осуществления устной веб-коммуникации в видеоаудиоформате; преобразование информации для профессионально значимого видеообщения в устной форме);
- *селфи-видеорезюме, селфи-видеоавтобиография* – представление информации о себе для профессиональных целей (поступление на работу, на учебу) и т.д.; повышение персонализации и доверия к информации – информационно коммуникативный план видеообщения (ДиПОСАВО) в устной форме;
  - *синхронное видеointервью* – по скайпу; *асинхронное селфи-видеоинтервью* – в форме асинхронного диалога – вопросы (интервьюера) и ответы (интервьюируемого), представление информации о себе; ответы на перечисленные вопросы анкеты (вопросы могут быть представлены в письменной форме);
  - *асинхронная селфи-видеореклама, селфи-видеопредставление информации и ответные отзывы, комментарии, вопросы, выражение благодарности и т.д.* – представление профессионально значимой информации, реклама своей продукции, деятельности (например, политической во время участия в избирательной компании) и т.д.; повышение персонализации и доверия к информации, ведение асинхронного видео-диалога, видео-дебатов;
  - *асинхронное селфи-видеоприглашение, селфи-видеопредложение; селфи-видеообъявление* (к участию в совместной деятельности, например, в конференции, конкурсе и т.д.) и *ответные реплики, комментарии, вопросы, уточнения, выражение благодарности и т.д.* ведение асинхронного видеодиалога;
  - *селфи-видеоответ, селфи-видеокомментарий, селфи-видео как ответная реплика: выражение благодарности, уточнение*

информации и т.д. – выражение благодарности, подтверждение получения информации, положительный / отрицательный ответ (например, согласие участвовать в конференции), уточнение информации (например, времени начала заседания) и т.д.

Перечисленные селфи-видео могут быть использованы как отдельные видеозадания, так и в составе *дистанционно аудиторных профессионально ориентированных ролевых игр* (ДАПОРИ) как их дистанционная часть.

ДАПОРИ служат для обучения профессионально ориентированному общению и видеообщению в устной форме и проходят в дистанционно аудиторной (смешанной) форме по алгоритму ротационной модели последовательного чередования. Во время проведения ДАПОРИ обучаемым присваиваются различные роли для осуществления профессионально ориентированной межкультурной иноязычной устной коммуникации и веб-коммуникации в видеоаудиоформате в профессионально значимых ситуациях общения и видеообщения максимально приближенных к реальным [4, с. 1470–1481].

Кроме того, селфи-видео любых видов могут применяться для командных *онлайн видеопроектов* и ведения *дистанционных видеоблогов* (англ. *v-log*), значимых для осуществления эффективной профессиональной межкультурной иноязычной веб-коммуникации (в том числе в социальных сетях). Такие командные *видеопроекты* и *видео-блоги* удобны для обучения автономному или частично автономному (под руководством преподавателя) профессионально ориентированному видеообщению (ДиПОСАВО) в устной форме, взаимодействия с членами команды и с широкой аудиторией участников общения и видеообщения (на свободном уровне владения иностранным языком; при переходе с В2 на С1 и выше).

Как показало экспериментальное обучение студентов политологов и международных, использование дистанционных селфи-

видеозаданий «селфи-видео» на занятиях по английскому языку способствует созданию *условий* для применения и обучения новым способам *представления и восприятия информации*: устной речевой иноязычной веб-коммуникации в видеоаудиоформате. Применение селфи-видеозаданий различных видов повышает эффективность обучения говорению и общению на иностранном языке, формирует и развивает умения *дистанционного профессионально ориентированного синхронно асинхронного видеообщения* (ДиПО-САВО) *в устной форме и информационной видео-коммуникационной технологической (ИВКТ) компетенции*.

Список литературы

1. Бовтенко М.А. Учебные материалы для формирования лингвистической составляющей информационно-коммуникационной компетенции преподавателя иностранного языка // Межкультурная коммуникация: лингвистические и лингводидактические аспекты: Сборник статей / Ответственный редактор и составитель М.А. Бовтенко. Новосибирск: Из-во НГТУ, 2010. С. 221–229.
2. Бовтенко М.А. Структура и содержание информационно-коммуникационной компетенции преподавателя русского языка как иностранного: дис. ... доктора пед. Наук. М., 2006. 481 с.
3. Филиппова И.О. Асинхронные онлайн видеозаписи в дистанционном обучении монологической речи // Материалы XLIII Межд. филологич. конф: Современные проблемы лингводидактики и методики преподавания. СПб.: СПбГУ, 2014. С. 27–32.
4. Филиппова И.О. Дистанционно аудиторные профессионально ориентированные ролевые игры (ДАПОРИ) для обучения общению и видеообщению в устной форме // В мире научных открытий. Красноярск: Научно-инновационный центр, 2015. № 11.4 (71). С. 1470–1481.
5. Филиппова И.О. Имитативнопрактическое асинхронное онлайн видеозадание «имитативное видеопроговаривание» для обучения

- говорению и фонетическому оформлению речи // В мире научных открытий. Красноярск: Научно-инновационный центр, 2014. №11.5 (59). С. 1744–1759.
6. Филиппова И.О. Роль информационной видео-коммуникационной технологической (ИВКТ) компетенции при обучении профессионально-ориентированному (видео)общению на иностранном языке // В мире научных открытий. Красноярск: Научно-инновационный центр, 2015. № 3.3 (63) . С. 1660–1675.
7. Warshauer M. Reconceptualizing the Digital Divide. 2002. URL: <http://firstmonday.org/article/view/967/888/> (дата обращения: 12.02.2016).

References

1. Bovtenko M.A. *Uchebnye materialy dlja formirovanija lingvisticheskoj sostavljajushhej informacionno-kommunikacionnoj kompetencii prepodavatelja inostrannogo jazyka* [Intercultural communication: linguistic and methodological aspects]. Novosibirsk, 2010, pp. 221–229.
2. Bovtenko M.A. *Struktura i sodержanie informacionno-kommunikacionnoj kompetencii prepodavatelja russkogo jazyka kak inostrannogo* [Information and communications technology structure and substance]: DPhil, M., 2006. 481 p.
3. Filippova I.O. Asinhronnye onlajn videozapisi v distancionnom obuchenii monologicheskoi rechi [Asynchronous online video recordings for distance language teaching]. *Materials of the XLIII international philological conference*. SPb.: SPbGU, 2014, pp. 27–32.
4. Filippova I.O. Distancionno auditornye professional'no orientirovannye rolevye igry (DAPORI) dlja obuchenija obshheniju i videoobshheniju v ustnoj forme [Distance – In Class Role Playing Blend for ESP Spoken Communication and Video Communication Learning and Teaching]. *In the World of Scientific Discoveries*. 2015. № 11.4 (71), pp. 1470–1481.

5. Filippova I.O. Imitativnoprakticheskoe asinhronnoe onlajn videozadanie «imitativnoe videoprogovarivanie» dlja obuchenija govoreniju i foneticheskomu oformleniju rechi [Asynchronous online video tasks for practical imitation of pronunciation]. *In the World of Scientific Discoveries*. 2014. №11.5 (59), pp. 1744–1759.
6. Filippova I.O. Rol' informacionnoj video-kommunikacionnoj tehnologicheskoy (IVKT) kompetencii pri obuchenii professional'no-orientirovannomu (video)obshheniju na inostrannom jazyke [Role of information and video communication technology skills for the purpose of communicative language online learning and teaching]. *In the World of Scientific Discoveries*. 2015. № 3.3 (63), pp. 1660–1675.
7. Warshauer M. *Reconceptualizing the Digital Divide*. 2002 [Reconceptualizing the Digital Divide. 2002]. <http://firstmonday.org/article/view/967/888/>. (date accessed: 12.02.2016).

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Филиппова Ирина Олеговна, старший преподаватель кафедры английского языка для факультета международных отношений
*Санкт-Петербургский государственный университет
Смольный проезд 1/3, подъезд № 8, г. Санкт-Петербург,
191060, Российская Федерация
irina.filippova_@mail.ru*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Filippova Irina Olegovna, Senior Lecturer, Department of English Language for the School of International Relations
*St. Petersburg State University
Smolnyi proezd 1/3, entrance # 8, St. Petersburg, 191060, Russian Federation
irina.filippova_@mail.ru*

DOI: 10.12731/2077-1770-2016-2-194-204

УДК 811.111

**СПЕЦИФИКА АНГЛИЙСКИХ
СУЕВЕРНЫХ ЗНАКОВ-ПРОЦЕССИВОВ С ЛЕКСЕМАМИ,
НОМИНИРУЮЩИМИ ДЕТАЛИ ОДЕЖДЫ**

Халева С.А.

В статье рассматриваются особенности и механизмы действия принципа зеркальной симметрии для знаков-процессивов английского суеверного дискурса. Материалом для исследования послужили английские суеверия с лексемами, номинирующими детали одежды. Автор делает попытку объяснения механизмов, регламентирующих коммуникативно-прагматическое поведение представителей английской лингвокультуры, исходя из структуры словосочетаний-сигнификатов, культурного контекста и современной национально-культурной установки.

***Ключевые слова:** лингвосемиотика; суеверие; одежда; знак-процессив; конструкция – сигнификат.*

**PARTICULAR ASPECTS OF ENGLISH SUPERSTITIOUS
PROCESSIVE SIGNS WITH LEXEMES NOMINATING
ITEMS OF CLOTHING**

Khaleeva S.A.

The article presents certain features and mechanisms of the reflection principle within English superstitious processive signs. English clothing superstitions served as the research data for the study.

The author makes an attempt to explain regulatory mechanisms of the communicative-pragmatic behavior typical for English culture, taking into consideration the structure of the significative word-collocations, possible meaning-making cultural context and national-cultural attitude.

Keywords: *linguistic semiotics; superstition; clothing; processive sign; significative word-collocation.*

Являясь неотъемлемой частью любой национальной культуры, суеверные приметы не просто транслируют те или иные культурные традиции, но, в первую очередь, выступают в роли «посредника» между национально-культурными стереотипами сознания, определяющими алгоритм формирования соответствующих моделей поведения, и знаковой деятельностью, порождающей определенные культурные коды. Вся система суеверных знаков подчинена сложным механизмам «культурной» памяти, в основе которых, зачастую, лежит абсолютизирующий понимание архетипический опыт мировосприятия, блокирующий любые попытки и возможности иного понимания. Тем не менее, анализ основных семиотических принципов функционирования и структурных элементов входящих в эту систему знаков, может помочь сделать выводы о ценностных доминантах культуры в целом.

Поскольку лингвосемиотическая информация, заключенная в системе языковых знаков суеверного дискурса, представляет собой неотъемлемую часть культурного кода, а «продукт» декодирования этих знаков лежит в основе построения коммуникативно-прагматического поведения представителей любой культуры, нас заинтересовал вопрос, какие именно структурные элементы суеверных знаков обеспечивают действие так на-

зываемого «закона зеркальной симметрии». Именно этот закон Ю.М. Лотман рассматривает как «один из основных структурных принципов внутренней организации смыслопорождающего устройства» [3, с. 24].

Настоящее исследование является попыткой проследить механизмы создания формулы зеркальной симметрии вербальных знаков, исходя из следующих параметров: структура словосочетания – сигнификата, культурный контекст (включая возможные прототипические, социальные, гендерные и территориальные характеристики) и современная национально-культурная установка. С этой целью была проведена процедура отбора английских суеверий с опорными лексемами, номинирующими различные детали одежды, из таких источников как «A Dictionary of Superstitions» (I. Opie, M. Tatem) [7], «A Dictionary of Omens and Superstitions» (P. Waring) [10], «Dictionary of Superstitions» (D. Pickering) [8], «The Encyclopedia of Superstitions» (R. Webster) [11], «A Pocket Guide to Superstitions of the British Isles» (S. Roud) [9], «Old wives' tales» (S. Castle) [6] и др.

Наш выбор данной группы суеверий был сделан, во-первых, в силу специфики самой одежды, как категории объектов, сочетающих в себе знаковые и незнаковые функции: при основном утилитарном значении (защищать тело человека), она одновременно способна отражать гендерные, возрастные, социальные, региональные, профессиональные, религиозные, поведенческие и т.д. характеристики, т.е. является так называемой культурной естественной семиотикой [4, с. 231]. Во-вторых, знаки-процессивы именно этой группы наиболее наглядно демонстрируют интересующий нас принцип обратного или неправильного порядка как части «закона зеркальной симметрии» [5]. Под процессивами мы понимаем знаки, «денотирующие действия, связанные с одеждой» [1, с. 192].

Таблица 1.

**Линвосомиотика конструкций-сигнификатов
с фразовым глаголом *to put on***

конструкция – сигнификат	культурный контекст	субъект / группа	национально- культурная уста- новка
to put clothes on inside out / back to front / over feet (рус. надеть одежду наизнанку/ задом наперед/ через ноги)	Случайно одетая наизнанку одежда принесет удачу, но она должна оставаться на вас до кон- ца дня, чтобы не навлечь беду. Когда ребенка одевают в первый раз, нельзя это делать через го- лову, одежду надо надевать толь- ко через ноги.	обще- употр.	LUCKY (рус. к удаче)
to put an apron on back to front (рус. надеть за- дом наперед)	Если случайно надеть фартук за- дом наперед, это принесет удачу. Если в плохой день перевернуть фартук задом наперед, дела пойдут хорошо.	жен- щины	LUCKY
to put a sweater on back to front (рус. надеть свитер задом наперед)	Если случайно надеть свитер задом наперед, надо доносить его так до конца дня, чтобы не упустить удачу.	обще- употр.	LUCKY
to put a shirt on back to front (рус. надеть ру- башку задом на- перед)	Если случайно надеть рубашку задом наперед, это принесет удачу.	обще- употр.	LUCKY
to put a shirt on wrong side out (рус. надеть рубашку наизнанку)	Надетая наизнанку рубашка (блуз- ка) принесет удачу мужу в море. Если носить рубашку наизнанку, это поможет, если феири захо- тят сбить вас с пути истинного	жены рыба- ков обще- употр.	LUCKY LUCKY

Окончание табл. 1

to put underwear on inside out (рус. белье наизнанку)	Если у вас неудачный день, можно вернуть удачу, надев нижнее белье наизнанку.	общепотр.	LUCKY
to put a sock on inside out (рус. надеть носок наизнанку)	Если случайно надеть носок наизнанку, это принесет удачу.	общепотр.	LUCKY
to put a hat on the wrong way round (рус. надеть шляпу задом наперед)	Если надеть шляпу задом наперед, – это принесет неудачу на весь день, избежать которую можно, только если купить новую шляпу. Шляпа (кепка), надетая задом наперед, помогает выиграть.	общепотр. спортсмены	UNLUCKY (рус. к неудаче) LUCKY

Основная группа отобранных нами процессивов – это конструкции-сигнификаты с фразовым глаголом *to put on* (рус. надевать) (*здесь и далее перевод наш – С.Х.*), в которых оппозиция смыслов «правильно-хорошо» / «неправильно-плохо» переходит в зеркальную плоскость «неправильно – хорошо», а точнее «*inside out / back to front / over feet* (рус. наизнанку / задом наперед / через ноги)» – «*Lucky* (рус. к удаче)». Однако нельзя не отметить строгую регламентированность вариантов опорных для этих конструкций лексем. Это, в первую очередь, обобщающая для данной категории лексема «clothes» (рус. одежда), а также «sweater» (рус. свитер), «shirt» (рус. рубашка), «sock» (рус. носок), «hat» (рус. шляпа), «underwear» (рус. нижнее белье), «apron» (рус. фартук) (см. Таблицу 1). Входящие в группу процессивы структурно представлены глагольными словосочетаниями с беспредложным объектным дополнением и адвербиальным словосочетанием в расширении (Vt N N p): *to put clothes on inside out / to put clothes*

on back to front / to put clothes on over feet (рус. надеть одежду наизнанку/ задом наперед/ через ноги); *to put a sweater on back to front* (рус. надеть свитер задом наперед); *to put a shirt on back to front* (рус. надеть рубашку задом наперед); *to put a shirt on wrong side out* (рус. надеть рубашку наизнанку); *to put an apron on back to front* (рус. надеть задом наперед); *to put underwear on inside out* (рус. надеть белье наизнанку); *to put a hat on the wrong way round* (рус. надеть шляпу задом наперед).

Помимо структурного-семантического сходства и общей национально-культурной установки среди проанализированных процессивов с фразовым глаголом *to put on* была выявлена некоторая специфика культурного контекста. Как видно из таблицы, конструкции-сигнификаты *to put an apron on back to front* (рус. надеть задом наперед) и *to put a shirt on wrong side out* (рус. надеть рубашку наизнанку) приобретают свое значение в гендерно-обусловленном культурном контексте и могут рассматриваться в качестве исключительно «женских» суеверий. Необходимо отметить, что именно в этих конструкциях нарушен семиотически значимый принцип случайности, поскольку женщина может «привлечь» удачу, намеренно перевернув фартук задом наперед, или обеспечить удачный улов мужу-рыбаку, надев рубашку наизнанку, в то время как в большинстве других примеров важно, чтобы действие произошло именно случайно. Исключением в соблюдении «закона зеркальной симметрии» в группе процессивов с фразовым глаголом *to put on* являются суеверия, связанные со шляпой, для которых принцип «неправильно–плохо» остается в смыслоопределяющим: *to put a hat on the wrong way round* (рус. надеть шляпу задом наперед) – *Unlucky* (рус. к неудаче). Правда, в современном варианте данного суеверия, распространенном в рамках профессиональной группы «спортсмены», это противосто-

речие перестает быть актуальным, поскольку национально-культурная установка *Lucky* (рус. к удаче) становится единой для всей группы: шляпа (кепка), надетая задом наперед, помогает выиграть.

Во вторую группу процессивов с лексемами, номинирующими детали одежды, были отнесены конструкции-сигнификаты, основные элементы которых находятся в предикативной связи (в функции подлежащего и сказуемого): *apron comes untied* (рус. фартук развязывается), *apron falls off* (рус. фартук спадает), *underwear slips down* (рус. белье спадает), *underwear rides up* (рус. белье перекручивается), *stockings curl up* (рус. чулки скатываются) (см. Таблицу 2). Именно такой вид синтаксической связи наделяет их своеобразной «самостоятельностью» значения и позволяет соответствовать одному из главных принципов культурного кода большинства английских суеверий – «непричастности» человека и его желаний к явлениям, возникающим в силу различных внешних факторов, которые он не в силах предугадать и избежать. Действия, обозначенные глаголами *to come untied* (рус. развязаться), *to fall off* (рус. упасть), *to slip down* (рус. сползть), *to ride up* (рус. перекрутиться), *to curl up* (рус. скататься), подразумевают самостоятельное изменение статуса вещи (в данном случае фартука, белья или чулок) – переход в нарушенную, неправильную, «зеркальную» позицию.

Помимо особенностей структуры, важную роль играет культурный контекст функционирования процессивов данной группы. В первую очередь, это строгая гендерная принадлежность, поскольку в качестве «целевой группы» выступают исключительно женщины. Причем интерпретация нарушения «правильного» порядка внутри знаков-процессивов и формирование национально-культурной установки зачастую зависит от их социального статуса (замужем или нет). Например, конструкции *apron comes*

untied и *apron falls off* в рамках группы «незамужние женщины» выступают в качестве предвестника удачи (о девушке думает тот, кто в нее влюблен / ее кто-то сильно любит) с установкой *Lucky*, в то время как для группы «замужние женщины» контекст полностью меняет полярность (кто-то сильно разозлит женщину / предвестник предстоящей беды).

Таблица 2.

Лингвосемиотика конструкций-сигнификатов с предикативной связью (с лексемами «*apron*», «*underwear*» и «*stockings*»)

конструкция – сигнификат	культурный контекст	субъект / группа	национально-культурная установка
apron comes untied (рус. фартук развязывается)	Кто-то сильно разозлит женщину. О ней думает тот, кто в нее влюблен. Ее кто-то сильно любит. О ней кто-то думает.	замужние женщины	UNLUCKY
		незамужние женщины	LUCKY
apron falls off (рус. фартук спадает)	Предвестник предстоящей беды. У женщины родится ребенок в течение 12 месяцев. О ней думает тот, кто в нее влюблен.	замужние женщины	UNLUCKY LUCKY
		незамужние женщины	LUCKY
underwear slips down (рус. белье спадает)	Если у девушки спадает безо всякой причины белье, значит, она думает о своем возлюбленном.	незамужние женщины	LUCKY
underwear rides up (рус. белье перекручивается)	Если у девушки во время сна перекрутилось белье (например, ночная сорочка), значит, о ней вспоминает ее возлюбленный.	незамужние женщины	LUCKY

Окончание табл. 2

stockings curl up (рус. чулки скатываются)	Если постиранные чулки скатываются во время сушки, – это предвестие счастья и новой любви.	незамужние женщины	LUCKY
---	--	-----------------------	-------

Таким образом, можно утверждать, что в рассмотренных нами английских суеверных знаках-процессивах с лексемами, номинирующими детали одежды, означивание интересующих нас элементов происходит лишь в конкретном культурном контексте под воздействием ряда гендерных и социально-детерминированных факторов, в рамках устойчивых конструкций-сигнификатов. Будучи носителями культурных кодов, они регламентируют коммуникативно-прагматическое поведение представителей английской лингвокультуры в соответствии с «законом зеркальной симметрии».

Список литературы

1. Воробьева С.В. Лингвосемиотика средневековой одежды // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2011. № 2 (45). С. 191–195. URL: www.gramota.net/materials/1/2011/2/67.html (дата обращения: 25.02.2015).
2. Данези М. Прикладные аспекты семиотики [пер. с англ. Л. А. Харламовой, под ред. С. Г. Проскурина] // Критика и семиотика. Вып. 12, 2008. С. 135–154. URL: http://www.philology.nsc.ru/journals/kis/pdf/CS_12/cs012danezi.pdf (дата обращения: 25.02.2015).
3. Лотман Ю.М. О семиосфере // Статьи по семиотике и топологии культуры. Избранные статьи в трех томах. Том I. Таллинн: Александра, 1992. URL: http://yanko.lib.ru/books/cultur/lotman-selection.htm#_Тoc509600915 (дата обращения: 25.09.2015).

4. Мечковская Н.Б. Семиотика: Язык. Природа. Культура. М.: Издательский центр «Академия», 2004. 432 с.
5. Халеева С.А. Семиотика окон, дверей и порога в английских суевериях и «бабушкиных сказках» // Этносоциум и межнациональная культура, № 1 (67). М: Этносоциум, 2014. С. 165–171.
6. Castle S. Old wives' tales. N.Y.: Globe Communications Corp, 1999. 97 p.
7. Opie I., Tatem M. A dictionary of superstitions. N.Y.: Oxford University Press, 2005. 494 p.
8. Pickering D. Dictionary of superstitions. London: Cassel, 1995. 294 p.
9. Roud S. A pocket guide to superstitions of the British Isles. London: Penguin Books, 2004. 277 p.
10. Waring P. A dictionary of omens and superstitions. London: Souvenir Press Ltd, 1978. 264 p.
11. Webster R. The encyclopedia of superstitions. Woodbury, MN: Llewellyn Publications, 2008. 322 p.

References

1. Vorob'eva S.V. *Al'manakh sovremennoy nauki i obrazovaniya* [Almanac of modern science and education]. Tambov: Gramota, 2011. № 2 (45). pp. 191–195. <http://www.gramota.net/materials/1/2011/2/67.html> (accessed February 25, 2015).
2. Danezi M. *Kritika i semiotika* [Criticism and semiotics] Ed. 12, 2008. pp. 135–154. http://www.philology.nsc.ru/journals/kis/pdf/CS_12/cs-012danezi.pdf (accessed February 25, 2015).
3. Lotman Y.M. *Stat'i po semiotike i topologii kul'tury* [Articles on semiotics and culture topology], Vol 1. Tallinn: Aleksandra, 1992. http://yan-ko.lib.ru/books/cultur/lotman-selection.htm#_Toc509600915 (accessed February 25, 2015).
4. Mechkovskaya N.B. *Semiotika: Yazyk. Priroda. Kul'tura* [Semiotics: Language. Nature. Culture]. М.: Akademiya, 2004. 432 p.

5. Khaleeva S.A. *Etnosotsium i mezhnatsional'naya kul'tura* [Ethnosocium and ethnic culture], № 1 (67). M: Etnosotsium, 2014, pp. 165–171.
6. Castle S. *Old wives' tales*. N.Y.: Globe Communications Corp, 1999. 97 p.
7. Opie I., Tatem M. *A dictionary of superstitions*. N.Y.: Oxford University Press, 2005. 494 p.
8. Pickering D. *Dictionary of superstitions*. London: Cassel, 1995. 294 p.
9. Roud S. *A pocket guide to superstitions of the British Isles*. London: Penguin Books, 2004. 277 p.
10. Waring P. *A dictionary of omens and superstitions*. London: Souvenir Press Ltd, 1978. 264 p.
11. Webster R. *The encyclopedia of superstitions*. Woodbury, MN: Llewellyn Publications, 2008. 322 p.

ДАнные ОБ АВТОРЕ

Халеева Светлана Анатольевна, доцент кафедры экспериментальной лингвистики и межкультурной компетенции, кандидат филологических наук, доцент

Пятигорский государственный лингвистический университет

пр. Калинина, 9, г. Пятигорск, 357532, Российская Федерация

sve-khaleeva@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Khaleeva Svetlana Anatolevna, Associate Professor of the Chair of Experimental Linguistics and Cross-Cultural Competence
Pyatigorsk State Linguistic University

9, Kalinin Avenue, Pyatigorsk, 357532, Russian Federation

sve-khaleeva@yandex.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2016-2-205-217

УДК 81-115 81'371

КОННОТАТИВНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «НОС» В АНГЛИЙСКОМ И ТАТАРСКОМ ЯЗЫКАХ

Хисматуллина Л.Г., Гарифуллина Д.Б.

Статья нацелена на теоретическое осмысление и практическое освещение связи языка и культуры, репрезентируемые национально-культурными коннотациями. Изучение национально-культурных коннотаций представляет собой наиболее эффективный способ выявления культурно-значимой информации, которая является одним из критериев определения уровня владения языком и востребованным условием межкультурной коммуникации. В статье впервые исследованы лексико-семантические группы английского 'nose' и татарского «борын», детально описаны коннотативные значения единиц исследуемых групп, выявлены эквивалентные пары. Применение метода сопоставительного анализа позволило продемонстрировать близость и дистантность в антропологическом, когнитивном, ассоциативном, эмоционально-оценочном фонах данных языков. Материалы статьи могут быть полезны для исследователей, работающих в области контрастивной и когнитивной лингвистики, сопоставительной типологии разноструктурных языков, а также при разработке двуязычных лексикографических словарей и в практике изучения английского языка как иностранного.

Ключевые слова: коннотативное значение; национально-культурная коннотация; сопоставительный анализ; языковая картина мира.

**CONNOTATIVE MEANINGS
OF THE 'NOSE' LEXICAL-SEMANTIC GROUP
IN THE ENGLISH AND TATAR LANGUAGES**

Khismatullina L.G., Garifullina D.B.

The paper is aimed at theoretical interpretation and practical description of the language and culture interrelationship represented by national and cultural connotations. National and cultural connotations analysis is thought to be one of the most efficient means to identify culturally significant information which is one of the criteria used to appraise the language acquisition level as well as a desirable advantage in cross-cultural communication. The paper is the first attempt to carry out an in-depth research into the 'nose' lexical-semantic group of the English language and the 'boryn' lexical-semantic group of the Tatar language. It defines the connotative meanings of the lexical units, pinpoints the counterparts in the above-mentioned groups. The comparative analysis method enables us to determine proximity and distance in the anthropological, cognitive, associative, emotional and evaluative backgrounds of these languages. The paper findings may be useful for researchers who deal with contrastive and cognitive linguistics, typology of non-related languages, lexicography and may help those who study English as a foreign language.

Keywords: *connotative meaning; national and cultural connotation; comparative analysis; conceptual picture of the world.*

Слово как основная единица языка отражает связь языка, мышления и внеязыковой действительности. Признавая существование связи языка и культуры, Е.Ф. Тарасов отмечает, что язык есть часть культуры, так как «тело» знака (означающее) яв-

ляется культурным предметом, значение знака – это также культурное образование [6, с. 109].

Лексико-семантические системы разных языков обладают несхожими элементами, своеобразной национально-специфической информацией; так как две национальные культуры никогда не совпадают полностью, каждая культура состоит из национальных и интернациональных единиц [1, с. 67]. Как считает О.А. Козырева, в основе семантических систем разных языков лежат понятийные системы, сформированные в сознании представителей той или иной лингвокультурной общности [3, с. 25]. Свойственные каждому народу реалии культуры, образа жизни, особенностей восприятия мира находят отражение в языке, прежде всего, в виде языковых обозначений данных специфических элементов цивилизации, несущих культурный отпечаток (национальных словесных образах) [5, с. 17].

С лингвострановедческой точки зрения теории слова принято делить лексические единицы на те, в которых культурно-значимая информация содержится в денотативном аспекте значения, и те, в которых культурно-значимая информация концентрируется в коннотативном аспекте значения [7, с. 235]. Подобный подход согласуется с принципами когнитивистики, применяемыми при описании семантики слова, т.е. денотативный аспект значения рассматривается как типовой образ класса предметов и явлений в сознании носителей языка. Коннотативный аспект это интерпретация или дополнение денотативного аспекта разнообразными сведениями: ассоциативно-фонового, эмпирического, культурно-исторического или мировоззренческого характера [7, с. 107].

Национально-культурная коннотация представляет собой соотнесение языковых значений с тем или иным культурным кодом, которым владеют представители определенной лингвокультурной

общности. Как подчеркивает О.А. Кобозева, коннотация включает в себя отсылку не к индивидуальному пользователю знака – говорящему, а к языковому коллективу (который в этом случае можно определить как «национально-культурную общность») [2, с. 92].

Владение культурными коннотациями слов является одним из критериев предпочтительного уровня владения языком и одним из условий межкультурной коммуникации [4, с. 5]. Однако отдельных помет для подобного рода коннотации в словарях нет; их незнание в результате может привести к «культурно-коннотативной лингвострановедческой интерференции» в коммуникативном акте, а также трудностям при переводе с языка на язык, где требуется сохранение образности, эмоциональности, художественно-стилистической специфики неродного языка.

Таким образом, актуальность изучения национально-культурных коннотаций продиктована необходимостью осмысления и исследования особенностей семантико-стилистического отражения национальной «картины мира» в языке и речи, определения степени соотношения и расхождения культурных кодов представителей разных национальностей и этносов.

Настоящая статья посвящена сопоставительному анализу национально-культурных коннотации на примере ЛСГ ‘nose’ английского языка и «борын» татарского языка. Согласно словарным определениям (Татар теленең анлатмалы сүзлеге (2005), Longman Dictionary of Contemporary English. (2009), Merriam Webster Online) английское слово ‘nose’ и татарское «борын» можно считать эквивалентными: они обозначают часть лица, отвечающую за дыхание и обоняние, играющую роль фильтра и резонатора голоса.

Tina wrinkled her nose as if she was smelling bad meat [18, с. 1187]. – Тина сморщила свой нос, как будто услышала запах испорченного мяса.

Шул вакыт Гөлнурның борыны тагын да тәмлерәк хуш ис тойгандай булды [13, с. 46]. – В тот момент Гульнур показалось, что она слышала еще более вкусный запах.

Изучение коннотативных значений данной лексико-семантической группы свидетельствует о том, что они часто ассоциируются с самой формой носа на лице; данная часть лица не плоская, а выдается вперед. Так, например, в обоих языках говорят о носовой части лодки/корабля или самолета.

We kept it in the *nose* of the boat, and, from there, it oozed down to the rudder, impregnating the whole boat and everything in it on its way... [15, с.27]. – Мы держали ее (керосинку) в *носковой части* лодки, керосин протекал на рулевую часть лодки, наполняя ее и все, что попадалось на пути.

Дулкынны көймә *борыны* белән кисеп барырга кирәк, югыйсә, бәла чыгасын көт тә тор [10]. – Надо рассекать волны *носом* лодки, иначе может случиться непоправимое.

В татарском языке это еще и выдающаяся вперед, острая часть какого-либо предмета, часто инструмента или посуды: *соскыч борыны, борыны китек балта, комган борыны, чайник борыны, самовар борыны*. В английском языке отсутствуют эквиваленты в данном значении.

И в татарском, и в английском языках *nose / борын* ассоциируются с самим человеком. Например, выражение *count noses* означает подсчет голосов при голосовании, то есть сколько человек и как сделали свой выбор.

Legislative floor whips were counting *noses*, but no one could predict the final outcome through most of the day yesterday [17]. – Избирательная комиссия подсчитывала *голоса*, но до конца вчерашнего дня никто не мог предсказать исход событий.

В татарском языке ему соответствует выражение *борын башына*, что означает каждому (человеку).

Дөресен айткәндә, без инде кичә аның исәнлегенә Ногман белән *борын башына* йөз иллешәрне төшереп тә алдык [12, с. 181]. – Честно говоря, мы уже вчера с Нугманом выпили за его здоровье по сто пятьдесят *каждый*.

В отличие от английского *nose* татарский *борын* обозначает человека, который составляет компанию при распивании спиртных напитков, любителя выпить.

«Әйдә, агай, *ике борынга* жибәрик эле,» – дип, Жаббаров, кырлы стаканнарны тутырып, аракы салды [8, с.35]. – «Айда, дружище, *сообразим на двоих*,»– сказал Джабаров, наполнив до краев граненные стаканы водкой.

Эквивалентны выражения *under smb's nose* и *борын төбөндә/астында*, описывающие что-то очень близкое, рядом.

If she struck me with that rod, I should get it from her hand; I should break it *under her nose* [14, с. 25]. – Если бы она ударила меня этой палкой, я бы вырвала ее из её рук и сломала бы прямо перед её носом.

Күзләренне зуррак ачып кара!? Эңә *борын төбөндә* генә бит! [12, с.181] – Глаза раскрой! Прямо под носом ведь!

Большинство выражений в исследуемой ЛСГ являются стилистически маркированными и демонстрируют отрицательную оценочность. Например, выражения *nose in the air/look down (turn up) your nose at smb* и *борын күтәрү (чюю)* являются предосудительными, говорят о высокомерном человеке, а характерный только для татарского языка «*Борыныңны бик күтәрмә, чиләк / көянтә элеп куярлар*» звучит даже как предупреждение о том, что человека могут проучить или указать ему на то, кто он есть на самом деле.

The idea of supposing that young cub Soames could give him advice! He had always been a cub, with *his nose in the air!* [16, с. 33]. – Эта

мысль, что молодой Соамс мог давать ему советы! Он всегда был щенком, *задирающим свой нос!*

АКШ үзен демократик дәүләт дип *борын чөйсә* дә, күренүенчә, гражданнарының теләгенә бик үк игътибар итеп бармый [9]. – Хоть США и кичатся своим демократизмом, они не очень то принимают во внимание желание своих граждан.

Дус саналган кыз-кыркын шатланыр инде, *чөлгән борынына көянтә элгәннәр*, дияр [8, с. 223]. – Так называемые подружки будут радоваться услышав, что кто-то проучил её.

Отрицательно маркированные *poke/put/stick one's nose into smb's affairs* и *борын тыгу* также являются своего рода проявлением недовольства и поучения, вызванного вмешательством в чужие дела.

She always has to stick her nose into matters that do not concern her [18, с.1187]. – Она всегда сует свой нос в дела которые ее не касаются.

Бала-чагасына кадәр зурлар эшенә *борынын тыгып* йөри [12, с. 181]. – И дети туда же, суют свои носы во взрослые дела.

Предостережение от вмешательства в чужие дела передают также *борын астыңны бел* и *keep one's nose out of smth*. Однако татарское выражение выступает как резкое и грубое замечание, тогда как английское *keep one's nose out of smth* является просьбой.

Халыкның чапан-чалмаларын тикшергәнче, үзеңнең *борын астыңны* гына тикшерсәң, мең мәртәбә артык булыр иде [12, с. 181]. – Лучше бы ты посмотрел на себя прежде чем проверять кто во что одет.

Помимо выше перечисленного, в ходе исследования были выявлены и характерные для обоих языков выражения. В татарском языке имеются такие фразеологические единицы как *борынга ис керү* – повзрослеть, начать взрослую жизнь, которое используется для описания подростков; *борын (асты) кипмәгән/юеш борын*, часто ассоциируемый с маленькими детьми; *борын белән боз тишү*,

демонстрирующее целеустремленных, уверенных в себе людей; *борын төртөр урын булмау*, передающее значение «мало места» (яблоку негде упасть); *борын салу (салындыру, төшерү)* – «обидеться, нос повесить»; *борын аша (астыннан, аркылы, эченнән)* – 1) нехотя, выражая недовольствие; 2) говорить не ясно/в полголоса, бормотать; *борын чайнәшү* – драться, ругаться и т.д.

Борынга кызлар исе керә башлаган чак... [11, с. 47] – Это было время, когда я начал интересоваться девушками (досл.чувствовать запах женщин).

Алтын погонлы булса да, *борын асты кипмәгән* малай гына ич ул [13, с. 163]. – Хоть и были у него золотые погоны, он еще был не оперившимся птенцом.

Следует отметить многочисленность идиом и фразеологизмов с компонентом *nose* в английском языке: *follow your nose* – довериться своей интуиции; *lead smb. by the nose* – вести кого-либо на поводу, держать кого-либо в подчинении; *be no skin off sb's nose* – не иметь никакого значения; *be (as) plain as the nose on your face* – быть очевидным; *pay through the nose* – заплатить много денег; *turn your nose up* – отказать от чего-либо; *can't see further than the end of your nose* – не видеть дальше своего носа; *rub sb's nose in it* – ткнуть носом; *keep/put your nose to the grindstone* – работать без передышки и т.д.

Исходя из анализа вышеперечисленных примеров, можно утверждать, что коннотативные значения лексико-семантической группы *nose* / *борын* так или иначе исходят из своего денотативного значения. Результаты сопоставительного анализа свидетельствуют о том, что на семантическом уровне обнаруживаются коннотативные совпадения, исходящие от ассоциативного восприятия данного понятия, которые продемонстрированы в таблице ниже.

Соотнесенность с действительностью	Коннотативные значения	Татарский язык	Английский язык
Вещь	передняя часть, выдающаяся вперед часть	<i>көймэборыны</i> – нос (лодки); <i>чэйнек борыны</i> – носик чайника	<i>the nose of the boat</i> – нос (лодки)
	нечто находящееся рядом, очень близко	<i>борын төбендә/ астында</i> – под носом	<i>under smb's nose</i> – под носом
Человек	принятие участия в каком-то действии	<i>борын башына (салдык)</i> – на человека (выпили)	<i>countnoses</i> – подсчитывать голоса, присутствующих
	проявление высокомерия	<i>борын күтәрен</i> – сввысока, горделиво; <i>борын күтәру (чөю)</i> – задира́ть нос	<i>nose in the air</i> – воображала; <i>look down (turn up) your nose at smb</i> – смотреть сввысока на кого-л.
	вторжение в чьи-либо отношения, дела	<i>борын тыгу</i> – совать нос; <i>борын астыңны бел/тикиер</i> – чем замечать соломинку в чужом глазу, лучше убери бревно из своего (неодобр.)	<i>poke/put/stick one's nose into smb's affairs</i> – совать нос; <i>keep one's nose out of smth</i> – не совать свой нос (просьба)
	речевые особенности	<i>борын аша (астыннан, аркылы, эченнән)</i> –2) говорить не ясно/в полголоса, бормотать	<i>speak through the nose</i> – говорить в нос
	агрессивное поведение	<i>борын чәйнәшү</i> – драться, ругаться	<i>get someone's nose out of joint</i> – рассердитького-либо, <i>bite somebody's nose off</i> – огрызаться

Как видно из таблицы, в татарском и английском языках большинство единиц исследуемой ЛСГ обозначают поведенческие атрибуты, особенности характера человека, отношение к окружающим. Совпадения коннотативных значений указывает на значительные сходства в национальных представлениях татарского и английского народов самого понятия *pose / борын*. Будучи выступающей частью лица, «нос» часто ассоциируется с нежелательным вмешательством в чужие дела, надменным поведением, высоким самомнением, склонностью к агрессии, вызывающие осуждение, резкую критику и негодование татарского и английского народов.

Список литературы

1. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова. М.: Рус. яз., 1980. 320 с.
2. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. М.: «Эдиториал УРСС», 2000. 350 с.
3. Козырева О.А. Когнитивные аспекты исследования лингвокультурологического поля: на материале поля «дом / жилье»: Дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2003. 237 с.
4. Мамонтов А.С. Язык и культура: основы сопоставительного лингвострановедения: Автореф. дис. ... док. филол. наук, 2000. 53 с.
5. Ощепкова В.В. Культурологические, этнографические и типологические аспекты лингвострановедения: Автореф. дис. ... док. филол. наук. М., 1995. 35 с.
6. Тарасов Е.Ф. Язык и культура: методологические проблемы // Язык – культура – этнос / С.А. Арутюнов, В.Н. Багдасаров, В.Н. Белоусов и др. М.: Наука, 1994. С. 105–112.
7. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 288 с.
8. Гыйматдинова Н.М. Үзем генә беләм: повестьлар, хикәяләр. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 2013. 445 с.

9. Зәкиев А. Сугыш кемгә кирәк? // Кызыл Таң, 2013. URL: <http://kiziltan.ru/> (дата обращения: 15.02.2016).
10. Кириллов А. Жилетыгыз булсын // Яшел Үзән, 2012. URL: <http://www.yashel-uzan.ru/> (дата обращения: 12.01.2016).
11. Миңнуллин Т. Өмет: повесть, хикәяләр, юморескалар, уйланулар. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1989. 255 с.
12. Татар теленең аңлатмалы сүзлеге / Под ред. Ф.А. Ганиева. Казан: Матбугат йорты, 2005. 848 с.
13. Хәсәнов М. Саф жилләр: роман-диалогия. Казан: Татар.кит.нәшр., 2007. 368б.
14. Bronte Ch. Jane Eyre. M.: PRESTO, 2000. 160 с.
15. Dictionary and Thesaurus: Merriam-Webster. URL: <http://www.merriam-webster.com/dictionary> (дата обращения: 22.02.2016)
16. Galsworthy J. The Forsyte saga: The man of property. Санкт-Петербург: Каро, 2011. 604 с.
17. Jerome K. Jerome. Three men in a boat. London: CRW Publishing Limited, 2005. 272 p.
18. Longman Exam Dictionary, Pearson Education Limited, 2006. 1833 p.

References

1. Vereshchagin Y.M., Kostomarov V.G. *Lingvostranovedcheskaya teoriya slova* [Linguocultural theory of the word]. Moscow: Russian Language, 1980. 320 p.
2. Kobozeva I.M. *Lingvisticheskaya semantika* [Linguistic semantics]. Moscow: «Editorial URSS», 2000. 350 p.
3. Kozyreva O.A. *Kognitivnye aspekty issledovaniya lingvokulturologicheskogo polya: na materiale polya "dom/zhil'ye"* [Cognitive aspects of the linguacultural field study: based on the field "House / Accommodation"]. Moscow, 2003. 237 p.
4. Mamontov A.S. *Yazyk i kul'tura: osnovy sopostavitel'nogo lingvostranovedeniya* [Language and culture: the basis of comparative linguistic and country studies]. Moscow, 2000. 53 p.

5. Oshchepkova V.V. *Kul'turologicheskie, etnograficheskie i tipologicheskie aspekty lingvostranovedeniya* [Culturological, ethnographic and typological aspects of linguistic and country studies]. Moscow, 1995. 35 p.
6. Tarasov E.F. *Yazyk i kul'tura: metodologicheskie problemy* [Language and culture: methodological problems]. Moscow: Science, 1994, pp. 105–112.
7. Teliya V.N. *Russkaya frazeologiya. Semanticheskie, pragmaticheskie i lingvokulturologicheskie aspekty: Yazyk – kul'tura – etnos* [Semantic, pragmatic and linguocultural aspects]. Moscow: Languages of the Russian Culture, 1996. 288 p.
8. Gyimatdinova N.M. *Uzem gena belam: povest'lar, hikayalar* [Only I know: novels, stories]. Kazan, 2013. 445 p.
9. Zakiev A. *Sugysh kemga kirak?: Kyzyl Tang* [Who wants war?], 2013. <http://kiziltan.ru/> (accessed: February 15, 2016).
10. Kirillov A. *Zhiletgyz bulsyn: Yashel Uzan* [Life jacket]. <http://www.yashel-uzan.ru/> (accessed: January 12, 2016).
11. Minnullin T. *Omet: povest', hikayalar, yumoreskalar, uylanular* [Hope: stories, humoreskes, reflections]. Kazan, 1989. 255 p.
12. *Tatar teleneng anglatmaly suzlege* [The Explanatory Dictionary of Tatar]. Kazan, 2005. 848 p.
13. Hasanov M. *Saf zhillar: roman-dialogiya* [The fresh wind]. Kazan, 2007. 368 p.
14. Bronte Ch. *Jane Eyre*. Moscow: PRESTO, 2000. 160 p.
15. *Dictionary and Thesaurus: Merriam-Webster*. <http://www.merriam-webster.com/dictionary> (accessed: February 22, 2016).
16. Galsworthy J. *The Forsyte saga: The man of property*. St. Petersburg: Karo, 2011. 604 p.
17. Jerome K. Jerome. *Three men in a boat*. London: CRW Publishing Limited, 2005. 272 p.
18. *Longman Exam Dictionary*. Pearson Education Limited, 2006. 1833 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Хисматуллина Люция Гумеровна, старший преподаватель кафедры теории и практики английского языка, кандидат филологических наук

*Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлевская, 18, г. Казань, Республика Татарстан,
420008, Российская Федерация
LGKhismatullina@rambler.ru*

Гарифуллина Диляра Басыровна, старший преподаватель кафедры теории и практики английского языка

*Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлевская, 18, г. Казань, Республика Татарстан,
420008, Российская Федерация
daffodil.77@mail.ru*

DATA ABOUT THE AUTHORS

Khismatullina Lyutsiya Gumerovna, Senior Lecturer, Department of Theory and Practice of English, Ph. D. in Philology

*Kazan Federal University
18, Kremlyovskaya St., Kazan, Republic of Tatarstan, 420008,
Russian Federation
LGKhismatullina@rambler.ru*

Garifullina Dilarya Basyrovna, Senior Lecturer, Department of Theory and Practice of English

*Kazan Federal University
18, Kremlyovskaya St., Kazan, Republic of Tatarstan, 420008,
Russian Federation
daffodil.77@mail.ru*

DOI: 10.12731/2077-1770-2016-2-218-233

УДК 801.82

СПЕЦИФИКА ГРАФИЧЕСКИХ НАЧЕРТАНИЙ СТРОЧНЫХ БУКВ СКОРОПИСНОГО ТЕКСТА «ЗАПИСЬ АСТРОНОМИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ...»

Чернякова М.В.

Предметом настоящего анализа стали особенности графики скорописного памятника XVIII века «Запись астрономических явлений, происшедших в нѣбе надъ городомъ Тобольскомъ...», хранящегося в фондах библиотеки редкой книги при музее-заповеднике г. Тобольска.

Цель исследования – описать особенности графических начертаний строчных букв источника.

Новым в исследовании стало описание формирования письменных норм русского языка на графическом уровне. Изучив особенности графических начертаний букв для понимания содержания «Записи астрономических явлений...», отметим в качестве особенности графики памятника сохранение вариативности одной и той же строчной буквы и наличие букв-дублетов.

В работе интегрированы лингвоисточниковедческие и археографические подходы, составляющие в совокупности лингвистический анализ памятников.

Изучение особенностей графики помогает лингвисту и палеографу паспортизировать исследуемый материал – предположительно определить дату, время и место написания памятника.

В результате анализа графики строчных букв текста «Записи астрономических явлений вѣ небе надъ городомъ Тобольскомъ...»

предположительно определены дата, время и место написания памятника.

Область применения результатов исследования определяется возможностью использования их в дальнейшем изучении истории русского языка, при чтении спецкурсов, связанных с проблемами лингвистического краеведения, источниковедения, графики.

Ключевые слова: *скоропись; вариативные и дублетные буквы; лингвистическое источниковедение; памятники письменности.*

GRAPHICAL INSCRIPTION SPECIFICITY OF LOWERCASE LETTERS FOUND IN SHORTHAND TEXT «THE RECORD OF ASTRONOMICAL PHENOMENA...»

Chernjakova M.V.

The peculiarities of the shorthand monument of the XVIII century ‘The record of astronomical phenomena in the sky over the city of Tobolsk...’ stored in the library’s collections of rare books at the reserve museum of the city of Tobolsk comprise the subject of the present analysis.

The purpose of research is to describe the peculiarities of graphic inscriptions of lowercase letters used in the source.

The academic novelty of the study is the description of the way writing rules of the Russian language were formed on the graphic level. After studying the peculiarities of graphic lettering in order to perceive the contents of ‘The record of astronomical phenomena...’, the following graphics characteristic features were found, namely, tendency to preserve variability of the same lowercase letters and presence of doublets.

The study contains integrated linguistic-cultural and archaeographical approaches that constitute a linguistic analysis of written monuments.

The study of graphics features helps linguists and paleographers certify the research material, i.e., approximately determine the date, time and place of the writing of the monument.

According to the analysis of lowercase letters 'The record of astronomical phenomena in the sky over the city of Tobolsk...' the approximate date, time and place of the writing of the monument were determined.

The scope of the study results is determined by the ability to use them in the further study of the Russian language history, reading special courses on issues of linguistic studies of local history, source studies and graphics.

Keywords: *shorthand; variable and doublet letters; linguistic source studies; written monuments.*

Введение

В истории русского литературного языка XVIII век занимает особое место, поскольку это «эпоха радикального преобразования русской языковой ситуации, захватывающего все уровни русского языка и все сферы его функционирования» [7, с. 13]. В названный период происходит становление единых норм русского национального литературного языка.

В привлечении к исследованию новых источников и заключается **актуальность** настоящей работы. Именно неизученные источники помогают понять процесс становления русского литературного языка, формирования языковой нормы на отдаленной российской территории.

Объектом исследования стал скорописный памятник первой половины XVIII в. «Запись астрономических явлений, произшедших въ нѣбе надъ городомъ Тобольскомъ» (рук., паспортный номер КП 12530) объемом 111 страниц, хранящийся в фондах би-

блиотеки редкой книги при Тобольском государственном музее-заповеднике.

Предметом анализа стало исследование графических начертаний строчных букв источника.

Цель работы: ввести в научный оборот лингвистически не изученный памятник «Запись астрономических явлений, произошедших въ нѣбе надъ городомъ Тобольскомъ» посредством описания графических особенностей.

В работе использованы следующие **методы исследования** языка: *палеографический* (при определении датировки рукописного текста по совокупности графических примет); *описательный* (при описании наблюдений над графическими особенностями рукописи); *сравнительно-исторический* (при сравнении начерков букв скорописи XVIII в. с современной графикой); *сплошной и целенаправленной выборки* (при сборе языкового материала).

Степень разработанности темы

Скоропись как особый вид письма привлекала внимание многих историков языка. Сопоставлению начерков букв рукописных текстов XVII–XVIII вв. различных центральных районов России посвятили свои работы Е.А. Белоконь [2], М.С. Выхрыстюк [4, 5], А.И. Сумкина [14] и другие ученые. Эволюцию выносных букв русской скорописи XV–XVIII вв. описал О.В. Творогов [15]. О скорописи конца XVIII в. и ее переходе в современное письмо писал Б.Н. Берков [3]. Но система начерков букв исследуемого источника исследованию не подвергалась.

Теоретической основой исследования по проблемам интерпретации исторического текста стали труды Л.А. Астахиной [1], С.С. Волкова [4], Л.А. Глинкиной [8], А.П. Майорова [10], И.А. Малышевой [11], О.В. Никитина [12], Е.Н. Поляковой [13],

С.И. Коткова [13], а также зарубежных исследователей G. Cook [16], R. Gronau [17], McQuail [18], Tanaka Keiko [19], Wilson Stan le Roy [20] и др.

Результаты исследования

Строчные буквы источника демонстрируют богатое разнообразие графических начертаний. Вариативность начертаний каждой буквы – характерная черта скорописи XVIII в. Различные буквы представлены в нескольких графических вариантах, хотя полагаем, что текст памятника был написан одним писцом [5, с. 20]. Выборочно охарактеризуем особенности написания строчных букв в алфавитном порядке.

А (аз). Начертания буквы *a* легко распознаваемы в тексте памятника и сходны с современными. Буква писалась с удлиненным хвостиком – , похожая на древнюю «альфу» – , с недоведенным вверху основанием – , как современная *a* – . Во всех вариантах *a* имела заостренный левый нижний уголок, что говорит об отличительных особенностях почерка автора.

Б (буки). Начерки буквы *b* похожи на современное написание и не представляют большого разнообразия. Можно встретить красиво выведенную *b* – с уходящим вправо вверх хвостиком – , с угловатым хвостиком – , . В исследуемом рукописном памятнике буква *b* старательно выводилась писцом, об этом можно судить по узорным хвостикам и завиткам.

В (веди). Буква *v* имеет много начертаний: верхняя часть по величине больше нижней – , начертание буквы, идентичное современному – , иногда напоминает современную восьмерку – , в буквосочетании «явл.» не выходит за строку сверху, в отличие от

предыдущих примеров, – , встречается в виде печатной – , а также в форме нестройного овала с перекладиной – .

Г (глаголь). Особого разнообразия в написании начерков буквы *г* в «Записи...» не наблюдается, да и значительных видоизменений за периоды формирования славянской письменности данная буква не претерпела. В тексте памятника наблюдаем букву *г*, похожую на современную письменную – , с недоведенным хвостиком – , в форме современного вопросительного знака – , а также напоминающую цифру 2 – .

Д (добро). Варианты написания буквы *д* в рукописи не отличаются существенным разнообразием. Имеется начерк, аналогичный печати современной буквы *д*, – , с узким «окошечком» – , с «неправильным» наклоном влево – . В целом буква схожа с современным ее видом.

Е (есть). Чаше всего в исследуемом тексте буква *е* использовалась в форме греческой – , в очень уменьшенном виде – , иногда закругляется верхняя часть – , или напоминает букву *с* – , с удлиненным хвостиком – .

Ж (живете). Одна из красивейших по способу написания букв. Сохраняется с петровских времен выведение полукруга в передней части буквы – , которая похожа на звезду с узорным полукругом впереди – , , , или у основания напоминает цифру 1 – .

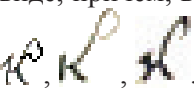

З (земля). Буква *з* наиболее распространена в виде цифры 3. Особого отличия от современного написания буквы не наблюдается: , , (создается впечатление небрежного начертания), встречается строчная буква большого размера, выходящая за рамки строки – .

С (зелю). Фонетической функцией буквы *з* пользуется буква *С*, начертания которой, в основном, схожи между собой: , .

I (и). Начертание буквы *i* в целом представлено в виде знака, смутно напоминающего цифру 1 с точкой наверху – , а также в виде стандартной палочки с точкой – , встречаются и «галочки» с точкой, иногда похожие на письменную *z*, – , . В словах буква нередко используется как показатель йотированности на конце перед *e*, *я*, *и* и даже *й*, иногда в начале слов.

И (иже). В XVIII в. буква *и* утрачивает многие разновидности своего начертания и представлена графическим знаком, сходным с современной и: , . Встречаются начерки, сходные с буквой *h* – или с точкой над буквой, а иногда и с галочкой – – такой вид напоминает современную букву *й* и несет соответствующую ей фонетическую функцию во многих словах.

К (како). Богатое разнообразие начерков представляет нам буква *К*. Судя по аккуратно выведенным узорным линиям этой буквы, ее можно отнести к привилегированным знакам у автора рукописи. В «Записи...» не встречается *к*, похожая на *R*, что было характерно для скорописи XVIII в. Зато можно часто наблюдать строчную букву в увеличенном (по сравнению с другими буквами в строке) виде, причем, верхняя дужка образует петлю либо узор: ,

. В тексте есть графические примеры буквы, схожие с письменной *x*, а также с современным начерком буквы *к*: .

Л (люди). В исследуемом рукописном памятнике встречается всего два начерка буквы *л*, которые мало отличаются друг от друга: буква изображается в виде обычной «крышечки» – , или в курсивном варианте – , .

М (мыслете). Такую же картину представляет начерк буквы *м*. В тексте всего одна его разновидность: , , .

Н (наш). Рисунок буквы *н* – это мелкий графический значок, состоящий из двух палочек и перекладины между ними: . Иногда эта перекладина немного наклоняется вправо, и тогда буква отчасти напоминает английскую *N*: . Изменения в начертании буквы зависят от наклона почерка писца.

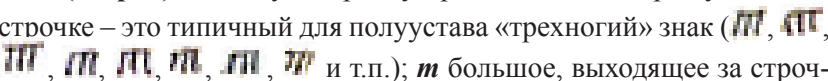

О (он). В тексте памятника *О* – это замкнутый круг маленького размера, по которому легко определить букву и прочесть ее: , . Иногда встречается незамкнутая «окружность» .

П (покои). Все начертания буквы *П* в тексте рукописи идентичны: они легко читаются, не представляют никакого разнообразия, даже в наклоне схожи с современным печатным вариантом: . Редко встречается *п*, левая «палочка» которой изящно изогнута, – .

Р (рцы). В тексте источника встречаем три варианта начертания буквы *р*: с изогнутым «хвостиком» – ; с узорно закрученным «хвостиком» – ; с прямым «хвостиком» – , . Буква выходит за рамки нижней строки, но встречаются случаи, когда *р* в строчке – , тогда она напоминает современную *Р* и легко узнается в тексте.

С (слово). В начертании буквы *с* в «Записи астрономических явлений...» можно выделить два способа: 1) буква писалась в рамках строчки и сравнима по рисунку с «уголком» – , с чуть изогнутой «палочкой» – , с церковно-славянской *С* – , с современной *с* – ; 2) буква, графически большая по величине, выходила за пределы строки «крючками» и взмётами: . Интересно и то, что в соседстве с другими буквами в слове большая *С* могла

охватить целый слог, например: или .

Т (тврдо). Похожую картину представляет начерк буквы *т*: в строчке – это типичный для полуустава «трехногий» знак (); *т* большое, выходящее за строчку, – .

У (ук). В начерках буквы *у* можно увидеть два вида: *У* большая и *у* малая. Однако начертания буквы открывают гораздо более богатую палитру: в одних случаях нижняя часть буквы образует петлю, в других – просто параллельные соединенные внизу палочки, в третьих примерах без труда можно узнать современную

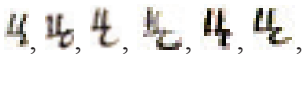
у: .

Встречается *у* с точкой наверху – .

Ф (ферт). Буква *ф* встречается в тексте рукописи всего два раза. Начерки представляют собой два «кольца», расположенные в горизонтальном или в вертикальном положении, в одном случае разделенные перегородкой: .

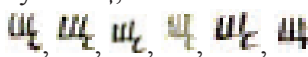
Х (хер). Легко находится в «Записи...» буква *х*, которая представлена схожими между собой образцами, составляющими определенное разнообразие. Так, мы можем наблюдать букву *х* с плавными линиями – , в виде прямого креста, выходящего вниз за строку, – ; обычно буква *х* в тексте памятника пишется как современная письменная с аккуратными, почти каллиграфическими, линиями: .

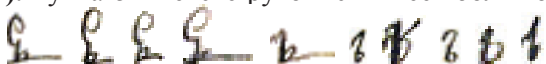
Ц (цы). Написание буквы *ц* в тексте выстроено по стандартному типу: два «столбика», перекладина снизу и «хвостик». Лишь разные начертания «хвостика» дают возможность говорить о разнообразии способов письма данной буквы автора

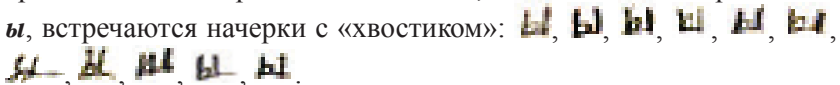
«Записи астрономических явлений...»:

Ч (червь). Написание буквы **ч** единообразно: знак не выходит за границы строки, выполнен в форме современной письменной **ч**, левый край «крышечки» устремлен вверх: . Встречается буква **ч**, совпадающая по начертанию с письменной буквой **г**, – .

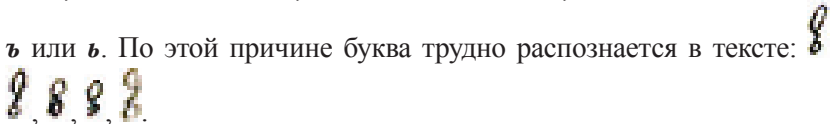
Ш (ша). Не отличаются особым разнообразием и начерки буквы **ш** в рукописи. Как правило, это перевернутый трехногий знак с перекладиной, которая иногда выходит за свои пределы, бывает прямой и изогнутой: .

Щ (ща). Ситуацию с начерками буквы **щ** напоминают и начерки буквы **ш**, в написание которой разницу вносит только «хвостик»: .

Ъ (ерь). Буква **ъ** в тексте рукописи имеет большое количество начерков: . Часто ее начертание не отличается от **ь** или **ю**, что, скорее всего, зависит от местоположения буквы в слове, возможно, от произношения, а также от особенностей характера писца.

Ы (еры). **Ы** представлена различными начерками, в процессе изучения которых буква легко распознается и читается. Знак употребляется стандартно со столбиком, часто схож с современной **ы**, встречаются начерки с «хвостиком»: .

Ь (ерь). Буква **ь** также, как и **Ъ**, имеет много графических вариантов и по причине своей схожести с **Ъ** и **Ю** в тексте рукописи распознается в большей степени логическим либо фонетическим путем: .

Ю (ю). Буква ю представлена в виде буквы *o* с петлей сверху, либо, как сказано выше, обозначается знаком, не отличающим ю от ь или ъ. По этой причине буква трудно распознается в тексте:

Я (А йотированная). Буква я имеет богатую палитру начертаний в тексте «Записи...». Можно встретить написание, сходное с современным: . Можно наблюдать я с крючком или петлей наверху: ; автор рукописи демонстрирует нам и йотированную букву *a*: ; встречается выходящая за строку я: .

Заключение

Материал «Записи...» позволяет представить разнообразную систему графических обозначений букв, особенностью которой является вариативность. В результате анализа показательна и дублетность. Так, например, буквы *и* («ук»), *s* («зело»), *i* («и десятеричное»), *w* («от») дублируют буквы *у*, *з*, *и*, *о*. Буква *a* (аз) часто заменяется греческой буквой *α* («альфа»), появившейся в русской письменности как результат второго южно-славянского влияния. Буквы $\frac{1}{4}$ («пси»), *k* («кси»), *F* («фита») встречаем

лишь в обозначении чисел: (718), (626), (29). Отметим параллельное употребление следующих дублетных ино-

язычных букв: *s*//*z*: (*sapado*^M) // (назападе);

u////*y*: (поутру); *u*//*i*: (движеніе);

а //а: ~~Доместя~~ (доместа) // ~~Доместя~~ (доместа). Благодаря дублетности выявим четыре способа начертания слова звезда:

~~Звѣзда~~; ~~Звѣда~~; ~~Звѣдѣ~~; ~~Вѣвѣздѣ~~ (во³езде).

На примере анализа начертаний строчных букв рукописи «Запись астрономических явлений...» можно заключить, что при разнообразии вариантов начертаний строчных букв в целом графика текста однородна, все особенности, характерные для почерка автора, закономерны для скорописи начала XVIII века.

В графике памятника обнаруживается связь с традициями XVII в.: вариативность начертаний каждой буквы, употребление букв-дублетов, выносных и упраздненных букв и характерных для XVII–XVIII вв. связанных начертаний. Однако региональной чертой, характеризующей графику рукописных памятников г. Тобольска, можно считать сохранение в тексте источника большей вариативности начерков букв, а также ряда знаков дублетных букв.

Список литературы

1. Астахина Л.Ю. Слово и его источники. Русская историческая лексикология: источниковедческий аспект. С послесловием Ю.Н. Филипповича. М.: МГУП, 2006. 368 с.
2. Белоконь Е.А. Развитие русского письма в конце XVIII – первой четверти XIX в.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М. 1988. 22 с.
3. Берков П.Н. О переходе скорописи XVIII в. в современное русское письмо // Исследования по отечественному источниковедению. Сб. ст., посвященный 75-летию С.Н. Валка. М.-Л.: Наука. 1964. С. 36–50.
4. Волков С.С. Стилиевые средства деловой письменности XVII в.: На материале челобитных. С-Пб.: Изд-во С-Петербур. Ун-та, 2006. 342 с.

5. Выхрыстюк М.С. Хождение планет и падение комет и другие явления в небе над городом Тобольском // *Русская речь*, 2008. № 1. С. 70-73.
6. Выхрыстюк М.С. Письменные источники неделового характера г. Тобольска в историко-филологическом аспекте // *Проблемы истории, филологии, культуры*. Москва-Магнитогорск-Новосибирск, 2008. вып. 19. С. 350–356.
7. Живов В.М. Язык и культура в России XVIII века. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. С. 13.
8. Глинкина Л.А. Лингвистическое источниковедение в кругу смежных гуманитарных наук // *Деловой язык XVIII – начала XIX вв. на Южном Урале и в Зауралье*. Челябинск: Изд-во ООО «Полиграф-Мастер», 2006. С. 15–22.
9. Котков С.И. Источниковедческие исследования и научное издание памятников в области русского языка // *Источники по истории русского языка XI–XVII вв.* М.: Наука, 1981. С. 58–62.
10. Майоров А.П. Очерки лексики региональной деловой письменности XVIII века. М.: ООО «Издательский центр “Азбуковник”», 2006. 263 с.
11. Малышева И.А. Проблемы источниковедческого исследования письменных памятников XVIII века // *Вопросы языкознания*, 1998. № 3. С. 122–133.
12. Никитин О.В. Деловой язык и литературные тексты XV–XVIII вв. Монография. М.: МГОУ, 2004. 280 с.
13. Полякова Е.Н. Лексика и ономастика в памятниках и в живой речи Прикамья. Избранные труды. Пермь, 2002. 292 с.
14. Сумкина А.И. Памятники московской деловой письменности XVIII века. М.: Наука, 1981. 138 с.
15. Творогов О.В. О выносных буквах в русских скорописях XV–XVII веков // *Исследование источников по истории русского языка и письменности*. М.: Наука, АН СССР, 1966. С. 38–42.

16. Cook G. *The Discourse of Advertising*. London, Routledge, 1996. 342 p.
17. Gronau R. *Das Buch der Reklame*. Leipzig, 1887. 290 p.
18. McQuail Denis. *Mass Communication Theory. An Introduction*. SAGE Publications, 1987. 352 p.
19. Tanaka Keiko. *Advertising Language. A Pragmatic Approach to Advertisements in Britain and Japan*. Routledge, 1994. 369 p.
20. Wilson Stan le Roy. *Mass Media / Mass Culture. An Introduction*. New York. McGraw-Hill, Inc., 1992. 460 p.

References

1. Astakhina L.Yu. *Slovo i ego istochniki. Russkaya istoricheskaya leksikologiya: istochnikovedcheskiy aspekt* [The word and its sources. Russian historical lexicology: source study aspect]. M.: MGUP, 2006. 368 p.
2. Belokon' E.A. *Razvitie russkogo pis'ma v kontse XVIII-pervoy chetverti XIX v.* [The development of Russian letters at the end of XVIII – first quarter of the XIX century]. M. 1988. 22 p.
3. Berkov P.N. *Issledovaniya po otechestvennomu istochnikovedeniyu* [Research on domestic source study]. M.-L.: Nauka. 1964, pp. 36–50.
4. Volkov S.S. *Stilevye sredstva delovoy pis'mennosti XVII v.: Na materialakh chelobitnykh* [Stylistic means of business written in the XVII.: On petitions material]. S-Pb.: Izd-vo S-Peterb. Un-ta, 2006. 342 p.
5. Vykhrystyuk M.S. *Russkaya rech'*, 2008. № 1, pp. 70–73.
6. Vykhrystyuk M.S. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*. Moscow-Magnitogorsk-Novosibirsk, 2008. Issue 19, pp. 350–356.
7. Zhivov V.M. *Yazyk i kul'tura v Rossii XVIII veka* [Language and Culture in Russia XVIII century]. M., 1996. p. 13.
8. Glinkina L.A. *Delovoy yazyk XVIII-nachala XIX vv. na Yuzhnom Urale i v Zaural'e* [Business language XVIII-XIX centuries. in the southern Urals and in the Urals]. Chelyabinsk, 2006, pp. 15–22.

9. Kotkov S.I. *Istochniki po istorii russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Sources on the History of the Russian language XI–XVII centuries]. M.: Nauka, 1981, pp. 58–62.
10. Mayorov A.P. *Ocherki leksiki regional'noy delovoy pis'mennosti XVIII veka* [Essays regional business writing vocabulary of the XVIII century]. M., 2006. 263 p.
11. Malysheva I.A. *Voprosy yazykoznaneya*, 1998. № 3, pp. 122–133.
12. Nikitin O.V. *Delovoy yazyk i literaturnye teksty XV–XVIII vv.* [Business language and literary texts XV–XVIII centuries]. M.: MGOU, 2004. 280 p.
13. Polyakova E.N. *Leksika i onomastika v pamyatnikakh i v zhivoy rechi Prikam'ya* [Lexicon and Onomastics in the monuments and in the living speech of the Kama region]. Perm', 2002. 292 p.
14. Sumkina A.I. *Pamyatniki moskovskoy delovoy pis'mennosti XVIII veka* [Monuments Moscow business writing XVIII century]. M.: Nauka, 1981. 138 p.
15. Tvorogov O.V. *Issledovanie istochnikov po istorii russkogo yazyka i pis'mennosti* [Study of sources on the history of the Russian language and literature]. M.: Nauka, AN SSSR, 1966, pp. 38–42.
16. Cook G. *The Discourse of Advertising*. London, Routledge, 1996. 342 p.
17. Gronau R. *Das Buch der Reklame*. Leipzig, 1887. 290 p.
18. McQuail Denis. *Mass Communication Theory. An Introduction*. SAGE Publications, 1987. 352 p.
19. Tanaka Keiko. *Advertising Language. A Pragmatic Approach to Advertisements in Britain and Japan*. Rout ledge, 1994. 369 p.
20. Wilson Stan le Roy. *Mass Media / Mass Culture. An Introduction*. NewYork. McGraw-Hill, Inc., 1992. 460 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Чернякова Марина Владимировна, аспирант кафедры филологического образования

*Тобольский педагогический институт им. Д.И. Менделеева,
филиал Тюменского государственного университета
ул. Знаменского, 58, г. Тобольск, Тюменская область, 626150,
Российская Федерация
marichka221@rambler.ru*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Chernjakova Marina Vladimirovna, Student of Literary Education
*Tobolsk State Social and Pedagogical Academy named after D.I.
Mendeleev, branch Tyumen State University
59, Znamensky Str., Tobolsk, Tyumen region, 626150, Russian
Federation
marichka221@rambler.ru*

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ STUDIES IN PHILOSOPHY

DOI: 10.12731/2077-1770-2016-2-234-249

УДК 316. 61

ФОРМИРОВАНИЕ КОЛЛЕКТИВНОЙ ЛИЧНОСТИ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ КАК ЭЛЕМЕНТ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ДИНАМИКИ

Гутова С.Г., Самохина Н.Н.

В статье рассматриваются проблемы, связанные с развитием личности в информационном обществе. Цель работы – показать, что формирование нового типа коллективной личности, происходит в результате закономерных трансформаций в социокультурной сфере. Предметом исследования является эволюция «коллективной личности» на современном этапе, находящаяся под влиянием информационной культуры.

Методология исследования базируется на принципе комплексного подхода к изучению процесса становления коллективной личности, представленной в творчестве отечественных и западных ученых.

В статье осуществляется социокультурный анализ понятия коллективной личности, рассматриваемой в процессе ее трансформации. Концептуальный анализ современного общества позволяет выдвинуть гипотезу о тупиковом пути развития, как отдельного индивидуума, так и человека растворенного в массовой культуре, потребности которого формируются политической и экономической средой. В статье указывается на актуальность проблемы

взаимодействия личности и общества, которая представлена на новом витке развития, под воздействием новейших информационно-коммуникативных технологий. В статье анализируется процесс преобразования личности в информационном пространстве и ее противостояние массовому обществу. Отмечается, что в результате закономерного процесса личность в информационном обществе не растворяется в массе, а создает новые формы реализации заложенного в индивидуальном творчестве потенциала. Полагается, что к основным факторам, определяющим позитивную социокультурную динамику современного общества относится осознанное стремление личности выйти из под тотального контроля массового общества потребления. Новизна исследования, по мнению автора, состоит в его убеждении, что массовое общество и новые коммуникационные технологии в совокупности способствуют пробуждению коллективной личности. В работе делается вывод о том, что современная личность переживает состояние кризиса «атомарности», за которым последует осознание своей коллективной сущности.

Область применения полученных результатов исследования: теория личности в рамках социальной философии.

Ключевые слова: коллективная личность; социализация; информационная культура; информационное общество; массовое общество; социокультурная динамика.

EVOLUTION OF PERSONALITY IN THE INFORMATION SOCIETY AS ELEMENT SOCIOCULTURAL DYNAMIC

Gutova S.G., Samokhina N.N.

The article examines the problems related with the development of personality in the information society. Purpose of work is to show

that the formation of a new collective personality' type takes place as a result of regular transformations in the socio-cultural sphere. The subject of research is the evolution of the "collective personality" at the present stage, which is under the influence of information culture. In the article is carried a social and cultural analysis of the concept of collective personality that considered in the process of transformation.

Methodology of the research is based on integrated approach principle to the study of the process collective personality formation represented in the works of Russian and Western scientists.

Conceptual analysis of modern society allows to hypothesize a dead end development path as an individual and human being are to be dissolved in mass culture, the needs of which formed the political and economic spheres. It points to the urgency of the problem of interaction between the person and society, which is represented on the new stage of development under the influence of advanced information and communication technologies. The article analyzes the transformation process of the person in the information space and its opposition to mass society. As a result of natural process personality in the information society does not dissolve in the mass and creating new forms of realization of the pledged in individual creative potential. It is believed that the main factors determining the positive social and cultural dynamics of contemporary society is a conscious desire of the person to get out of the total control of mass consumer society. The mass society and new communication technologies all contributes to the awakening of the collective identity. This work concludes that that the modern person experiences a state of crisis, "atomization", followed by awareness of his collective essence.

Field of application of the obtained results of the study is the theory of the personality within the framework of social philosophy.

Keywords: *collective personality; socialization; information culture; information society; mass society; the socio-cultural dynamics.*

Информация в современном обществе — основной эволюционный фактор. Уже стало очевидным, что ошибочно связывать будущее только с развитием традиционных социальных форм. Настоящий этап в историческом становлении человечества имеет ряд тенденций, среди которых прогрессивный путь (в смысле усложнения системы, одновременно с ее возможностью сохранять устойчивость своей структуры достаточно длительное время) представляется не только одним из возможных, но и единственным четко очерченным.

К основным задачам данного исследования относятся: выявление проблем взаимодействия личности и общества на современном этапе развития; рассмотрение эволюции личности через ее противостояние массовому обществу в информационном пространстве; выделение основных факторов, определяющих позитивную социокультурную динамику современного общества.

Наиболее сложные системы создаются в области информационных технологий и функционирования знания. Это требует возрастающих усилий всех социокультурных структур, которые сталкиваются с реальной перспективой своего несоответствия требованиям информационной цивилизации [4]. В первую очередь, с такой проблемой сталкивается *личность* как специфический носитель фундаментальных ценностей и характеристик современного общества.

Традиционное понимание личности связано с концепцией «атомарного индивида», то есть принципиальные свойства личности, ее ценность и статус непосредственно определяются способностью к автономной самореализации, проявлению уникальных, индивидуальных свойств и активности. Базис такой автономности и атомарности — неотчуждаемая *свобода*, манифестирующаяся в «свободе моральной воли» и в «свободе правового воления».

С другой стороны, концепции «коллективного разума», «сборной», «симфонической» или «софийной» личности в системе социально-правовых ценностей современности рассматривались как иррационально-мистические идеи. В качестве примера можно привести *коллективную* (симфоническую) *личность* в творчестве русского философа Л.П. Карсавина, которая в перспективе должна стать подлинным субъектом истории [3, с. 153–154]. Информационные реалии последних десятилетий показывают, что надындивидуальный или, точнее, «сетевой» разум (интеллект) возможен и, более того, функционирует. Относительно глобальных информационных сетей можно говорить не только о бытии сетевого интеллекта, но и формировании «сетевой личности», способной реагировать на внешний фон информации, накапливать внутреннюю память, а, главное, способной к внутреннему диалогу – основному параметру психической полноценности личности.

Если рассматривать этот феномен как эволюционный системообразующий фактор, то трансформация человека-индивида в *коллективную личность* не есть рационально-насильственный процесс, а, напротив, представляет собой объективное и закономерное движение к определенному способу существования. Аналогом данного процесса может служить «неолитическая революция», в результате которой биологический этап эволюции человека сменился социальным. Современная ситуация характеризуется переходом от социально ориентированного развития к доминированию психоинтеллектуальных факторов, с одной стороны, и открытию новых средств и способов реализации личностного начала, с другой стороны.

Личность в информационном обществе не может оставаться статичной (т.е. самодостаточной и неделимой субстанцией, неким

замкнутым на себя психофизическим континуумом). Ее сущность, то есть способ реализации, постоянно связаны с интенсивным получением, обменом и использованием различного рода информации. Вследствие этого, жизнедеятельность человека приобретает новое функциональное значение, что заметно выражено уже сегодня в изменении способа общения, коренном переустройстве знаковой системы и т.д.

Перелом в эволюции наступил, когда человек перестал быть единым и единственным носителем знания и поэтому выражение «знание – сила» относится уже не столько к возможностям отдельного человека, сколько к способности контролировать и обслуживать искусственно созданные информационные системы. Человек по-прежнему остается основным генератором творческого процесса, но спонтанное созидание уступает место планируемым, запрограммированным действиям, а сами открытия становятся делом техники. В современном обществе как справедливо отмечают в своей статье И.В. Крылова и А.В. Непомнящий, мы наблюдаем: «...утрату непосредственного осознанного контроля над информационными потоками в пространстве субъективного... «Среднестатистический» человек полностью забыл о своей божественной сущности и стал зависимым от технических средств жизнеобеспечения» [5, с. 181]. Когда человек утратит приоритет в этой сфере (машина овладеет технологиями открытия), тогда человечество совершит еще один скачок – это путь к коллективному разуму через устойчивую систему информационного общества. Основным фактором его развития будет «коллективная личность», уже не стремящаяся к абсолютной свободе и противостоянию другим, так как основные стимулы – творчество и желание автономного самовыражения – больше не будут ее привилегией. Единение целей будет достигнуто посредством

выхода за пределы «человеческого» вообще. Эти цели так же недоступны и чужды современному человеку как идеал коммунизма – неандертальцу.

Здесь открываются новые перспективы для отдельного человека и человечества в целом. Можно назвать это эволюцией «коллективной личности». Смысл существования такой личности – некое «коллективное дело», а свободное самовыражение, творчество проявляются как его осознание. На современном этапе целью выступает непосредственно развитие, то есть формирование совершенного органа, способного функционировать в новых условиях (поэтому речь идет о деле, а не благе; благо как конечная цель по-прежнему остается за пределами рационального понимания и тем более опыта). Человек в рамках такой концепции не представляет собой тупик эволюции или ее венец, он, по выражению Ф. Ницше, «канат, натянутый над пропастью» в преддверии глобальных перемен. Качественное отличие новой «коллективной личности» состоит в самом способе взаимоотношений с собой и с обществом: с одной стороны, такая личность нуждается в преодолении всякого стремления к изолированности и абсолютной самодостаточности (эта тенденция развития пока доминирует в современном цивилизованном обществе), с другой стороны она стремится к снятию отчуждения в процессе реализации тех способностей и качеств, которые целенаправленно воспитывает в ней общество, и, таким образом, выйти за пределы своих интересов.

Одна из проблем современного общества состоит в постоянном противостоянии интересов с одной стороны отдельной личности, свобода и независимость которой часто становятся самоцелью, с другой интересов большинства, вынужденных ради общего блага ограничивать ее свободу. Любые теоретические и

практические попытки примирения этих тенденций до сих пор наталкивались на непреодолимые препятствия. На данном этапе социальной эволюции это противостояние интересов неразрешимо по ряду объективных причин. Однако сам процесс формирования «нового человека» как «коллективной личности» в информационном обществе, возможно, устранил эту проблему, но взамен неизбежно породит новые сложности и препятствия в стремлении к идеалу.

Созидание «коллективного разума» и постоянное его воспроизводство как более устойчивой системы – одна из задач существования новой личности. Такое понимание исторического развития неизбежно возвращает человечество к идее «переоценки ценностей». Для того чтобы становление личности в таком виде стало возможным, необходимы не только накопившиеся внутренние изменения, но и внешний стимул, который позволит в духе диалектического развития на грани противостояния родиться новой форме человеческого бытия.

Г. Маркузе предположил, что изменить сознание человека, так чтобы он обратился непосредственно к своему я и его саморефлексия заработала в ином направлении, возможно при условии полного отключения его от современной медиасистемы. Подобные мысли были высказаны Э. Фроммом, который размышляя о том, что в действительности может изменить сознание современного человека, писал: «Предположим, что в западной цивилизации всего на четыре недели перестали бы работать кино, радио, телевидение, были бы отменены спортивные мероприятия, прекратился бы выпуск газет. Если таким образом перекрыть главные пути спасения бегством, то каковы будут последствия для людей, предоставленных самим себе?» [9, с. 141–142]. Э. Фромм убежден, что в результате такой информационной изоляции, большая часть лю-

дей окажется дезориентированной и будет страдать психическим расстройством. Хотя данный вариант на уровне общества рассматривается только как мысленный эксперимент, в тоже время на индивидуальном уровне такие действия вполне реальны и могут дать определенный духовный опыт необходимый для эволюции конкретной личности.

Таким образом, очевидно, что современные информационные средства коммуникации создают образцы поведения, задают идеалы и формируют ценности. В результате у человека создаются устойчивые мифообразы (симулякры) заменяющие реальность и всячески поддерживаемые официальными структурами. Ж. Бодрийяр очень точно охарактеризовал это состояние массового сознания: «Мы живем, таким образом, под покровом знаков и в отказе от действительности» [2, с. 10]. Личность способна ощутить настоящий экзистенциальный ужас, если лишит ее привычного информационного воздействия, поскольку ей придется самостоятельно мыслить, научиться открывать новое даже в повседневной жизни. Творчество может оказаться для личности жизненной необходимостью, а не одной из возможностей предлагаемой в качестве варианта свободного выбора. Цели и установки обретут глубоко личностный смысл, каждый индивид будет иметь возможность погрузиться в свой собственный мир, возможно еще более мистифицированный, чем современный. Пример такой мистификации описан Г. Маркузе в работе «Одномерный человек», где он подчеркивает особое состояние современного тотального сознания и процессов демократизации в обществе. Всякая мистификация, по его словам, более жизненна в сознании масс, чем рационально описанная и объясненная реальность [6, с. 495]. Коллективная форма социального бытия благодаря современным средствам коммуникации не только порождает, но и постоянно

воспроизводит универсальные, стандартные элементы и контуры жизненного мира, в котором индивид чувствует себя «уютно». Мистификация, осуществляемая в медиaprостранстве, позволяет на высшем уровне манипулировать сознанием больших масс людей, формируя их потребности, подчиняя себе их мысли и чувства [6, с. 453].

Социокультурная динамика на современном этапе с одной стороны определяется тенденцией к самоорганизации общества, порядку и, следовательно, к тотальному контролю над личностью, с другой стороны предполагает наличие конфликтов и постоянное замещение старых форм новыми. Общество внутри этого динамического процесса дает всестороннюю оценку личности с позиции ее идентичности существующим социальным структурам. Важно то, что оцениваются не результаты человеческой деятельности, а скорее адекватность и лояльность индивида по отношению к членам сообщества. Репрессивность по отношению к личности со стороны социума носит опосредованный характер, и поэтому часто не связывается индивидом с определенными процессами коммуникации. Современный человек убежден, что за контроль отвечают конкретные социальные институты, организации, ведомства или даже определенные чиновники, в то время как информационная среда лишь позволяет им осуществлять способы тотального подчинения. Однако информационная власть более универсальна и тотальна, чем мы могли себе представить еще столетие назад. В свое время Г. Тард предложил закон о соотношении различных составляющих во власти, в котором четко прослеживается тенденция сохранения пропорций между увеличивающейся инертной массой с одной стороны и сведением к минимуму всех тех, кто ее информационно контролирует. Согласно его концепции, количество управляющих будет

все время сокращаться, одновременно масса информационно зависимых людей будет постоянно расти. Все это происходит на фоне информационного бума, технологического роста и распространения иллюзий. Рассуждая о свойствах толпы, Г. Тард отмечает: «В интеллектуальном отношении они способны доходить только до крайней степени падения... Но в противовес коллективному проявлению безумия и тупости, примеры которого мы приведем, можно ли указать коллективные акты гения? Нет» [8, с. 366]. Возможно, обратный процесс возникает при движении от коллективного к индивидуальному. Личность не подавленная, не поглощенная массой, а напротив, стремящаяся вырваться из своей автономии к подлинному единству с другими личностями, обретает новые качества более совершенного человека, не находящегося в противостоянии к другим.

Проявление чувства коллективизма выражается в стремлении постоянно существовать в информационном пространстве, контактируя в различных сетевых сообществах. Виртуализация основных параметров личности позволяет ей присутствовать в разных измерениях одновременно, быть гибкой, легко трансформируемой, появляться сразу в нескольких качественных разновидностях своего «Я», но не представляться чем-то определенным. Так в информационном пространстве есть возможность исчезновения в одном месте и возникновения в другом в совершенно новом качестве, которое не переживается буквально как «смерть» «Я», а только как переход из одного состояния в другое. Отсутствие рациональности только делает еще более привлекательным присутствие человека в виртуальном мире. Рациональная коммуникация и массы, по мнению Жана Бодрийяра, не совместимы [1, с. 20]. Личность как ее представляет западная культура, устремленная к идее свободы, сама себя изолирует, лишает содержания, превраща-

ясь в пустой знак или символ. Ж. Бодрийяр описал это состояние как критическое, пограничное со смертью: ««Личность» в качестве абсолютной ценности, с ее неуничтожимыми чертами и специфическим значением, такая, какой ее выковала вся западная традиция в организаторском мифе о Субъекте, с его страстями, волей, характером или... его банальностью, эта личность отсутствует, она мертва, выметена из нашей функциональной вселенной» [2, с. 82].

Личность в информационном обществе, прежде всего, конструируется информационной средой, посредством ее включения в процесс оперирования предметами, смыслами и знаками, значение которых закреплено в окружающем социокультурном пространстве. В результате происходит усвоение доминирующих ценностей и норм, впоследствии автоматически моделирующих границы стандартной, легко адаптирующейся личности в заданных социальных условиях. Сформированные обществом ценности, создают иллюзию свободы выбора, при этом определяют цели, формируют жизненные планы личности. В поведении индивидуума наблюдается единство информационной среды и установок личности. Социальная среда создает потенциальные возможности для определенного разнообразия в поведении людей. Однако в рамках информационной культуры эти возможности личности существенно корректируются, с одной стороны предлагая широкие перспективы освоения информационного пространства, а с другой жестко ограничивая модели поведения. А. Моль отметил, что образованнее утратило приоритет в плане трансляции знания, оно в основном определяется средствами массовой коммуникации, поэтому теряет системность, завершенность и все более утрачивает связь с реальным опытом. Таков основной принцип «мозаичной культуры», которая является отражением нашего эклектичного, обрывочного сознания. Соглас-

но концепции А. Моля «Экран культуры» уже не представляет собой упорядоченную систему, а скорее образуется хаотично, случайными потоками информации [7, с. 54]. Однако культура под воздействием информационных технологий стремительно эволюционирует и коллективное начало (супер интеллектуальное, не массовое!) привнесет элемент гармонии и системы в общую картину мира. Культура реализуется через индивидуальное и коллективное присутствие человека в мире, условно представленное на разных полюсах бытия [7, с. 47]. Однако в реальности человек не может разграничить и полностью осознать отдельно свою социальную коллективную сущность и свое индивидуальное присутствие в культуре, поскольку его деятельность смыкает эти два полюса, делая акцент либо на творческом начале, либо на более жестком следовании канонам и правилам, установленными данным обществом. А. Моль считал, что в массовой культуре личность не может существовать изолированно, каждый раз вступая в процесс коммуникации, она погружается в «социальное поле», которое в свою очередь детерминирует наше восприятие любой информации передаваемой внутри этого поля. [7, с. 130].

В результате развитие личности программируется одновременно разными социокультурными структурами и сразу на нескольких уровнях, смыслы наслаиваются друг на друга, поэтому формула атомарной личности, не смотря на все старания социологов и психологов, остается неуловимой, чего нельзя сказать о коллективной личности. Таким образом, можно предположить, что в ходе эволюции информационного общества, будущее окажется не за отдельным индивидуумом и не за безликой массой, поглотившей конкретную «живую личность», а за новой формой бытия человека – *коллективной личностью*, способной перерасти недостатки современного социального мира и перейти на следу-

ющий виток развития. Основным фактором, задающим позитивную социокультурную динамику современного общества является осознанное стремление личности выйти из под тотального контроля массового общества потребления. Существует точка зрения, позволяющая видеть будущее развитие взаимодействия личности и общества в позитивном ключе. Так, личность, обладающая высоким уровнем информационной культуры, стремится к более толерантному восприятию мира. Предполагается, что уже на современном этапе формирование определенного уровня информационной культуры личности может способствовать сглаживанию противоречий в области сохранения национальной культуры и процессов глобализации.

Список литературы

1. Бодрийяр Ж., Сиоран Э. М. Матрица Апокалипсиса. Последний закат Европы. М.: Алгоритм, 2015. 272 с.
2. Бодрийяр Ж. Общество потребления. М.: Республика, 2015. 178 с.
3. Гугова С.Г. Личность и мир в философии всеединства Л. П. Карсавина // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. Вып. 37. № 19 (374). С. 152–156.
4. Ионин Л.Г. Социология в обществе знаний: от эпохи модерна к информационному обществу. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007. 431 с.
5. Крылова И.В., Непомнящий А.В. К проблеме социализации личности в информационном обществе // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2011. № 3. С. 174–182.
6. Маркузе Г. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества. М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. 526 с.
7. Моль А. Социодинамика культуры. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 416 с.

8. Тард Г. Мнение и толпа // Психология толп. М.: Институт психологии РАН, Издательство «КСП+», 1998. 416 с.
9. Фромм Э. Здоровое общество. Догмат о Христе. М: АСТ: Транзит-книга, 2005. 571 с.

References

1. Baudrillard J., Sioran E. M. *Matrica Apokalipsisa. Poslednij zakat Evropy* [Matrix Apocalypse. Last sunset Europe]. М., 2015. 272 p.
2. Baudrillard J. *Obshhestvo potreblenija* [Consumer society]. М., 2015. 178 p.
3. Gutova S.G. Lichnost' i mir v filosofii vseedinstva L. P. Karsavina [Personality and peace in the philosophy of unity], *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, issue 37, no.19 (2015): 152–156.
4. Ionin L.G. *Sociologija v obshhestve znaniy: ot jepohi moderna k informacionnomu obshhestvu* [Sociology in the knowledge society: from Art Nouveau to the information society]. М., 2007. 431 p.
5. Krylova I.V., Nepomnjashij A.V. K probleme socializacii lichnosti v informacionnom obshhestve [The problem of socialization of the person in the information society]. *Nauchnye problemy gumanitarnykh issledovaniy*, no. 3. (2011): 174–182.
6. Markuze G. *Odnomernyj chelovek: Issledovanie ideologii razvitogo industrial'nogo obshhestva* [One-Dimensional Man: Studies in the Ideology of Advanced Industrial Society]. М., 2002. 526 p.
7. Mol' A. *Sociodinamika kul'tury* [Sociodynamics Culture]. М., 2008. 416 p.
8. Tard G. *Mnenie i tolpa. Psihologija tolp* [Public opinion and crowd]. М., 1998 416 p.
9. Fromm E. *Zdorovoe obshhestvo. Muzhchina i zhenshhina*. [Healthy society. Man and woman]. М., 1998. 512 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Гутова Светлана Георгиевна, доцент кафедры социально-гуманитарных наук и туризма, кандидат философских наук, доцент
Нижневартовский государственный университет
ул. Ленина, 56, г. Нижневартовск, Тюменская область, Ханты-Мансийский Автономный округ-Югра, 628605, Российская Федерация
svetguts.07@mail.ru
SPIN-код в SCIENCE INDEX: 4349-6608

Самохина Наталья Николаевна, доцент кафедры социально-гуманитарных наук и туризма, кандидат философских наук
Нижневартовский государственный университет
ул. Ленина, 56, г. Нижневартовск, Тюменская область, Ханты-Мансийский Автономный округ-Югра, 628605, Российская Федерация
natalia58@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Gutova Svetlana Georgievna, assistant professor PhD of social sciences and humanities and tourism
Nizhnevartovsk State University
56, Lenina Str., Nizhnevartovsk, Tyumen region, Khanty-Mansi Avtonomnyj okrug-Yugra, 628605, Russian Federation
svetguts.07@mail.ru

Samokhina Natalya Nikolaevna, assistant professor PhD of social sciences and humanities and tourism
Nizhnevartovsk State University
56, Lenina Str., Nizhnevartovsk, Tyumen region, Khanty-Mansi Avtonomnyj okrug-Yugra, 628605, Russian Federation
natalia58@yandex.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2016-2-250-281

УДК 159.964.2

КОНЦЕПТУАЛЬНО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗЛИЧИЯ В ПРАВОСЛАВНОЙ И ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОТЕРАПИИ

Ермаков В.А., Корецкая И.А.

В исследовании проведен сравнительный анализ концептуальных подходов и методов психотерапевтического воздействия в психоаналитической и православной психотерапии. Критически проанализированы психоаналитические методы: «свободных ассоциаций», «толкование сновидений», «работа с бессознательным», «слоем сопротивления», «бесцензурное проговаривание», «катарсис», «трансфер». Показаны принципиальные различия в психологической работе психоаналитиков и духовной практике православных священников и православных психологов. Рассмотрены деструктивные последствия психоаналитической терапии.

Цель исследования заключалась в выявлении концептуальных и методологических различий в православной и психоаналитической психотерапии.

Методами исследования явились сравнительный анализ способов психологического воздействия в психоаналитической и православной психотерапии, а также историографическая реконструкция основных положений исследуемых психотерапевтических практик.

Результаты исследования могут быть использованы в сравнительно-психологических исследованиях, в анализе методов психотерапевтического воздействия, в практической работе психологов и психотерапевтов.

Область применения результатов: психология, психотерапия, методология психологии, история психологии, религиоведение.

Ключевые слова: психоанализ; психотерапия; православие; бессознательное; душа; грех; толкование снов; сопротивление; вытеснение; цензура; трансфер; гипноз; свободные ассоциации; катарсис.

CONCEPTUAL AND METHODOLOGICAL DIFFERENCES IN ORTHODOX AND PSYCHOANALYTICAL PSYCHOTHERAPY

Ermakov V.A., Koretskaya I.A.

In current research there is a comparative analysis of conceptual approaches and methods of psychotherapeutic influence in psychoanalytic and orthodox psychotherapy. Psychoanalytic methods are critically analysed: “free associations”, “interpretation of dreams”, “work with unconscious”, “demolition of resistance”, “uncensored pronunciation”, “catharsis”, “transfer”. The author shows basic distinctions in psychological work of psychoanalysts and spiritual practice of orthodox priests and orthodox psychologists and considers destructive consequences of psychoanalytic therapy.

The purpose of the research consists in detecting the conceptual and methodological distinctions in orthodox and psychoanalytic psychotherapy.

Methodology of the research is aimed at conducting a comparative analysis of the ways how an orthodox or psychoanalytical psychotherapy can affect a person and also reveals the historiographic reconstruction of the basic provisions investigated psychotherapeutic approach.

The results of this research can be used in comparative psychological investigations involving the analysis of psychotherapeutic effect and also in the practical studies and daily practice of psychiatrists.

Practical implementation: psychology, psychotherapy, psychology methodology, psychology history, religious studies.

Keywords: *psychoanalysis; psychotherapy; Orthodoxy; unconscious; soul; sin; interpretation of dreams; resistance; replacement; censorship; transfer; hypnosis; free associations; catharsis.*

В современной психологии активно развивается православный психотерапевтический подход к лечению душевных болезней и профилактики психических заболеваний. В психологической науке получило теоретическое обоснование православное психотерапевтическое направление [1].

Как полагают православные психологи, многим российским гражданам, обращающимся за психологической помощью, намного лучше было бы общаться именно с теми психологами, которые разделяют их религиозные и национальные взгляды. Становится очевидно, что психологи-единоверцы оказывают более эффективную психологическую помощь, чем те психологи, которые отвергают религиозные и национальные взгляды своих пациентов.

Сегодня ряд отечественных психологов, философов выступили с идеями пересмотра западных методов психотерапии, представленных во фрейдизме и постфрейдистских учениях. В работах Д.А. Авдеева, Б.С. Братуся, А.А. Гостева, М.И. Буянова, Ф.Е. Василюка, М.Я. Дворецкой, Ю.М. Зенько, Е.И. Исаева, И.В. Силуяновой, В.И. Слободчикова, С.С. Хоружего, Л.Ф. Шеховцовой можно обнаружить различные аспекты критики западных психологических теорий [2].

Как отмечает проф. Л.Ф. Шеховцовой «особой задачей православных психологов, запросом сегодняшнего дня является просвещение людей в области заблуждений современной психологии» [3, с. 18].

Раскрытие «заблуждений современной психологии», по нашему мнению, наиболее успешно можно осуществить в результате проведения сравнительно психологических исследований. В ситуации онто-аксиологического плюрализма и ценностного релятивизма современному человеку трудно разобраться в методах психологической помощи, предлагаемых на рынке психологических услуг, который переполнен различного рода оккультными психологическими техниками, оказывающими на пациентов, как правило, негативное воздействие. Поэтому необходимы научные исследования, которые показывают принципиальные различия в методах психотерапевтического воздействия. Исходя из этого, в данной работе проводится концептуально-методологический анализ существенных различий в православной и психоаналитической психотерапии.

Согласно теории психоанализа все люди имеют те или иные психологические отклонения, т.к. все наследуют неврозы, ментально и генетически транслируемые из опыта жизни различных культурно-исторических эпох, укорененного в подсознании, плюс неврозы раннего детства и неврозы, приобретаемые повседневным опытом жизни. Сама человеческая цивилизация в психоаналитическом учении рассматривается как среда тотальной провокации непрерывно умножающихся неврозов.

Количество неврозов согласно психоаналитическим прогнозам будет неуклонно нарастать. Все люди принципиально невротичны – это психологическая максима психоанализа. «Любая структура характера патологична», – отмечал известный психоаналитик А. Лоуэн [4, с. 564]. Поэтому психоанализ, по мысли его теоретиков, должен стать «всемирной терапевтической лечебницей». С точки зрения психоанализа все человечество психически нездорово, лечить надо всех и отсюда каждый член социального общества

должен иметь своего психоаналитика и постоянно проходить психоаналитические сеансы.

В целом психоаналитическая практика направлена на исследование психического мира человека «снизу» – от природного и животного, православная «сверху» – от божественного и богочеловеческого. В теории психоанализа доказывается тотальная психическая неполноценность человека, а критерий неполноценности основывается на гипотетическом предположении, что бессознательное на 95% «властвует» над сознательной частью психики.

Православная психотерапевтическая практика возвышает ценность человека, рассматривая его как «образ Бога», как духовное существо. «Признание реальности духа, – отмечал ученый, – имеет исключительное значение для человечества, ибо только на нем может быть основано признание всех тех ценностей, которые составляют смысл человеческого бытия» [5, с. 10].

Психоаналитическая практика вначале осуществляется следующим нравственно приемлемым способом: обнажает в человеке природу неосознанного зла, но затем, что скрывается психоаналитиками, безнравственным способом – направляет человека не на преодоление греховности, а на примирение с ней.

В психоаналитической доктрине постулируется: надо перестроить психику человека таким образом, чтобы он не испытывал чувство стыда за совершенные им аморальные деяния и выучить его принимать себя со всем багажом неисправленных и нераскаянных поступков. Причем, в психоанализе утверждается принцип абсолютного отрицания собственной порочности и греховности.

Чтобы обрести психологическую устойчивость, согласно психоанализу, человеку необходимо не нравственно отрицать грех, как таковой, а научиться «жить во грехе», примириться с грехом, не преодолевая и не исправляя его. Так, например, гомосексуалист, бисек-

суал, транссексуал или человек с иной сексуальной перверсией не должны бояться социального порицания или неприятия, – считают психоаналитики. Наоборот, сексуально перверсивные люди должны занять примирительную позицию с личной греховностью, и, невзирая на общественную мораль, должны адаптироваться в обществе.

В православной психотерапии общий терапевтический принцип иной: «нет грехов и нет болезней». Болезнь человека – есть медицинское проявление греха. Победа над грехами – означает телесное и душевное выздоровление.

Святитель Игнатий Брянчанинов в следующих словах описал путь самопознания собственной греховности и приобретения «спасительного очищения» и выздоровления: «Не может увидеть греха своего наслаждающийся грехом, позволяющий себе вкушение его – хотя бы одними помышлениями и сочувствия ми сердца. Тот только может увидеть грех свой, кто решительным произволением отрекся от всякой дружбы с грехом... , кто отражает, посекает этим мечом грех, в каком бы виде он не приближался к нему» [6, с. 322].

Психоаналитики во время своей работы не ставят вопроса о моральной вменяемости человека, о степени «поражения» человека греховностью. Цель психоанализа – «вылечить?» пациента, скорректировать его душевный мир безотносительно к моральным установкам души и сознания. Психоаналитики не понимают онтологической зависимости психического заболевания человека от ментальных искажений морали и нравственности, от нераскаянной греховности. «В психоанализе, – писал Э. Фромм, – человек не принуждается к добродетельному существованию, ему не запрещается жить во грехе» [7, с. 250].

Таким образом, психоаналитическая психотерапия примиряет человека с собственными грехами. Православная психотерапия возвышает человека над грехами, открывая в нем и перед ним пути прео-

доления греха, природу добра и безгрешной святости. Православная психотерапия идет по пути преодоления бессознательных стихий человеческой природы, блокирования и подавления бессознательных процессов. Психоаналитическая психотерапия идет по пути практического расширения различных аспектов бессознательного.

Психоанализ требует подстраивать и примирять деструктивизм бессознательного с конструктивизмом сознательного. «Бессознательное», как оно понимается в психоаналитической антропологии, не есть часть души человеческой, а является вместилищем вытесненного опыта жизни человека. В православной психологии душа человеческая имеет божественную природу, в ней нет зла. А в «коллективном бессознательном», с точки зрения психоанализа, сокрыто тотальное зло, которое непрерывно транслируется от поколения к поколению.

Общая цель психоанализа трансформировать деструкции бессознательного в сознательное. Однако, мало кто из исследователей ставил вопрос о том, что именно в момент психоаналитической трансформации сознание человека не «просветляется», а наполняется исторически подавленным деструктивизмом бессознательных процессов и вызывает психическое влечение к запретному, греховному, кровосмесительному, некрофильскому, садистскому, т.е. ко всему тому, что генетически транслируется с древних эпох. В данном отношении психоанализ есть обнаружение «звериного» в человеке, вскрытие форм первобытного насилия, наследуемого со времен «зоологического индивидуализма».

Психоанализ не ставит вопроса о поражении природы человека грехом. Психоанализ рассматривает различные виды деструктивности человека как непреодолимую антропологическую данность человека. «Основная теоретическая посылка З. Фрейда гласит: человек одержим врожденной страстью – жадой разрушения либо

самого себя, либо других людей. Этой трагической альтернативы ему вряд ли избежать», – отмечает проф. П.С. Гуревич [8, с. 539].

Психоаналитическая практика направлена, в первую очередь, на обнаружение в психике человека всего того, что от «сил зла», полагая при этом, что само по себе «копание во зле» и грехах человеческих способно оздоровить психику человека. «Мне, – писал З. Фрейд, – удалось выяснить по опыту, что психоанализ обнаруживает в каждом человеке все то, худшее, что в нем есть» [9, с. 43]. В православной психотерапии в противоположность психоаналитической обнаруживается «все лучшее», что есть в человеке.

Человек в психоанализе оказывает весь «вываленном в грязи», на нем «нечистоты тела», «сшибки ума», социальные пороки. Мир и человек, утверждается в психоанализе, всегда находится в непреодолимом рабстве наследуемого от природы порока и социального зла. Человек всегда виновен, ибо он есть сосредоточие зла – это вторая антропологическая максима психоанализа.

В Православии человек, по сути своей невинен, ибо душа его невинна, но поражена грехом. Грех есть у каждого по «первородству греховной природы человека». И душа, омраченная грехом, требует непрерывных усилий самого человека в борьбе с наследуемой греховностью.

Для православной психологии важнее всего показать, что на самом деле душа человека, по сути, невинна в первоначальной богоданной чистоте своей и всегда способна к преодолению греховности. Очищаясь от греха в посте, молитве, покаянии, причастии, «хранении ума от сатанинских прилогов» человек способен к новому рождению – «рождению во Христе». Память греховности уходит, зауживается, забывается в деятельном принятии христианского образа жизни и человек психологически и социально выздоравливает.

В психоанализе все, наоборот, там для душевного очищения указывается путь расширения греховной памяти якобы для последующего «глубинного анализа». Человеку и так «больно» вспоминать прошлую греховность, а психоанализ предлагает обсуждать грехи человеческие, «раскопать» все греховное, углубить помрачение сознания в непрерывном памятовании о грехе. Психоанализ способен активировать низшие пласты человеческой психики, тогда как православная психотерапия направлена на очищение низших пластов психического посредством концентрации душевной жизни на высших психических структурах, через преобразование ума, совести, сердца в едином акте богоустремленности чувства, воли и мысли.

Что требует психоаналитик от пациента? Главное – признать наличие у себя психологических проблем. Согласно психоанализу, неосознаваемые психические травмы полученные человеком в опыте жизни и укоренные в глубинах подсознания сопротивляются переводу их в сознание. Поэтому от человека не требуется усилия самостоятельно обнаружить эти травмы. Только психоаналитик, работая с бессознательным, способен отыскать эти травмы, перевести их в сознание, и тем самым «вылечить» человека.

Что требуется от человека в Церкви Христовой, на исповеди, в духовной беседе со священником или православным психологом? Главное – признать себя «грешным человеком» и «дейтельно покаяться» в грехах. Дейтельное покаяние означает осознанное усилие изменить греховный образ жизни.

Чему сопротивляется человек, ставится вопрос в православной психотерапии? А именно «отказу от греха», отречению от греховного образа жизни. Человек «сросся с грехом», любит свой грех и оправдывает его. «Нераскаянный человек» всегда сопротивляется заповедям Божиим, которые и есть констатация здорового образа жизни.

Согласно православной психотерапии, требуется личное усилие и мужество человека в осознании своих грехов, нацеленность на борьбу с ними. Однако личных усилий человеку не хватает, ему необходима «помощь Божия», которую он может получить не у такого же грешника каким является психоаналитик, а в Церкви Христовой. От человека усилие не грешить, а от Бога помощь и результат в совместном богочеловеческом акте обновления во Христе – вот истинный путь психотерапии.

Первым обоснованным методом психоаналитической психотерапии, как известно, был «метод толкования сновидений». После работ З. Фрейда многие авторы стали создавать «новые концепции толкования сновидений», число которых постоянно увеличивается. Среди теоретиков сновидческих концепций наиболее известны: С. Гроф, К. Кастанеда, С. Корен, А. Минделл, К. Шайнберг, К-Г. Юнг. Однако, как полагают православные психологи, «толкование снов – это не новая сфера знаний, а старая и забытая отрасль магии» [10, с. 4].

Магия в христианском понимании – это «активное использование связи с миром духов... это искусство вызывания духов и управления ими с помощью заклинаний» [11, с. 21]. В научном значении магия – это оккультная психологическая техника, провоцирующая различные психические заболевания.

Относительно практики толкования сновидений Священник Олег (Моленко) ясно и четко формулирует: «В Церкви не было, нет и не может быть никаких «сонников» или механизмов для разгадывания снов... Само желание непременно знать толкование или значение своих снов показывает духовное заболевание» [12, с. 707–709].

По мере развития доктрины психоанализа, после методологии толкования сновидений, стали появляться новые психологические методики. Базовая из них – это «работа с сопротивлением». Психо-

аналитики полагают, что, в начале психотерапевтической работы необходимо «сломоть сопротивление» пациента. «З. Фрейд обнаружил, что пациент сопротивляется любым терапевтическим усилиям аналитика, как только тот касается вытесненных проблем» – отмечает проф. П.С. Гуревич [13, с. 542].

В практике «слова сопротивления» психоаналитическая терапия идет против природы человека. Психика, устройство души, вероятно, таковы, что именно посредством «сопротивления» человек способен к душевному и психологическому самосохранению и оздоровлению.

Основная функция «сопротивления», как психологического механизма, есть попытка сохранения целостности психики, а слом «сопротивления» есть раскол психического мира человека. «Сломоть сопротивление» – значит понизить психологическую защиту человека, открыть путь для проникновения в человеческий организм всевозможных психических и соматических заболеваний. Психоаналитический «слом сопротивления» в духовном аспекте есть попытка устранить «сакральную защиту» охристовленной души человека, посредством наполнения души языческими образами бессознательного.

Православная психотерапия решительно отвергает фрейдистский принцип непрерывного воспоминания «основного травмирующего события» жизни человека. В православной психотерапии любое расширение «воспоминательной работы сознания» о прошлых грехах недопустимо. Человек не должен жить прошлой греховностью и мучиться ею.

Очевидно, что если непрерывно подвергать пациента «воспоминаниям о психологической травме», чем в основном и занимается психоанализ, то постепенно человек начинает мучиться негативными переживаниями прошлого, теряет сон, начинаются со-

матические проблемы, активизируются хронические заболевания, психический мир человека постепенно разрушается.

В православной терапии священник никогда не провоцирует расширение «памятования» о психических травмах. «Господь простил, грех раскаян, иди и не мучайся, живи спокойно, Господь хранит тебя и все будет у вас хорошо» – вот приблизительно такие слова священника успокаивают душу страждущего, уравнивают его психическую жизнь.

Примечательно: З. Фрейд на первом этапе создания своего учения в книге «Этюды по истерии» (1895 г.) курсивом выделил фразу: *«Истерики в основном страдают от воспоминаний»* [14, с. 15]. Стало быть, в основе истерии лежит травмирующее воспоминание, от которого надо избавиться. Но, как известно, вся психоаналитическая терапия основывается не на подавлении, а на «извлечении из бессознательного» именно травмирующих душевную жизнь человека воспоминаний.

По отношению к проблеме истерии З. Фрейд предложил следующий психотерапевтический метод: «извлекать из бессознательного» все большее количество «травмирующих воспоминаний», наполнять психику этими воспоминаниями, «переживать» их заново, затем «рационализировать переживания» и тем самым приводить психику в динамическое равновесие.

По З. Фрейду, «бесцензурное проговаривание» – ни чем не сдерживаемых мыслей, образов, воспоминаний, переживаний которые «лезут в голову» дает возможность аналитику обнаружить психологическую травму. Что это, как не расшатывание психического мира человека? Представьте, что если бы людям разрешить в их семейных отношениях, в их общении, в деловых отношениях «бесцензурно», как предлагают психоаналитики, т.е. без цензуры совести, морали и нравственности, традиций и приличий «прого-

варивать» любые мысли, то мы реально получим патологизацию многих человеческих отношений.

Более того, всем психиатрам и невропатологам хорошо известно: во время помешательства, истерического припадка, суицидальных состояний человек, как правило, «бесцензурно» вербализирует брань, всевозможные ругательства, несвязанные мысли. При состоянии припадка, помешательства психика человека в процессе вербализации значительно усиливается степень неадекватной критики внешней реальности и собственной личности, нарастает поток навязчивого, неудержимого проговаривания бредовых мыслей и фантазий.

Аналогичным образом проводится психоаналитическая психотерапия. Согласно психоаналитической методике З. Фрейда, сеанс за сеансом у психоаналитика проходит в состоянии «бесцензурного проговаривания».

Таким образом, очевидно, что психоаналитическая методика есть прямая провокация синдрома навязчивого проговаривания патологических мыслей, от которого человеку в дальнейшей жизни становится трудно избавиться.

Получалось так, что вместо того, чтобы искать способы устранения психических травм, т.е. удерживать эти травмы в «глубине души», чем собственно веками и занималась Христианская Церковь, З. Фрейд предложил наоборот, индуцировать эти травмы из глубин психической жизни. Причем, из бессознательного индуцируются, в первую очередь, сексуально окрашенные переживания, что, как правило, приводит к патологии навязчивой рефлексии – осмысления проблем собственного сексуального опыта. Само мышление пациента становится сексуализированным, умственные процессы наполняются наслаждением и страхом, присущим сексуальным переживаниям.

Психоаналитическая терапия всегда первоначально ориентирована на «растормаживание подсознания пациента», а затем на поиск якобы динамического соответствия бессознательных и сознательных психических структур. Однако психотерапевтам давно известно, что «расторженное... подсознание ведет к дисбалансу в работе подкорковых зон мозга, прежде всего диэнцифальной области..., которая регулирует вегетативные функции: сон, аппетит, обмен веществ, артериальное давление..., иммунитет и т.д.» [15, с. 444].

Психоаналитическая терапия ставит психику пациента на грань между нормой и патологией. В психоанализе существует разрушительная практика углубления переживаний страдающего человека с целью более «глубинного анализа» его душевной проблемы. Мера и степень расширения переживаний в психоанализе нечем не определена, т.е. психика человека, его душевный мир подвергаются свободному экспериментированию психоаналитика.

Психоанализ утверждает свою методологию на древнегреческой идее катарсиса. «Первоначальный метод катарсиса, – отмечает проф. П.С. Гуревич, – в сущности, заключается в том, что больной посредством гипнотического воздействия или без него перемещается на задний план своего сознания, то есть в состояние медитации, или созерцания... Таким образом, вытесненное и потерянное вновь возвращается назад» [16, с. 170].

Что в действительности означает «возврат в сознание» вытесненного и потерянного психического опыта? Человек по всем психологическим и физиологическим критериям со всей необходимостью представляет собой систему, которая усваивает, перерабатывает и выбрасывает переработанные психические и физиологические «отходы». А психоанализ предлагает нарушить естественную

цикличность психической жизнедеятельности человека: взять все вытесненные «психические отходы», собрать их и «канализировать» обратно в сознание.

Если, например, на уровне физиологии постоянно заставлять человека питаться продуктами собственных отходов, то очевидно, что человек заболит и умрет. То же самое делают психоаналитики на уровне психологии, т.е. заставляет психику человека подпитываться собственным негативным психическим опытом – переработанным «психическим мусором». И все это противоестественное психологическое «безумие» выдается за вершину психотерапии.

Известно, что во время или после психоаналитических сеансов многие люди впадали в депрессивные состояния, доходили до суицидов, оказывались в психиатрических клиниках, совершали преступления.

Извлеченные из бессознательного посредством «метода свободных ассоциаций», так называемые «вытесненные травматические воспоминания» расшатывали психику и приводили некоторых пациентов к трагическим последствиям. Так, например, «пациентку Зигмунда Фрейда, Матильду С. вынуждены были поместить в психиатрическую лечебницу. Другая его пациентка Полина Тейдор, начав курс лечения, внезапно выбросилась из окна» [17, с. 68].

Профессор психиатрии О.Г. Виленский, основываясь на многолетней клинической практике, отмечал: «имеются данные о том, что часть пациентов, проходящих лечение психоанализом, в последующие годы обращалась за помощью к психиатрам (так как назойливое копание психоаналитика в душевных переживаниях пациента обостряет его состояние)» [18, с. 58].

Очевидно, что методология психоаналитической психотерапии изначально антипсихологична и на практике может приводить к

тяжелым психическим отклонениям, к частичному или тотальному поражению психики.

Другим важным методом в психоанализе считается «метод свободных ассоциаций». Потаенный смысл «метода свободных ассоциаций», разработанного З. Фрейдом, можно обнаружить в сопоставлении этого метода с методом гипнозом.

Гипноз – это измененное состояние сознания, характеризующееся сужением его объема и предположительной резкой фокусировкой на содержании внушения. Состояние гипноза наступает в результате специальных воздействий гипнотизера или целенаправленного самовнушения. В более общем смысле гипноз это понятие о комплексе методик целенаправленного словесно-звукового воздействия на психику человека через заторможенное определенным способом сознание, приводящее к бессознательному выполнению команд и реакций.

Вот какую характеристику проблемы модернизации гипноза в психоанализе приводит протоиерей Михаил (Дронов). «Психоаналитики стремятся всячески развеять в своих пациентах подозрения в применении гипноза и в то же время признают, что гипноз – главная основа всякой терапии... Как признают многие психотерапевты, Фрейд ввел гипноз в психотерапию, но растворил его в смутном понятии трансфера... он... стремился замаскировать явления, вызывающие мистические опасения, за наукообразной формой» [19, с. 271–272].

Г. Элленбергер – специалист по сравнительной истории психиатрии и психотерапии, исследуя проблему исторических источников психоаналитического учения, пришел к следующему выводу: «психоаналитическая методика образовалась при постепенной модификации почти всего гипноза» [20, с. 167].

Как известно, З. Фрейд противопоставлял «метод свободных ассоциаций» «методу гипноза» и подчеркивал их прин-

ципиальную разницу. На самом же деле эта разница в значительной мере формальная, а психотерапевтическая сущность идентичная. Все дело в том, что «метод свободных ассоциаций» и метод гипноза – это методы, направленные на изменение сознания.

Существуют общие терапевтические приемы, как в проведении сеансов гипноза, так и в психоаналитических сеансах. Так, например: 1) при гипнозе осуществляется выход за пределы индивидуального сознания, разрушаются границы ясного рассудка и чувств, происходит смешение реальности ощущаемой и внушенной, и все это – с целью достижения пространства бессознательной психики; 2) при психоанализе, также как и при гипнозе, осуществляется понижение критичности сознания, обнаруживается смешанность чувств и эмоций, теряется пространственная реальность, понижается адекватность мировосприятия и тем самым активизируется бессознательная часть психики.

«Метод свободных ассоциаций», согласно которому пациент должен свободно, «без контроля сознания» проговаривать все, что ему «приходит в голову», не стесняясь при этом ни в моральном, ни в культурном приличии собственных высказываний приводит человека к деперсонализации, к активизации психологически разрушительных мыслей и желаний, к произнесению «запретного», т.е. противоположного, извращенного, безнравственного.

При психотерапии «методом свободных ассоциаций» предполагается, что пациент... может «проговориться», т.е. спонтанно произнести такие слова, которые укажут на невольно возникающие у него мысли, анализ же этих мыслей и ассоциаций в свою очередь укажет причину и источник его заболевания или тревоги», – отмечает известный психоаналитик [21, с. 168].

Методом гипноза овладеть практикующему психотерапевту удастся не всегда, тогда как «методом свободных ассоциаций» овладеть может любой человек. И в данном отношении З. Фрейд сделал свой метод доступным значительному числу практикующих психологов, психиатров и психотерапевтов.

Однако сакральное значение фрейдистского «метода свободных ассоциаций» осталось неведомо большинству практикующих психоаналитиков. Дело в том, что посредством метода гипноза и «метода свободных ассоциаций» пациент и терапевт попадают под действие «инфернальных духовности». Они входят в иную духовную реальность либо посредством «отключение сознания», как при гипнозе, либо посредством «искажения сознания», как при «методе свободных ассоциаций».

Подытожим: 1) гипноз, трансфер – это формы единого мистического опыта, это формы общения с «инфернальным духовным миром»; 2) психоанализ явился формой сокрытия гипноза как универсального метода психотерапии; 3) работа с бессознательным, трансфер, метод свободных ассоциаций, «забрасывание в бессознательное» психоаналитических образов, «сломя сопротивление» – все это, по сути, модернизированные формы гипнотического внушения.

Человек, подвергнутый психоаналитической терапии, как правило, оказывается в ситуации «спутанности сознания», иерархия его прежних ценностей рушится, снимаются все запреты на высказывания, на тайные инфернальные желания и психологически разрушительные воображаемые образы и как следствие психика и поведение человека деструктурируются. Таким образом, психоанализ являет собой методологию психологического искажения морального сознания человека, лишение его разумного самовосприятия.

Разум исторически возникал на почве осмысленных психических страданий самого высокого душевного уровня. Разум есть этически наполненное сознание. З. Фрейд же призывал наполнять разум бессознательной стихией, т.е. фактически разрушать исторически укорененные этические структуры разума. «Открыть дорогу в бессознательное» (выражение З. Фрейда) есть не что иное, как нанести сокрушительный удар по моральному сознанию человека.

В данном аспекте психоанализ представляет собой квазипсихологическую методологию, основанную на принципах «психической вирусологии». «Вирусология» психоанализа проявляется, в первую очередь, в нанесении травматического психологического удара по психике человека: вначале вскрытие бессознательного, затем расширение «открытой дыры» в бессознательном, из которой непрерывном потоком идет аффективная (инфернальная) антиэнергия, которая все более и более захватывает сознательную часть психики.

Более того, методики психоанализа, направленные на «работу с бессознательным» на практике, в физиологическом отношении, как правило, приводят к потере контроля над мозговыми центрами и как следствие – углубленная психоаналитическая терапия, по всей вероятности, может приводить к отмиранию клеток головного мозга человека.

Психоаналитическая методология «свободных ассоциаций» и методология «духовной беседы» православного священника имеют принципиальное различие, они прямо противоположны. Так психоаналитик требует расширять воображение, вербализовать подавленное чувство, влечение, переживание. Причем психоаналитика не интересует, что неограниченное моралью движение мысли пациента за влечением и чувством, как прави-

ло, провоцирует демонологические, некрофильские, садистские и иные патологические формы воображения. Что характерно, с точки зрения психоанализа, именно углубление в патологию переживаний пациента считается «глубинным проникновением» в его душевный мир.

Воспаленное воображение пациента, спровоцированное и одобренное психоаналитиком все более в ходе сеанса центрируется в сознании и расшатывает подсознание, которое готово выбрасывать все новые и новые деструкции. Постепенно человек начинает верить в то, чего нет, и не было в реальности. Он свыкается с мыслью о глубинном поражении своей психики тем, что вдруг «открылось» в ходе психоаналитического сеанса и как следствие ведет борьбу не с реальной проблемой, а с теми миражами, которые были нарисованы ничем не сдерживаемым в ходе сеанса собственными воображением и фантазией.

«Богомудренные святые отцы Православия называли фантазию демоническим мостом к душе человека. Фантазия есть извращенное внутренне чувство, явившееся результатом грехопадения, и в восстановленном, очищенном человеке, в Царстве Божием ей не должно быть места» [22, с. 263–264].

Пациенты во время и после сеанса психоаналитика, как правило, переживают состояния отчужденности, уныния, опустошенности, неполноценности, страха, богооставленности. В результате «сшибки» или столкновения сознательного и бессознательного на соматическом уровне возникают симптомы головокружения, тошноты, боли в животе, тремор, повышается давление, учащается пульс, изменяется дыхание.

Не расширять воображение и не проговаривать все, что лезет в голову, как учит психоанализ, а наоборот «хранить уста» и «хранить ум» от мыслей блуждающих, от душевно опасных слов и вы-

ражений – вот истинный путь психотерапии. Известны высказывания православных праведников относительно многословия и вербализации всего, что приходит на ум. «Где много слов, там обыкновенно много грехов» (Преп. Исаак Сирий); «Береги язык; ибо он часто выносит наружу то, что лучше было бы утаить» (Преп. Нил Сорский).

Вот как характеризует проблему сохранения внутренней жизни души Никита Стифат: «краткий путь к стяжанию добродетелей... есть молчание уст, смежение очей и ушей до глухоты заткнутие. Ибо ум, в следствии сего, пользуясь бездействием сих чувств и заключив входы к себе совне, начинает всматриваться в себя самого и в свои движения... Таким образом он, как бы некий самодержавный владыка, стоя посреди помышлений, обсуждает их и разделяет худшие помыслы от лучших, и одни из них влагает в мысленную житницу свою... коими питаюсь, возмогает и светом наполняется, а другие отсылает в глубину забвения, стрясая с себя горечь их... Это место, отмечает митрополит Иерофей (Влахос), достойно всякого понимания. Из него хорошо видно, что ум, освобождаясь от порабощения чувствами через молчание уст и лишение внешних раздражителей, упорядочивает душу. Он не позволяет дурным и сатанинским помыслам проникнуть в так называемое подсознание... Туда входят лишь добрые помыслы, питающие и животворящие человека» [23, с. 139-140].

Итак, психоанализ, как методология ни чем не сдерживаемого «прорыва в бессознательное», наполняет душу человеческую всевозможным «демонизмом». Православная, пастырская психология охраняет душу человеческую от проникновения «духов зла».

Православным психотерапевтам, православным ученым, очевидно, что психоаналитические и подобные им иные «методики растормаживания подсознания» приводят к появлению так на-

зываемой «оккультной болезни», которая не поддается лечению обычными медицинскими средствами. Также среди многих известных психологов, психиатров и психотерапевтов, не придерживающихся психоаналитической ориентации, существуют доказательства, что посредством психоанализа еще никого никогда не вылечили [24].

Так, например, всемирно известный психолог Ганс Айзенк на неопровержимых фактах доказал следующее: 1) «Психоанализ мало чем отличается от шаманского колдовства» [25, с. 194]; 2) Психоанализ – это псевдонаука, или онаученный вымысел, мистификация и профанация научной, экспериментальной психологии; 3) Психоанализ наносит громадный вред душевному здоровью людей и на практике сокращает продолжительность их жизни.

В психоанализе «излечение?» видится в формальном разоблачении своих психологических проблем перед самим собой, перед другими, перед аналитиком. Психоанализ предполагает, что человек «оздоровится?», например, в группах коллективной психотерапии, если он свободно расскажет перед всеми о своих психологических проблемах, а затем займет позицию примирения с тем, что людям стало известно о его деструктивных деяниях, страстях или переживаниях, или о преступлениях и извращениях, совершенных кем-либо над публично кающимся человеком.

«Вообще-то... методика публичной исповеди, замечает богослов, распространена в тоталитарных сектах» [26, с. 128]. С православной точки зрения, для охранения душевного мира крайне вредно распространяться среди неизвестных людей о своих проблемах. Вот как осмысливает данное обстоятельство валаамский старец схиигумен Иоанн: «Если придется тебе поговорить с кем-либо другого устройства, потерпи. Боже упаси не высказывай свое-

го внутреннего устройства. От людей надо скрывать свои внутренние переживания, духовные и греховные, а делиться надо только с единомысленным» [27, с. 116].

Православие видит излечение в душевном покаянии перед Богом. В православии человек просит у Бога «избавления от многих и лютых воспоминаний и предприятий, и от всех действий злых». Православие сохраняет тайну исповеди, психоанализ же призывает идти по пути социального обнажения греховности.

Духовная православная беседа по сравнению с психоаналитической методологией свободных ассоциаций имеет в своей основе совершенно иные подходы. В ходе данной беседы священник, как правило, приостанавливает свободную игру воображения человека и соотносит все высказываемое с богоустановленными императивами христианского миропонимания, нравственного поведения и моральной вменяемостью. Не распалить воображение – задача священника, православного психолога, а отрезвить, направить патологичные мысли человека в русло христианского осознания и покаяния.

Православие видит несовершенство души человеческой, которая не может примириться с обнаженной греховностью своих братьев. Психоанализ наоборот, призывает раскрыть греховность и не мучиться ею, ибо что мучиться, когда и так всем стало известно. Человек, согласно психоанализу, страдает от того, что не находит примирения своей потаенной греховности с социальной реальностью, с тем, что постоянно приходится скрывать свою греховность.

Психоаналитический принцип психотерапии состоит в следующем: скрываемая греховность и порочность патологизируют человека, социально обнаженная и самооправданная греховность и по-

рочность оздоравливают его. В психоанализе существует методика рассказа о внутренней душевной жизни, но в психоанализе нет покаяния как подлинно онтологически-терапевтического принципа. Психоанализ, в сущности, есть деонтология психического мира человека. Только истинное покаяние приближает страждущего к первоисточнику бытия, восстанавливая онтологическое богоподобие человеческой души. Без покаяния в грехах нет выздоровления. В психоанализе другие принципы: 1) примириться с внутренней греховностью души и оправдать ее; 2) жить со грехами и не мучиться ими.

Психоанализ изначально решает проблему человека через определение его природы как тотального устремления к всевозможным формам и видам зла. В православной психологии иное отношение к человеку. Православие всех людей видит добрыми и никого не считает нечистым и оскверненным. Душа может заблудиться, упасть в греховность, но по сути своей душа от Бога и, значит, устремлена к добру. В психоанализе же предполагается, что человек хочет он того или нет, однако всегда устремлен к порокам: к блуду, прелюбодеянию, стяжательству, ревности, кровнородственному убийству, ненависти, памятоз-лобию, сексуальным отклонениям, некрофильским тенденциям, инцесту и пр. В психоанализе принято за маленьким злом искать большее зло. В Православии принято, даже в печальных обстоятельствах, искать доброе и святое.

Психоанализ ориентирует людей на обретение власти над внешним миром с целью компромиссного приспособления индивидуальной психики к социальной реальности. Православие выступает за обретение власти над внутренним миром человека с целью спасения его от духовной смерти и преодоления греховной жизни.

Известный православный врач, психотерапевт, доктор медицинских наук, профессор, иеромонах Анатолий (Берестов) констатирует, что в современной внецерковной психотерапевтической практики (в психоанализе, гипнологии, трансперсональной методологии и др.) обнаруживается следующее: 1) в начале временное устранение патологической симптоматики; 2) затем неизбежное расширение уже имевшегося заболевания или появление новых болезней. «Снимать боль, кашель, нарушения стула и т.п., т.е. симптомы болезни, как это делают экстрасенсы или «целители», это не есть излечение. Это – обман, результатом которого является усугубление болезни. Боль проходит, а болезнь остается и развивается» [28, с. 82].

По исследовательским данным иеромонаха Анатолия (Берестова) обращение страждущих к «всевозможным целителям» (колдунам, экстрасенсам, биоэнергетикам, психоаналитикам, кодировщикам, диетологам, корректировщикам психики, гипнологам и др.) приводит к нарушениям в иммунной сфере, «нарушаются клеточный и гуморальный иммунитет»; организм человека становится беззащитным для проникновения множества болезней» [29, с. 36].

Таким образом, в общем виде, рассмотренные в работе, основные концептуально-методологические различия психоаналитической и православной психотерапии можно суммировать в следующей таблице.

Таблица 1.

Православная психотерапия	Психоаналитическая психотерапия
<i>1. Методология толкования сновидений модернизирует языческую магию в традиции толкования снов и наполняет психику суррогатами сновидческого опыта.</i>	<i>1. «Метод толкования сновидений» необходим в психоаналитической терапии, т.к. позволяет выявить «работу бессознательного».</i>

Окончание таблицы

2. Сопротивление представляет собой естественную и сакральную защиту психики. Любые попытки насильственного проникновения в бессознательное травмируют психику.	2. Необходимо «слоमितь сопротивление» и проникнуть в глубины бессознательного. Затем вывести из бессознательного забытое, травмирующее событие, переживание.
3. В процессе духовной беседы запрещается бесцензурная вербализация непристойных желаний, фантазий, представлений, побуждений.	3. В процессе сеанса допускается любая бесцензурная вербализация всех инфернальных мыслей, чувств, представлений, фантазий, желаний.
4. Вытесненное в глубины душевной жизни и возвращенное обратно в сознание выводит психику из динамического равновесия.	4. Необходимо вернуть в сознание психические переживания, вытесненные в бессознательное и прорабатывать психический негативизм.
5. Практика «расширения потока свободных ассоциаций» приводит к духовно опасному наполнению психики фантазиями, миражами, грезами.	5. «Метод свободных ассоциаций» является обязательным в целях обнаружения вытесненного психического материала.
6. Метод «катарсиса» взят из языческой древнегреческой психологии, модифицирован и представляет собой скрытую форму запрещенного в христианской психологии гипнотизма.	6. Посредством «метода катарсиса» психика переводится в гипнотическое, медитативное, трансовое состояние, с целью возвращения вытесненного психического опыта.

В заключении следует подчеркнуть: сравнительно-методологические исследования психологических парадигм, теорий, концепций и методов необходимо проводить в русле сравнения христианской и внехристианской психологии и психотерапии. Это позволяет глубже раскрыть сущность антропологического, аксиологического и онтологического измерения современной психологии.

Список литературы

1. Авдеев Д.А., Невярович В.К. Наука о душевном здоровье. Основы православной психотерапии. М.: Русский Хронограф, 2005. 512 с.;

- Шеховцова Л.Ф. Православная психотерапия. СПб.: Изд-во РХГА, 2015. 143 с.
2. Авдеев Д.А. Духовная сущность психических расстройств. М., 2007. 208 с.; Буянов М.И. Религия и психотерапия. М.: Издательство Российского общества медиков-литераторов, 1998. 128 с.; Гостев А.А. Психология вторичного образа. М., Институт психологии РАН, 2007. 512 с.; Дворецкая М.Я. Святоотеческая психология. СПб., 2000. 110 с.; Зенько Ю.М. Психология религии. СПб., 2009. 402 с.; Шеховцова Л.Ф., Зенько Ю.М. Элементы православной психологии. М.: Изд-во Московского подворья Свято-Троицкой Сергиевой лавры, 2012. 252 с.
  3. Шеховцова Л.Ф. Душа и тело в православной психологии: психофизиологические аспекты взаимоотношений. СПб.: Изд-во РХГА, 2011. 187 с.
  4. Психология и психоанализ характера. Хрестоматия по психологии и типологии характеров. М.: Бахрах-М, 2009. 640 с.
  5. Православие в жизни. Сборник статей. Фонд «Христианская жизнь», Клин. 2002. 312 с.
  6. Осипов А.И. Путь разума в поисках истины. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2014. 496 с.
  7. Фромм Э. Кризис психоанализа. Дзен-буддизм и психоанализ. М.: Айрис-Пресс. 2004. 304 с.
  8. Гуревич П.С. Психология. М.: Юнити, 2005. 320 с.
  9. Фрейд З. «Я» и «ОНО». Труды разных лет. Книга 1. Тбилиси. Мериани, 1991. 398 с.
  10. Можно ли верить снам. М., 2005. М.: Свято-Успенская Почаевская Лавра, 2005. 64 с.
  11. Иеромонах Анатолий (Берестов), Алевтина Печерская. Под маской православия нередко скрываются колдуны, экстрасенсы и псевдоправославные секты. М.: Душепечительный центр во имя святого праведного Иоанна Кронштадского, 2006. 448 с.

12. Отец Олег Моленко. Вопросы по Священному Писанию. Православие и лжеправославие. М.: Братство во имя апостола Иоанна Богослова, 2008. 800 с.
13. Гуревич П.С. Психология. М.: Юнити, 2012. 320 с.
14. Феррис П. Зигмунд Фрейд. Минск: «Попурри», 2001. 432 с.
15. Иеромонах Анатолий (Берестов). От чего нас хотят «спасти» НЛЮ, экстрасенсы, оккультисты, маги. М.: Даниловский благовестник, 2001. 380 с.
16. Гуревич П.С. Расколотость человеческого бытия. М.: ИФ РАН, 2009. 199 с.
17. Щербаков А. Зигмунд Фрейд великий лохотронщик. М.: Олма Медиа Групп, 2007. 304 с.
18. Виленский О.Г. Психиатрия. М.: Вузовская книга, 2010. 396 с.
19. Протоиерей Михаил (Дронов.) Православная аскетика и психоанализ // Альфа и Омега. 1998, № 2 (16). С. 248–259.
20. Генри Ф. Элленбергер. Открытие бессознательного. История и эволюция динамической психиатрии. Часть II: Психотерапевтические системы конца XIX – первой половины XX века. СПб., Янус. 2004. 668 с.
21. Овчаренко В.И. Психоаналитический глоссарий. М.: Высшая школа, 1994. 307 с.
22. Каббала – заговор против Бога. Сибирская Благовонница, 2008. 317 с.
23. Митрополит Иерофей (Влахос). Православная психотерапия. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2004. 367 с.
24. Уэллс Г. Павлов и Фрейд М., 1959. 608 с.; Он же. Крах психоанализа. От Фрейда к Фромму. М.: Прогресс-Язык. 1968. 287 с.; Айзенк Г. Психология. Польза и вред. Психология: смысл и бессмыслица. Психология: факты и вымысел. Минск: Харвест, 2003. 912 с.

25. Акимов О.Е. Правда о Фрейде и психоанализе. М., Издатель Акимова. 2005. 278 с.
26. Диакон Андрей (Кураев). Сатанизм для интеллигенции. (О Рерихах и Православии). Религия без Бога. Ч.1. М., Отчий дом. 1997. 528 с.
27. Схиигумен Иоанн (Алексеев). Письма валаамского старца. М.: «Форма Т», 2007. 380 с.
28. Иеромонах Анатолий (Берестов). Грех, болезнь и исцеление. М.: Изд-во Душепопечительского центра во имя Святого праведного Иоанна Кронштадтского, 2003. 238 с.
29. Священник Родион. Люди и демоны. Образы искушения современного человека падшими духами. М.: Общество любителей православной литературы, 1998. 280 с.

References

1. Avdeev D.A., Nevyarvich V. K. *Nauka o dushevnom zdorov'e. Osnovy pravoslavnoy psyhoterapii* [The science of mental health. Fundamentals right-glorious psychotherapy]. М., 2005. 512 p.; Shekhovtsova L.F. *Pravoslavnaya psyhoterpiya* [Orthodox Psychotherapy]. SPb.: RHGA, 2015. 143 p.
2. Avdeev D.A. *Duhovnaya suschnost' psikhicheskikh rastroystv* [The spiritual nature of mental disorders]. М., 2007. М., 2007. 208 p.; Buyanov M.I. *Religiya i psikhoterpiya* [Religion and Psychotherapy]. М., 1998. 128 p.; Gostev A.A. *Psikhologiya vtorichnogo obraza* [Psychology of the secondary image]. М., 2007. 512 p.; Dvoretzkaya M. Ya. *Svyatootcheskaya psikhologiya* [Patristic psychology]. SPb., 2000. 110 p.; Zen'ko Yu.M. *Psikhologiya religii* [Psychology of Religion]. SPb., 2009. 402 p.; Shekhovtsova L.F., Zen'ko M.Yu. *Elementy pravoslavnoy psyhologii* [The elements of orthodox psychology]. М., 2012. 252 p.
3. Shekhovtsova L.F. *Dushe I telo v pravoslavnoy psihologii: psihofiziologicheskie aspekty vzaimootnosheniy* [Body and Soul in the Orthodox

- psychology: psycho-physiological aspects of the relationship]. SPb.: RHGA, 2011. 187 p.
4. Raigiridskiy D.Ya. *Psihologiya I psihoanaliz haractera. Hrestomatiya po psihologii I tipologii haracterov* [Psychology and Psychoanalysis character. Readings on the psychology and character typology]. M.: Bahrah-M, 2009. 640 p.
  5. *Pravoslavie v zhizni* [Orthodox life]. Sbornik statey. Fond "Hristianskaya Zhizn" Klin. 2002. 312 p.
  6. Osipov I.A. *Put' razuma v poiskah istiny* [The path of reason in search of truth]. M., 2014. 496 p.
  7. Fromm E. *Krizis psihoanaliza. Dzen-buddizm I psihoanaliz* [The crisis of psychoanalysis. Zen Buddhism and psychoanalysis]. M.: Airis-Press, 2004. 304 p.
  8. Gurevich P.S. *Psihologiya* [Psychology]. M.: Uniti, 2005. 320 p.
  9. Freud Z. "Ya" I "Ono" *Trudy raznyh let* ["I" and "IT". Works of different years]. Book 1. Tbilisi. Merani. 1991. 398 p.
  10. *Mozhno li verit snam* [Is it possible to believe in dreams]. M., 2005. M., 2005. 64 p.
  11. Berestov A., Pecherskaya A. *Pod maskpoy pravoslaviya neredko skryvayutsya kolduny, ekstrasensy I psevdoppravoslavniye sekty* [Under the guise of orthodoxy often hidden witches, psychics and psevdopravoslavnye sect]. M., 2006. 448 p.
  12. Molenko O. *Voprosy po svyaschennomy pisaniyu. Pravoslavie I Izhepravoslavie* [Questions about the Scriptures. Orthodoxy and Izhepravoslavie]. M., 2008. 800 p.
  13. Gurevich P.S. *Psihologiya* [Psychology]. M.: Uniti, 2005. 320 p.
  14. Ferris P. *Zigmund Freud*. Minsk. "Poppuri", 2001. 432 p.
  15. Berestov A. *Ot chego nas hotyat spastic NLO, extrasensy, okkultisty, amgi* [From what we want to "save" UFOs, psychics, occultists, magicians]. M., 2001. 380 p.

16. Gurevich P.S. *Roskolotost chelovecheskogo bytiya* [Split the human being]. M.: IF RAN, 2009. 199 p.
17. Scherbakov A. *Zigmund Rfeud velikiy lohotronschnik* [Sigmund Freud great lohotronschnikov]. M., Olma Media Grupp. 2007. 304 p.
18. Vilenskiy O.G. *Psihiatriya* [Psychiatry]. M., 2010. 396 p.
19. Dronov M. *Alfa i Omega*. 1998, № 2 (16). p. 248–259.
20. Henry F. Hellenberger *Otkrytie bessoznatelnogo. Istoriya I evolyutsiya dinamicheskoy psihiatrii. Chast II: Psihoterapevticheskir sisitemy kontsa XIX – pervoy poloviny XX veka* [The discovery of the unconscious. History and Evolution of Dynamic Psychiatry. Part II: Therapeutic system in the late XIX – early XX century]. SPb., Yanus. 2004. 668 p.
21. Ovcharenko V.I. *Psihoanaliticheskiy glosariy* [Psychoanalytic glossary]. M., 1994. 307 p.
22. *Cabbalah – zagovor protiv Boga* [Kabbalah – a conspiracy against God]. Cibirskaya blagozvonitsa. 2008. 317 p.
23. Vlahos I. *Pravoslavnaya psihoterapiya* [Orthodox Psychotherapy]. Svyato-Troitskaya Sergieva Lavra. 2004. 367 p.
24. Wells G. *Pavlov i Freud*. M., 1959. 608 p.; Wells G. *Krah psihoanaliza. Ot Freuda k Frommy* [The collapse of psychoanalysis. From Freud to Fromm]. M., 1968. 287 p.; Aizenk G. *Psikhologiya. Polza I vred. Psikhologiya: smysl i bezsmyslitsa. Psikhologiya: fakty i vymisel* [Psychology. Benefits and harms. Psychology: sense and nonsense. Psychology: facts and fiction]. Minsk: Harvest. 2003. 912 p.
25. Akimov O.E. *Pravda o Freude I psihoanalize* [The truth about Freud and psychoanalysis]. M., 2005. 278 p.
26. Kuraev A. *Satanizm dlya intellegentsii. (O Rerihah I pravoslavii). Religiya bez Boga* [Satanism for the intelligentsia. (About Roerich and Orthodoxy). Religion without God]. Part 1. M., 1997. 528 p.

27. Alekseev I. *Pisma valaamskogo startsa* [Letters Valaam elder]. М.: Forma T, 2007. 380 p.
28. Berestov A. *Greh, bolezn i itseleniye* [Sin, sickness and healing]. М., 2003. 238 p.
29. Rodion. *Lyudi I demony. Obrazy iskusheniya sovremennogo cheloveka padshimi duhami* [People and demons. Images of the temptation of modern man fallen spirits]. М., 1998. 280 p.

ДАнные ОБ АВТОРАХ

Ермаков Вячеслав Алексеевич, кандидат философских наук, доцент
Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова
Стремянной пер., 36, г. Москва, 117997, Российская Федерация
ermak.v.a@mail.ru

Корецкая Ирина Александровна, кандидат исторических наук,
доцент
Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова
Стремянной пер., 36, г. Москва, 117997, Российская Федерация
ikoretskay@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Ermakov Vyacheslav Alekseevich, PhD, Associate Professor
Plekhanov Russian University of Economics
36, Stremyanny lane, Moscow, 117997, Russian Federation
ermak.v.a@mail.ru

Koretskaya Irina Aleksandrovna, PhD, Associate Professor
Plekhanov Russian University of Economics
36, Stremyanny lane, Moscow, 117997, Russian Federation
ikoretskay@mail.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2016-2-282-292

УДК 141.3

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПРОБЛЕМ КУЛЬТУРЫ И ЭКОЛОГИИ В ФИЛОСОФИИ КЕНА УИЛБЕРА

Куценко Н.Ю., Бобылева О.М.

Цель. Актуальность статьи определяется необходимостью рассматривать причины экологического кризиса в тесной взаимосвязи с состоянием культуры. Авторы ставят целью проанализировать отношение к проблемам культуры и экологии в рамках интегральной философии, представленной современным мыслителем Кеном Уилбером.

Метод или методология проведения работы. Основу статьи образует герменевтический метод; проблема производности экологического кризиса представлена с позиций аксиологического и деятельностного подходов.

Результаты. В статье проведен предварительный анализ проблемы взаимосвязи экологического и культурного кризисов в философии Кена Уилбера. Показана необходимость более пристального внимания исследователей к вопросу «культурной пропасти», которая, по мнению философа, является главной причиной экологического кризиса.

Область применения результатов. Результаты работы могут быть использованы как в образовательном процессе, так и в исследованиях, посвященных проблемам современной философии.

Ключевые слова: Уилбер Кен; интегральная философия; культура; экология; культурный кризис; экологический кризис.

INTERRELATION OF PROBLEMS OF CULTURE AND ECOLOGY IN PHILOSOPHY KEN WILBER

Kutsenko N. Yu., Bobyleva O. M.

Purpose. Relevance of article is defined by need to consider the reasons of ecological crisis in close interrelation with a condition of culture. Authors set as the purpose to analyse the relation to problems of culture and ecology within the integrated philosophy presented by the modern thinker Ken Wilber.

Methodology. The basis of article is formed by is the hermeneutic method; the problem of derivativeness of ecological crisis is presented from positions of axiological and activity approaches.

Results. In article the preliminary analysis of a problem of interrelation of ecological and cultural crises in Ken Wilber's philosophy is carried out. Need of closer attention of researchers to a question of «a cultural abyss» which, according to the philosopher, is the main reason of ecological crisis is shown.

Practical implications. Results of work can be used both in educational process, and in the researches devoted to problems of modern philosophy.

Keywords: *Wilber Ken; integrated philosophy; culture; ecology; cultural crisis; ecological crisis.*

В рамках современных философских исследований одними из наиболее обсуждаемых вопросов являются культурный и экологический кризисы. Вероятно, одна из причин такого внимания заключается в самой сути времени, а именно: в том пороговом состоянии, в котором, по словам многочисленных исследователей, оказалось человечество. «Мы находимся в той точке, в кото-

рой сознательное, рациональное, индустриальное мировоззрение встречается с серьезными проблемами, присущими его собственной внутренней организации... Мировоззрение эпохи модерна с его особыми признаками и свойствами исполнило свою миссию и теперь живет в своих собственных отходах. Мы вдыхаем то, что выдыхаем...» [9, с. 113].

Множество книг и статей зарубежных и отечественных авторов посвящены обозначенным вопросам; в частности, можно выделить работы И.К. Лисеева, А.Д. Урсула, Э.В. Гирусова, К.А. Даллакян, К.Х. Саркисянц, Х.Э. Мариносян, Е.В. Якимовой и других исследователей.

Важно отметить, что экологический и культурный кризисы современными исследователями стали рассматриваться сквозь призму их тесной взаимосвязи. Причины же подобного «соединения» в следующем: во-первых, появилось осознание того, что решить экологическую проблему теми способами, которые предлагают сегодня положения международных конвенций по охране окружающей среды или деятельность многочисленных общественных организаций, – невозможно. Во-вторых, стало очевидно, что человек своей деятельностью рискует изменить не только облик планеты, но и направить собственный эволюционный процесс по пути распада.

При рассмотрении данной проблемы К.А. Даллакян и К.Х. Саркисянц пишут: «...Формирование экологической культуры является не только способом сохранения природного окружения человека, но и средством сохранения самой культуры в эпоху глобализации, угрожающей человечеству культурной унификацией» [2, с. 75]. Е.В. Якимова и Э.Э. Брэгг в своих исследованиях выделяют такое понятие, как «Экологическое Я»: «Понятие экологического Я заслуживает серьезного внимания как вполне вероятная проме-

жуточная переменная в процессе формирования экологически ответственного поведения» [11, с. 156]. В свою очередь «экологический подход» является сегодня общенаучным средством познания [5, с. 84].

Однако наиболее последовательно тесная взаимосвязь культурного и экологического кризисов прослеживается в исследованиях интегральной философии, представленной, в первую очередь, американским мыслителем Кеном Уилбером [6–9, 11–15].

Всем известен парадокс: человек – виновник того, что сегодня происходит с нашей планетой; все достижения человеческого разума, в крайнем их проявлении, способны уничтожить жизнь на Земле. При этом, согласно положениям так называемой «холархии», предложенной К. Уилбером, большинство современных людей все еще «пребывают» на уровне визуально-логической ступени сознания, что в принципе не позволяет избавиться собственную мораль от зависимости прогрессирующих технических решений современности.

К. Уилбер не связывает большинство существующих проблем с индустриализацией, которую многие исследователи и критики считают причиной «механистического мировоззрения». Исследователь говорит о том, что все обозначенные и обсуждаемые сегодня проблемы полностью производны: «центральной проблемой является то давление, которое эта производственная основа оказывает на сознание, чтобы оно уделяло внимание области «это» [9, с. 381]. Для философа экологическая проблема, опять же, есть производная проблема: «главная проблема Геи – недостаток взаимопонимания и взаимного согласия в ноосфере о том, что делать с этими проблемами. Мы не сможем управлять ни промышленностью, ни демографией, если мы не сможем достигнуть взаимного понимания и взаимного соглашения,

основанного на космополитической моральной позиции с учетом интересов глобального населения» [9, с. 439]. Изначальная же причина любого экологического кризиса, говорит ученый – обыкновенное невежество. В свое время именно невежество, то есть незнание и непредвидение последствий человеческого воздействия на природу привело к полному истреблению некоторых лесов. При этом так называемое «священное» отношение к природе нисколько не мешало древним племенам разрушать экосистему. Сегодня, казалось бы, современная наука и, в частности, экологические науки указывают, насколько губительны наши действия. Однако люди продолжают разрушать биосферу. Значит ли это, что невежество так и осталось невежеством? При этом отмечается, что последствия от подобного незнания в рамках «примитивной технологии» не столь катастрофичны, как последствия в рамках сегодняшнего незнания, опирающегося на высокоразвитую промышленность: «рациональность и промышленность, доведенные сегодня до предела, стали раковыми опухолями, их безудержный рост имеет крайне отрицательные последствия. Они выходят за рамки своего назначения и превращаются в различные властные иерархии того или другого рода» [9, с. 116].

Согласно взглядам К. Уилбера, человечество должно «преодолеть» современность, то есть ограничить негативные моменты и включить наиболее выгодные стороны. Особенность современной эпохи заключается в том, что «наконец-то мы знаем больше...». В то же самое время, «если мы не будем действовать, основываясь на этом знании, то мы все погибнем». Каждая эпоха, как и каждое мировоззрение, создают «свои собственные проблемы». Основной проблемой нашей эпохи исследователь считает так называемую «культурную пропасть» [9, с. 99].

Культурная пропасть – это своего рода разница в культурных ценностях, мотивах и целях поведения человечества. При этом даже «экономическая пропасть» между бедными и богатыми не столь страшна по мнению К. Уилбера: «... намного более негативной и намного более скрытой является культурная пропасть, «пропасть ценностей», то есть промежуток между глубиной, предлагаемой культурой в качестве возможности, и теми, кто действительно может достичь этой глубины в своем собственном развитии» [9, с. 462]. Проблема даже не в существовании этой пропасти, а в том, что о ней мало кто говорит, следовательно, мало кто работает над решением этой проблемы (если работает вообще). Ведь только на глобальном уровне развития люди действительно могут осознать наличие экологического кризиса и будут обладать желанием и силой, чтобы преодолеть его: «... только при помощи эффективного решения проблемы культурного разрыва мы можем эффективно решить проблему экологического кризиса, так как это одна и та же проблема» [9, с. 465].

Первый шаг к преодолению культурной пропасти, по мнению мыслителя, лежит в формировании элементарной экологической этики. Как ни банально это прозвучит, но, думается, «экологическая этика» или «экологическая культура» – необходимая дисциплина даже для начальной школы. Первое же правило экологической этики таково: «... в удовлетворении наших жизненных потребностей мы должны потреблять или разрушать как можно меньше глубины...» [9, с. 471]. Такое отношение Кен Уилбер называет «духовной интуицией».

К. Уилбер показывает, что человечество сегодня находится на той ступени развития, когда постепенное преобразование мира возможно и, в определенном смысле, уже имеет место. Философ

утверждает, что приблизительно с середины прошлого столетия начался медленный переход от рационального индустриального общества к информационному визуально-логическому (это, конечно, не духовное преобразование, но, тем не менее, важный шаг). Однако это, как отмечает мыслитель, «вовсе не повод для праздника», поскольку подобная трансформация – еще и тяжелое бремя для человека. Ведь появляется еще больше ответственности и «чем больше глубина общества, тем большее бремя возложено на образование... чем больше глубина, тем больше феноменов, которые в целом могут происходить совершенно неправильно» [9, с. 461].

Таким образом, новая форма общества, по мнению К. Уилбера, будет развиваться, но сможет объединить культуру и природу только в том случае, если откажется от поверхности и пойдет по пути той формы духовного развития, которую философ называет «моральной интуицией». Согласно утверждениям исследователя, это единственный способ прийти к подлинной экологической этике и гармоничному сосуществованию с природой, основанному на личных ценностях, коллективной мудрости и современных технических достижениях. Только тогда «над миром встанет новое Солнце, которое во многом сильнее разума...» [9, с. 111].

В заключение следует сказать, что понимание производности экологической проблемы от того, что К. Уилбер называет культурной пропастью, явилось бы важным шагом в переосмыслении всей деятельности человека. На сегодняшний день интегральная философия – это своего рода диалог с учеными и философами всего мира, попытка обозначить совершенно иной, хотя, казалось бы, очевидный путь преодоления такой глобальной проблемы как экологическая.

Список литературы

1. Гирусов Э.В. Социально-экологическое образование в контексте культуры // *Философские основания экологического образования в эпоху нанотехнологий*. М.: Канон+, 2014. С. 115–125.
2. Даллакян К.А. Экософия в эпоху парадигмального и пространственно-временного сдвига // *Философские основания экологического образования в эпоху нанотехнологий*. М.: Канон+, 2014. С. 85–91.
3. Даллакян К.А., Саркисянц К.Х. Энвайронментальное знание и экологическая культура в эпоху глобализации. *Вестник ВЭГУ*. 2011. № 3 (53). С. 69–76.
4. Лисеев И.К. Особенности и специфика экологического образования эпохи высоких технологий // *Философские основания экологического образования в эпоху нанотехнологий*. М.: Канон+, 2014. С. 4–21.
5. Трусов Ю.П. О предмете и основных идеях экологии // *Философские проблемы глобальной экологии*. М.: Наука, 1983. С. 79–92.
6. Уилбер К. Интегральное видение. М.: Открытый Мир, 2009. 232 с.
7. Уилбер К. Краткая история всего. М.: АСТ: Астрель, 2006. 476 с.
8. Уилбер К. Теория всего. М.: Постум, 2013. 256 с.
9. Урсул А. Экологическая парадигма и перспективы образования // *Философские основания экологического образования в эпоху нанотехнологий*. М.: Канон+, 2014. С. 22–43.
10. Якимова Е.В., Брэгг Э.Э. К вопросу об экологическом Я: глубинная экология и конструкционистская теория // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия: Социология*. 1997. № 3. С. 155–164.
11. Wilber K. *Grace and Grit: Spirituality and Healing in the Life of Treya Killam Wilber*. Boston: Shambhala, 2000. 656 p.
12. Wilber K. *Integral Psychology: Consciousness, Spirit, Psychology, Therapy*. Boston, London: Shambhala, 2000. 224 p.

13. Wilber K. No Boundary: Eastern and Western Approaches to Personal Growth. Boston: Shambhala, 2001. 283 p.
14. Wilber K. One Taste: The Journals of Ken Wilber. Boston: Shambhala, 1999. 427 p.
15. Wilber K. The Atman Project: A Transpersonal View of Human Development. Boston: Shambhala, 1991. 320 p.

References

1. Girusov E.V. Sotsial'no-ecologicheskoe obrazovanie v kontekste kultury [Socio-ecological education in the context of culture]. *Filosofskie osnovaniya ekologicheskogo obrazovaniya v epohu nanotekhnologii* [The philosophical bases of ecological education during an era of nanotech-based technologies]. Moscow: Kanon+, 2014, pp. 115–125.
2. Dallakyan K.A. Ecosofiya v epohu paradigmal'nogo i prostranstvennogo sdviga [Ecosofiya in an era of paradigmatic and spatial-temporal offset]. *Filosofskie osnovaniya ekologicheskogo obrazovaniya v epohu nanotekhnologii* [The philosophical bases of ecological education during an era of nanotech-based technologies]. Moscow: Kanon+, 2014, pp. 85–91.
3. Dallakyan K.A., Sarkicyants K.H. Envaironmental'noye znaniye i ekologicheskaya kultura v epohu globalizatsii [Environmental knowledge and environmental culture in the era of globalization]. *Vestnik VEGU* [Vestnik VEGU]. 2011. No. 3 (53), pp. 69–76.
4. Liseev I.K. Osobennosti i spetsifika ekologicheskogo obrazovaniya epohi vysokih tekhnologii [The features and specifics of environmental education era of high technology]. *Filosofskie osnovaniya ekologicheskogo obrazovaniya v epohu nanotekhnologii* [The philosophical bases of ecological education during an era of nanotech-based technologies]. Moscow: Kanon+, 2014, pp. 4–21.
5. Trusov Yu.P. O predmete i osnovnyh ideyah ekologii [About the subject and the main ideas of ecology]. *Filosofskie problemy global'noi*

- ecologii* [Philosophical problems of global ecology]. Moscow: Nauka, 1983, pp. 79–92.
6. Wilber K. *Integral'noye videniye* [The Integral Vision: A Very Short Introduction to the Revolutionary Integral Approach to Life, God, the Universe, and Everything]. Moscow: Otkrytiy mir, 2009. 232 p.
  7. Wilber K. *Kratkaya istoriya vsego* [A Brief History of Everything]. Moscow: AST: Astrel', 2006. 476 p.
  8. Wilber K. *Teoriya vsego* [Theory of Everything: An Integral Vision for Business, Politics, Science and Spirituality]. Moscow: Postum, 2013. 256 p.
  9. Ursul A. *Ecologicheskaya paradigma i perspektivy obrazovaniya* [Ecological paradigm and the prospects of education]. *Filosofskie osnovaniya ecologicheskogo obrazovaniya v epohu nanotekhnologii* [The philosophical bases of ecological education during an era of nanotech-based technologies]. Moscow: Kanon+, 2014, pp. 22–43.
  10. Yakimova E.V., Bregg E.E. *K voprosu ob ecologicheskom Ya: glubin-naya ecologiya i konstruksionistskaya teoriya* [About ecological I: deep ecology and constructionist theory]. *Sotsial'nyye i gumanitarnyye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya: Sotsiologiya* [Social Sciences and Humanities. Domestic and foreign literature. Series: Sociology], 1997. No. 3, pp. 155–164.
  11. Wilber K. *Grace and Grit: Spirituality and Healing in the Life of Treya Killam Wilber*. Boston: Shambhala, 2000. 656 p.
  12. Wilber K. *Integral Psychology: Consciousness, Spirit, Psychology, Therapy*. Boston, London: Shambhala, 2000. 224 p.
  13. Wilber K. *No Boundary: Eastern and Western Approaches to Personal Growth*. Boston: Shambhala, 2001. 283 p.
  14. Wilber K. *One Taste: The Journals of Ken Wilber*. Boston: Shambhala, 1999. 427 p.
  15. Wilber K. *The Atman Project: A Transpersonal View of Human Development*. Boston: Shambhala, 1991. 320 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Куценко Надежда Юрьевна, доцент кафедры философии и социальных наук, кандидат философских наук
*Иркутский государственный университет путей сообщения
ул. Чернышевского, 15, г. Иркутск, Иркутская область, 664074,
Российская Федерация
ny.kutsenko@yandex.ru*

Бобылева Ольга Михайловна, доцент кафедры философии и социальных наук, кандидат исторических наук
*Иркутский государственный университет путей сообщения
ул. Чернышевского, 15, г. Иркутск, Иркутская область, 664074,
Российская Федерация
chuolga@yandex.ru*

DATA ABOUT THE AUTHORS

Kutsenko Nadezhda Yur'evna, Associate Professor, Department of Philosophy and Social Sciences, Ph.D. (Candidate of Philosophy)
*Irkutsk State University of Railway Transport
15, Chernyshevsky Str., Irkutsk, Irkutskaya oblast, 664074, Russian Federation
ny.kutsenko@yandex.ru*

Bobyleva Olga Mihailovna, As Associate Professor, Department of Philosophy and Social Sciences, Ph.D. (Candidate of Historical Sciences)
*Irkutsk State University of Railway Transport
15, Chernyshevsky Str., Irkutsk, Irkutskaya oblast, 664074, Russian Federation
chuolga@yandex.ru*

DOI: 10.12731/2077-1770-2016-2-293-304

УДК 28

РАННИЕ ФОРМЫ И РУДИМЕНТЫ В ТРАДИЦИОННОМ ИСЛАМЕ

Хиясова С.Г.

Цель. Статья посвящена актуальной теме отражения языческих обычаев и обрядов в культуре традиционного ислама. Имеющиеся в науке исследования данной проблемы носят скорее описательный характер.

Метод и методология проведения работы. Использовались общенаучные методы: анализа и синтеза, сравнения, обобщения.

Результаты. Автором впервые была поставлена цель дифференциации религиозно-канонических и пережиточных форм в данной религии. В результате анализа целого комплекса языческих обычаев и обрядов (паломничество в горы, культ святых, могил, культ умерших предков, магия) и сопоставления их с нормами ислама было установлено, что они прочно укрепились в народном исламе. Установлено, что на современном этапе данные пережитки продолжают оказывать влияние на этические, нравственные нормы народов Дагестана, так как зачастую воспринимаются как сугубо канонические нормы ислама.

Область применения результатов. Результаты работы представляют интерес для специалистов в области культурологии, этнографии.

Ключевые слова: культура; религия; рудименты; язычество; рудименты; ислам; народы Дагестана.

EARLY FORMS AND RUDIMENTS IN TRADITIONAL ISLAM

Hiyasova S.G.

Purpose. The article is devoted to the actual topic of reflection of pagan customs and rituals in traditional Islam culture. The study of problem existing in humanities is rather descriptive.

Methodology. We used general scientific methods: analysis and synthesis, comparison, generalization.

Results. The author first set the goal of differentiation of the canonical religions and pagan forms in this religion. The analysis of the complex of pagan customs and rituals (the pilgrimage to the mountains, the cult of Saints, graves, and the cult of the dead ancestors, magic) and their comparison with the norms of Islam showed that they were firmly entrenched in this religion. It is shown that at the present stage these remnants continue to influence the ethical, moral norms of the peoples of Dagestan, as they are often perceived as purely canonical norms of Islam.

Practical implications. The results of the work will be of interest to the specialists in the field of cultural studies and ethnography.

Keywords: culture; religion; rudiments; paganism; pagan views of Islam; peoples of Dagestan.

В последние десятилетия в связи с кардинальными изменениями в жизни постсоветского общества усилился интерес к древней этнической истории, искусству, верованиям в странах СНГ и Дагестана, в частности.

Проблемы, охватывающие различные аспекты религии, в том числе ее влияния на общественное сознание, не только не утра-

тили своей значимости, но и приобретают в последнее время все большую актуальность.

Интерес к данной тематике все больше усиливается, а вместе с тем увеличивается и количество споров, дискуссий вокруг данного вопроса. Остановимся на одном из данных аспектов, а именно на отражении языческих рудиментов в традиционном исламе. Причём речь идет здесь не о единичных случаях, примерах, а о целом комплексе трансформировавшихся из язычества в народный ислам воззрений, форм. Данные формы присутствуют и в христианстве, поскольку известно, что появлению монотеистических религий предшествовал политеизм. Безусловно, ислам выступил «с намерением уничтожить даже самые незначительные языческие обычаи, но народные традиции оказались сильнее этого стремления» [5, с. 65].

Домонотеистические представления народов Дагестана не стоят особняком, они во многом, иногда до мелочей, совпадают с соответствующими представлениями народов Северного Кавказа и Закавказья. Остановимся на данном вопросе в контексте Дагестана. Огромный пласт этих рудиментов закрепились как установившиеся адаты, традиции, которых веками придерживались предки дагестанцев.

Анализ существующих в современном религиозном сознании этносов языческих пережитков прошлых веков может стать важнейшим источником для познания и анализа истории, культуры, религии народов Дагестана, Кавказа. Эти рудименты язычества, так или иначе, оказывали и продолжают оказывать влияние на этические, эстетические, нравственные нормы современных народов.

Работа по изучению ранних форм верований народов Дагестана уже была проведена. В той или иной степени, она отражена в исследованиях В.М. Котовича, С.Ш. Гаджиевой, А.Г. Булато-

вой, А.О. Булатова, Н.А. Агларова, С.А. Лугуева, Б.И. Алимовой, Х.М. Халилова, М.Р. Халидовой, Л.Б. Гмыри и др. При этом в специальной литературе практически не затрагиваются вопросы, где бы четко разграничивались религиозные нормы, уходящие корнями в язычество и воззрения сугубо религиозно-канонические.

После зарождения новой религии, ислама, в VII веке он вскоре стал распространяться и на территории Дагестана. После активного внедрения ислама здесь, в VIII–XV вв., язычество уже, казалось бы, уже было полностью вытеснено из мировоззрения народов Дагестана, но традиционный, или как еще говорят народный, ислам не вытеснил сложившиеся традиционные верования и обряды. Распространяясь по Кавказу, Дагестану традиционный ислам адаптировал часть местных религиозных традиций, обрядов и превратился в некий симбиоз мусульманства и язычества. Подобные процессы отмечались не только в Дагестане, но повсеместно, везде, куда проникала новая религия. Так Д.Е. Еремеев отмечал, что «распространяясь среди народов Азии и Африки, ислам вобрал в себя немало местных поверий, обычаев, праздников. Во многих странах появился, например, культ святых и их могил, что само по себе противоречит раннему исламу, отвергавшему поклонение кому-нибудь, кроме единого и единственного бога – Аллаха» [4, с. 270]. На территории Дагестана также известно огромное количество почитаемых верующими могил. Например, верующие Дагестана, Азербайджана, Чечни и сегодня совершают паломничество в горы Шалбуздаг, Бахарган, Чипир, Ахульго и др. В принципе суть этого – двоеверие, где исконно родные, традиционные элементы культуры, т.е. язычества, играли роль фундамента в формировании новой религии, и во многом на тот период это было желанием самих людей, которые не желали отходить от веками утвердившихся традиций и обычаев. В этой связи В. Голдциер от-

мечал: «в исламе не принята практика канонизации святых, а реально существовавший человек или мифический герой становится почитаемым по воле народных масс» [3, с. 61].

Подобное смешение религиозных форм язычества, христианства, ислама говорит о нерасчлененности (синкретизме) различных верований в традиционной культуре, которые далеко не всегда совпадают с официальными канонами и принципами ислама, христианства и т.д. При этом на современном этапе сторонники традиционного, народного ислама выдают их как сугубо религиозные, канонические.

Иногда случалось так, что некоторые рудименты домонотеистических представлений где-то совпадали с верованием ислама, точнее сказать не противоречили ему. В этом случае население Дагестана воспринимало их как шариатские, исламские воззрения. В подобных случаях они вводились народами Дагестана в обыденную жизнь, сопровождаясь при этом обращениями к Всевышнему, с упоминанием имени пророка Мухаммада (мир ему...) других святых, с чтением мусульманских молитв, что еще больше вводило народ в заблуждение, что основой всех этих пережитков является ислам.

В данном вопросе считаем важным не столько давать оценку, выявлять позитив или негатив тех или иных пережитков. Более того, считаем, что это уже сложившаяся история, культура народов Дагестана, Кавказа, к которой нужно относиться уважительно и бережно, ибо это уже пройденный этап, который лишь можно переосмыслить, над чем-то задуматься, извлечь определенные уроки. Другое дело, когда сегодня, в XXI веке, до сих пор подменяют понятия, несмотря на ряд фундаментальных исследований этой проблемы, анализ которых позволяет четко разграничить домонотеистические и собственно исламские нормы. Остановимся на некоторых из них поподробнее.

К пережиточным формам культуры народов Дагестана относится культ умерших предков и связанная с ним похоронная обрядность. До сих пор в Дагестане у ряда его народов принято называть ребенка именами покойных родственников (дедушки, бабушки, дяди и др.), у некоторых из них, например, у кумыков это наречение является очень почетным, даже если это имя весьма неблагозвучно, например, Къызтаман, Пирдаус, Маймунат, Кудайберды и др.

В похоронной обрядности дагестанских народов также сохранились представления о некоей нечистоте трупа. Так до сих пор встречаются пережитки, когда у одних народов Дагестана после захоронения трупа стены домов белят, либо обмазывают свежей глиной, другие – повсеместно вычищают жилище, ковры, паласы, шкуры, протирают влажной тряпкой дверные и оконные проемы и т.п. Вещи, с которыми соприкасался покойник, хорошенько проветривают на свежем воздухе не менее трех дней. Известны отдельные случаи, когда продукты из комнаты, где умер человек, выкидывают, так как думают, что все в комнате забрызгано кровью, ибо по древнему поверью Ангел смерти Азраил перерезал горло, принимая душу человека. Достаточно распространены случаи, когда, напротив, жилище, где находился покойник не убирают, не подметают пол в течение трех дней, т.е. не выносят сор [7].

По сей день у ряда народов Дагестана не выключают свет в доме покойного, чтобы дух умершего мог без затруднения навещать свой дом; также полагают, что при свете душа не сможет навредить домочадцам. В культуре Дагестана также сохранились воззрения, по которым душа, умершего в первые дни после смерти приходит голодной домой, и ее надо подкармливать. Таким образом, угощая близких, родственников, которые пришли на соболезнование, символически насыщают душу умершего человека. Это явление Гаджиев М.Г, объяснял тем, что «умершие предки, по

представлениям древних дагестанцев, нуждались в кормлении и с ними советовались. Угроза мести со стороны покойного предка, оставленного без внимания, порождала страх смерти перед умершими родственниками» [2, с. 11].

Вероятно, в целях успокоения, облегчения положения души покойного издревле и по сегодняшние дни у народов Дагестана принято читать Коран на могилах усопших, что по исламу в принципе никак не влияет на положение покойного в ином мире, а также выделять третий, седьмой, сороковой (пятьдесят второй) дни поминальной обрядности, которые исследователи рассматривают больше, как «консолидирующий акт скрепления уз родства и добрососедства» [6, с. 23], нежели атрибут исламской культуры. Также ничего общего с канонами ислама не имеет показное оплакивание покойника, тем более порицаемы данной религией самоистязания при оплакивании покойника типа битья по коленям, животу, царапания лица, вырывания волос, до сих сохранившиеся в традиционной культуре кумыков, даргинцев и др. народов Дагестана. «Значительное место, – пишет Г.А. Сергеева, в похоронном обряде кумыков занимало самоистязание, самобичевание, отрешение от всего земного. Женщины царапали, резали стеклом лица. Сестры отрезали косы, а бывало, и вырывали их, и обматывали вокруг запястья в виде браслета» [7, с. 115]. У тюркоязычных народов Дагестана умершего оплакивали и мужчины. С плачем и стенаниями и сегодня мужчины ряда районов Дагестана заходят в дом покойного до и после захоронения. Напротив, терпеливое, даже ближе к фатальному принятию, перенесение человеком утраты приветствуется данной религией и лишь непоказная печаль, и грусть здесь не вызывает осуждения. «Особо следует сказать об обычае оплакивания и причитания, отражающем древнейшие верования. Он не связан с исламом, более того, и шариат не одобряет оплакивание умершего» [5, с. 131].

Сегодня сохранилось огромное количество пережитков культуры, часто интерпретируемых опять-таки как религиозные, суть которых сводится непосредственно к магии и магическим обрядам. Особенно много их отразилось в так называемой детской обрядности. Считалось, что маленькие дети наиболее уязвимы к разным болезням и хворям, при этом их причины видели отнюдь не в медицине и физиологии ребенка. Основные причины сводились к действиям определенных злых сил, с которыми необходимо было бороться. Давая характеристику подобным силам, С.А. Лугуев пишет: «Особое место в верованиях народов Дагестана занимает существо, якобы приходящее ночью к спящему человеку, чтобы душить его. Он охватывает спящего человека с головы до ног и парализует его» [6, с. 56]. Сюда восходит целый комплекс предметов, несущих в основе своей апотрепейную, защитную функцию. К ним можно отнести популярные и по сей день в народе бусинки от «дурного глаза», некоторые из которых пришивают к одежде, кусочки древесины айвы, древесный уголь, клыки животных (волка, кабана) и т.п. До сих пор у кумыков, даргинцев и некоторых других народов Дагестана варят злаково-бобовую кашу, при прорезывании первых зубов у ребенка или по причине его первых шагов. Считается, что варка данной каши с ее раздачей соседям способствует облегчению данного процесса. «Когда ребенку исполнялось 9 месяцев, мать или другая женщина из семьи ребенка варила кашу из 9-ти различных ингредиентов (злаков, бобов и др.)» – пишет А.Г. Булатова и отмечает при этом, что «эта каша раздавалась в селении в качестве жертвы» [1, с. 187]. Подобную кашу народы Дагестана варили на ранних этапах в случае долгой засухи для вызова долгожданного дождя и, что особенно интересно, ее же варят накануне праздничного исламского дня Ашура.

Повсеместно у народов Дагестана сохранились отголоски имитативной, инициальной магии, магии цвета, магии чисел, симпатической магии (вызвать подобное подобным). По сей день живо предание, что проводить важные мероприятия, типа свадьбы, наречение имени ребенка, укладывание его в люльку и т.п. желательно в определенные дни и месяцы. Нельзя, например, невесте дарить единичный подарок типа одного платка, одного кольца. Говоря о древнем пережитке магии чисел, Булатова отмечает, что «в прошлом у лакцев и части даргинцев существовало табу чисел; к нежелательным относилось число 9. Когда ребенок вступал в девятый месяц жизни, окружающие переставали называть это число» [1, с. 187]. На современном этапе у ряда народов Дагестана стричь первые ногти младенцу стараются поручить умелому человеку, хорошо владеющему какими-то ремеслами, трудовыми навыками, дабы передать это умение ребенку. Полагают, что выкидывать мусор из дома крайне желательно до вечерней молитвы. Причём, как правило, носителями всех этих рудиментов является взрослое поколение дагестанских народов, которое себя отождествляет в первую очередь с мусульманами, но не видит ничего страшного в исполнении языческих пережитков, которые воспринимает как веками устоявшиеся традиции предков. «Как и в старину, в наши дни, стараясь уберечь обрученную от «дурного глаза», в ее комнате держат плоды рябины, обструганные палочки дерева, корни, стебли и плоды боярышника» – пишет С.А. Лугуев [6, с. 23].

К сожалению, не утратили своей актуальности приемы любовной, вредоносной магии. «К народным традиционным приемам любовной магии население прибегает и в наши дни, – отмечает С.А. Лугуев При этом религиозно-магическая подоплека подобного рода действий чаще всего всерьез не принимается, здесь доминирует развлекательное начало» [6, с. 84]. В современности по-

всеместно дату заключения мусульманского брака (магъара) стараются держать в строгой тайне, поскольку принято считать, что именно данный день весьма благоприятен для различных приемов вредоносной магии. Таких как завязывание узелков, вытаскивание из ножен и вкладыванию в них кинжала, к открыванию и закрыванию замков и др. Примеров, касающихся магии, очень много. Складывается впечатление, что из всех известных пережитков язычества в дагестанской культуре сохранилось гораздо больше отголосков магии. Лугуев справедливо отмечает, что «этот цикл обычаев и обрядов сохранился в селениях Дагестана и в наши дни: не принимая в расчет их религиозно-магическое содержание, население относится к ним как к проявлениям культурного наследия предков» [6, с. 95].

Итак, изучение и анализ рудиментов домонотеистических верований в жизни современного общества и сегодня является актуальным вопросом. Все чаще прослеживается возросший интерес дагестанских народов к своей истории и к предшествовавшим религиозным формам. Анализ исследований по данной проблеме показал, что домонотеистические верования во многом проходили местную стадию становления и развития. В результате нашего исследования мы пришли к следующим выводам:

1. Значительным фактором в системе современной духовной культуры и в традиционном исламе продолжают оставаться рудиментальные формы и культы, безусловно, во взаимосвязи с другими культурно-историческими феноменами.

2. В настоящее время влияние пережиточных форм религии на жизнь народов Дагестана также велико, как и в далеком прошлом. Народы Дагестана также, как и раньше верят в «порчу», «сглаз». Также актуальна похоронно-поминальная обрядность, культ предков, представления о душе предков и их обязательном кормлении и т.п. Различ-

ные формы и приемы магии, особенно оборонительной (профилактической) также присутствуют в жизни дагестанских народов.

3. Традиционные для народов Дагестана ранние (языческие) религиозные формы и культы, наряду с господствующей религией ислама суннитского толка продолжают оставаться значительным фактором в системе духовной культуры, во взаимосвязи с другими культурно-историческими феноменами и процессами.

4. Народный ислам и традиционное мусульманство не искоренили древние представления народов, а во многом даже их закрепили.

Список литературы

1. Булатова А.Г. Традиционные праздники и обряды народов горного Дагестана в XIX – начале XX века. Л.: Изд-во Наука, 1988. 197 с.
2. Гаджиев М.Г. Приморский Дагестан в эпоху ранней бронзы. Махачкала, 1984 // Рук. фонд ИИЯЛ ДагФАН СССР. Ф. 3. Оп. 3 Д. 589. Л. 55.
3. Гольдциер И. Культ святых в исламе. М., 1938. 80 с.
4. Еремеев Д.Е. Ислам: образ жизни и стиль мышления. М.: Политиздат, 1990. 288 с.
5. Керимов Т.М. Шариат и его социальная сущность. М.: Изд-во Наука, 1978. 223 с.
6. Лугуев С.А. Духовная культура народов Дагестана XVIII–XIX вв. // Рук. фонд ИИАЭ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 977.
7. Сергеева Г.А. Похоронные обряды народов Дагестана: традиции и современность. М., 1985. 312 с.

References

1. Bulatova A.G. *Tradicionnyye prazdniki i obryady narodov gornogo Dagestana v XIX – nachale XX veka* [Traditional holidays and ceremonies of the people of mountain Dagestan at XIX beginning XXth century]. L.: Publishing Center «Science», 1988. 197 p.

2. Gadzhiev M.G. *Primorskiy Dagestan v epokhu ranney bronzy* [The seaside Dagestan during an era of early bronze]. Makhachkala, 1984. Ruk. Fond IYIL DagFan SSSR. F. 3 Op. 3 D. 589. L. 55.
3. Goldcier I. *Kult svyatykh v islame* [The cult of saints in Islam]. M., 1938. 80 p.
4. Ereemeev D.E. *Islam: obraz zhizni i stil myshleniya* [Islam: lifestyle and way of thinking]. M.: Politizdat, 1990. 288 p.
5. Kerimov T.M. *Shariat i ego socialnaya sushchnost* [Sharia and its social essence]. M.: Publishing Center «Science», 1978. 223 p.
6. Lugev S.A. *Dukhovnaya kultura narodov Dagestana XVIII–XIX vv.* [The spiritual culture of the peoples of Dagestan of the XVIII–XIX centuries]. The written fund IIAE F. 5. Op. 1. D. 977.
7. Sergeeva G.A. *Pokhoronnye obryady narodov Dagestana: tradicii i sovremennost* [The funeral ceremonies of the people of Dagestan: traditions and present]. M., 1985. 312 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Хиясова Сарат Гасановна, доцент кафедры философии и культурологии, кандидат педагогических наук, доцент
*Дагестанский государственный педагогический университет
ул. Ярагского, 57, г. Махачакала, 367300, Российская Федерация
sara.khiasova@gmail.com*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Hiyasova Sarat Gasanovna, Associate Professor of Philosophy and Cultural Studies, PhD, Associate Professor
*Dagestan State Pedagogical University
57, Yaragsky Str., Makhachkala, 367300, Russian Federation
sara.khiasova@gmail.com*

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

(<http://soc-journal.ru/submissions.html>)

В журнале публикуются оригинальные статьи на русском и английском языках, содержащие результаты фундаментальных и теоретико-прикладных исследований в области филологии, истории и философии, а также обзорные статьи ведущих специалистов по тематике журнала.

Требования к оформлению статей

Объем рукописи	7-24 страницы формата А4, включая таблицы, иллюстрации, список литературы; для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук – 7-10.
Поля	все поля – по 20 мм
Шрифт основного текста	Times New Roman
Размер шрифта основного текста	14 пт
Межстрочный интервал	полуторный
Отступ первой строки абзаца	1,25 см
Выравнивание текста	по ширине
Автоматическая расстановка переносов	включена
Нумерация страниц	не ведется
Формулы	в редакторе формул MS Equation 3.0
Рисунки	по тексту
Ссылки на формулу	(1)
Ссылки на литературу	[2, с.5], цитируемая литература приводится общим списком в конце статьи в порядке упоминания

ЗАПРЕЩАЕТСЯ ИСПОЛЬЗОВАТЬ ССЫЛКИ-СНОСКИ ДЛЯ УКАЗАНИЯ ИСТОЧНИКОВ

Обязательная структура статьи

УДК

ЗАГЛАВИЕ (на русском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на русском языке)

Аннотация (на русском языке)

Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой
(на русском языке)

ЗАГЛАВИЕ (на английском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на английском языке)

Аннотация (на английском языке)

Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой
(на английском языке)

Текст статьи (на русском языке)

- 1. Введение.**
- 2. Цель работы.**
- 3. Материалы и методы исследования.**
- 4. Результаты исследования и их обсуждение.**
- 5. Заключение.**
- 6. Информация о конфликте интересов.**
- 7. Информация о спонсорстве.**
- 8. Благодарности.**

Список литературы

Библиографический список по ГОСТ Р 7.05-2008

References

Библиографическое описание согласно требованиям журнала

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: улица, дом, город, индекс, страна (на русском языке)

Электронный адрес

SPIN-код в SCIENCE INDEX:

DATA ABOUT THE AUTHORS

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: дом, улица, город, индекс, страна (на английском языке)

Электронный адрес

AUTHOR GUIDELINES

(<http://soc-journal.ru/submissions.html>)

The journal publishes original articles in Russian and English, containing the results of fundamental and theoretical and applied research in the field of philology, history and philosophy, as well as review articles by leading experts on the subject of the journal.

Requirements for the articles to be published

Volume of the manuscript	7-24 pages A4 format, including tables, figures, references; for post-graduates pursuing degrees of candidate and doctor of sciences – 7–10.
Margins	all margins –20 mm each
Main text font	Times New Roman
Main text size	14 pt
Line spacing	1.5 interval
First line indent	1,25 cm
Text align	justify
Automatic hyphenation	turned on
Page numbering	turned off
Formulas	in formula processor MS Equation 3.0
Figures	in the text
References to a formula	(1)
References to the sources	[2, p.5], references are given in a single list at the end of the manuscript in the order in which they appear in the text

DO NOT USE FOOTNOTES AS REFERENCES

Article structure requirements

TITLE (in English)

Author(s): surname and initials (in English)

Abstract (in English)

Keywords: separated with semicolon (in English)

Text of the article (in English)

1. Introduction.

2. Objective.

3. Materials and methods.

4. Results of the research and Discussion.

5. Conclusion.

6. Conflict of interest information.

7. Sponsorship information.

8. Acknowledgments.

References

References text type should be Chicago Manual of Style

DATA ABOUT THE AUTHORS

Surname, first name (and patronymic) in full, job title, academic degree, academic title

Full name of the organization – place of employment (or study) without compound parts of the organizations' names, full registered address of the organization in the following sequence: street, building, city, postcode, country

E-mail address

SPIN-code in SCIENCE INDEX:

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

- «ПСИХОЛОГИЯ НАРОДОВ» В ИССЛЕДОВАНИЯХ
ГЕРМАНСКИХ И ФРАНЦУЗСКИХ АВТОРОВ КОНЦА XIX
НАЧАЛА XX ВЕКОВ (НА ПРИМЕРАХ М. ЛАЦАРУСА,
Х. ШТЕЙНТАЛЯ, В. ВУНДТА И Г. ЛЕБОНА)
Аджинджал К.А. 7
- СЕКСУАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1920-Х ГГ. НА ЮГЕ РОССИИ
Багдасарян С.Д. 22
- К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ ГОРОДА-
КУРОРТА СОЧИ В ПЕРИОД ПЕРЕСТРОЙКИ (1985–1991 ГГ.)
Ермачков И.А. 40

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

- ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА РОДИНЫ
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А. АБУ-БАКАРА
Алиомарова Г.И., Семиляк В.И. 60
- КОНЦЕПТОГЕНЕЗ И КОНЦЕПТОСФЕРА
Бажанов А.Е. 70
- ОТРИЦАТЕЛЬНО-ЭМОТИВНАЯ ЛЕКСИКА В РОМАНЕ
С. КИНГА «THE SHINING»
Выгужанина А.Ю., Хабибулина Э.А. 85
- О КОМИЧЕСКОМ И ПОЛИТИЧЕСКОМ:
СЕМЕЙНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ
В МОЗАИКЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ЮМОРА
Журавская К.А., Кузнецова А.Е. 96

ТАКТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ВНУШЕНИЯ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ПОЗИТИВНОГО ЦЕННОСТНОГО ОТНОШЕНИЯ К ПРОШЛОМУ В ГЕРМАНСКИХ СМИ Ребрина Л.Н., Шамне Н.Л.	109
ОСОБЕННОСТИ ЦВЕТОВОЙ ПАЛИТРЫ ВОСПРИЯТИЯ МИРА В ТВОРЧЕСТВЕ ЭМИЛИ ДИКИНСОН: СРЕДСТВА ЭКСПРЕССИИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ Мосолкова М.Г. (Костицына М.Г.), Хусаинова А.А.	126
СТРУКТУРНАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ СРАВНЕНИЙ (НА ПРИМЕРЕ ПЕРЕВОДА РОМАНА Д. ЛОНДОНА «МАРТИН ИДЕН») Паршукова М.М.	138
ЭТНОЯЗЫКОВОЙ СОСТАВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И КАНАДЫ Славина Л.Р., Максимова Э.В., Гатин Р.Г., Бакланов П.А.	149
СПЕЦИФИКА ЯЗЫКОВОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ РЕЗУЛЬТАТОВ ЧУВСТВЕННОГО ВОСПРИЯТИЯ КОЛИЧЕСТВА Федяева Е.В.	164
УСТНЫЕ РЕЧЕВЫЕ ВИДЕОЗАДАНИЯ «СЕЛФИ-ВИДЕО» ДЛЯ ОБУЧЕНИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ ВЕБ-КОММУНИКАЦИИ Филиппова И.О.	184
СПЕЦИФИКА АНГЛИЙСКИХ СУЕВЕРНЫХ ЗНАКОВ-ПРОЦЕССИВОВ С ЛЕКСЕМАМИ, НОМИНИРУЮЩИМИ ДЕТАЛИ ОДЕЖДЫ Халеева С.А.	194
КОННОТАТИВНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «НОС» В АНГЛИЙСКОМ И ТАТАРСКОМ ЯЗЫКАХ Хисматуллина Л.Г., Гарифуллина Д.Б.	205

СПЕЦИФИКА ГРАФИЧЕСКИХ НАЧЕРТАНИЙ СТРОЧНЫХ БУКВ СКОРОПИСНОГО ТЕКСТА «ЗАПИСЬ АСТРОНОМИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ...» Чернякова М.В.	218
---	-----

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

ФОРМИРОВАНИЕ КОЛЛЕКТИВНОЙ ЛИЧНОСТИ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ КАК ЭЛЕМЕНТ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ДИНАМИКИ Гутова С.Г., Самохина Н.Н.	234
--	-----

КОНЦЕПТУАЛЬНО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗЛИЧИЯ В ПРАВОСЛАВНОЙ И ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОТЕРАПИИ Ермаков В.А., Корецкая И.А.	250
--	-----

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПРОБЛЕМ КУЛЬТУРЫ И ЭКОЛОГИИ В ФИЛОСОФИИ КЕНА УИЛБЕРА Куценко Н.Ю., Бобылева О.М.	282
---	-----

РАННИЕ ФОРМЫ И РУДИМЕНТЫ В ТРАДИЦИОННОМ ИСЛАМЕ Хиясова С.Г.	293
---	-----

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ	305
----------------------------------	-----

CONTENTS

HISTORY AND ARCHAEOLOGICAL STUDIES

- «THE PSYCHOLOGY OF PEOPLES» IN THE STUDY
OF GERMAN AND FRENCH AUTHORS OF THE LATE
NINETEENTH AND EARLY TWENTIETH CENTURIES
(WITH EXAMPLES M. LATSARUSA, H. SHTEYNTALYA,
W. WUNDT AND G. LEBONA)
Ajinjal K.A. 7
- THE SEXUAL REVOLUTION OF THE 1920S IN THE SOUTH
OF RUSSIA
Baghdasaryan S.D. 22
- TO THE ISSUE ON SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT
OF SOCHI CITY DURING PERESTROIKA (1985–1991 YEARS)
Ermachkov I.A. 40

STUDIES IN PHILOLOGY

- LANGUAGE REPRESENTATION OF THE MOTHERLAND IMAGE
THE WORKS BY ABUBAKAR
Aliomarova G.I., Semilyak V.I. 60
- CONCEPT GENESIS AND CONCEPT SPHERE
Bazhanov A.E. 70
- EMOTIVE WORDS WITH A NEGATIVE CONNOTATION
IN THE NOVEL THE SHINING BY S. KING
Vychuzhanina A.Y., Khabibulina E.A. 85
- ON THE COMICAL AND POLITICAL: FAMILY POLITICAL
SUCCESSION IN A MOSAIC OF NATIONAL HUMOR
Zhuravskaya K.A., Kuznetsova A.E. 96

VERBAL SUGGESTION TACTICS IN THE PROCESS OF VALUE RELATION FORMATION TO THE PAST IN THE GERMAN MASS MEDIA Rebrina L.N., Shamne N.L.	109
THE UNIQUENESS OF EMILY DICKINSON'S WORLDVIEW COLOUR PALETTE: EXPRESSIVE MEANS OF THE ENGLISH LANGUAGE Mosolkova M.G. (Kostitsina M.G.), Khusainova A.A.	126
THE STRUCTURAL CLASSIFICATION OF COMPARISONS (BASED ON THE NOVEL MARTIN EDEN BY J. LONDON) Parshukova M.M.	138
ETHNO-LINGUISTIC COMPOSITION OF THE RUSSIAN FEDERATION AND CANADA Slavina L.R., Maksimova E.V., Gatin R.G., Baklanov P.A.	149
THE LANGUAGE REPRESENTATION PECULIARITIES OF THE QUANTITY SENSORY PERCEPTION RESULTS Fedyayeva E.V.	164
ORAL 'SELFIE VIDEO' TASKS AIMED AT TEACHING WEB-COMMUNICATION IN A FOREIGN LANGUAGE Filippova I.O.	184
PARTICULAR ASPECTS OF ENGLISH SUPERSTITIOUS PROCESSIVE SIGNS WITH LEXEMES NOMINATING ITEMS OF CLOTHING Khaleeva S.A.	194
CONNOTATIVE MEANINGS OF THE 'NOSE' LEXICAL-SEMANTIC GROUP IN THE ENGLISH AND TATAR LANGUAGES Khismatullina L.G., Garifullina D.B.	205
GRAPHICAL INSCRIPTION SPECIFICITY OF LOWERCASE LETTERS FOUND IN SHORTHAND TEXT «THE RECORD OF ASTRONOMICAL PHENOMENA...» Chernjakova M.V.	218

STUDIES IN PHILOSOPHY

EVOLUTION OF PERSONALITY IN THE INFORMATION SOCIETY AS ELEMENT SOCIOCULTURAL DYNAMIC Gutova S.G., Samokhina N.N.	234
CONCEPTUAL AND METHODOLOGICAL DIFFERENCES IN ORTHODOX AND PSYCHOANALYTICAL PSYCHOTHERAPY Ermakov V.A., Koretskaya I.A.	250
INTERRELATION OF PROBLEMS OF CULTURE AND ECOLOGY IN PHILOSOPHY KEN WILBER Kutsenko N.Yu., Bobyleva O.M.	282
EARLY FORMS AND RUDIMENTS IN TRADITIONAL ISLAM Hiyasova S.G.	293
RULES FOR AUTHORS	305

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии «ЛитераПринт»
г. Красноярск, ул. Гладкова, 6, офис 0-10
Подписано в печать и дата выхода: 31.05.2016. Заказ СИСП2-12016.
Тираж 5000. Усл. печ. л. 22,52. Формат 60×84/16